

Майкл Суэнвик

КОСТИ ЗЕМЛИ

Путешествие во времени от короля киберпанка!

КИБЕРПАНК

Кости Земли

Майкл Суэнвик

1. НАЧАЛО
2. ЗАГАДКА АХИЛЛЕСА
3. LAGERSTATTEN
4. КУКУШКИНО ГНЕЗДО
5. С ОСТРОВА НА ОСТРОВ
6. «БЕДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ»
7. ЗАШИТНАЯ ОКРАСКА
8. ЧЕРТОВ РУЧЕЙ
9. СЛЕДЫ
10. БРАЧНЫЕ ИГРЫ
11. ЧУДЕСНЫЙ МЕЛ
12. МОЛОДНЯК
13. УТРАЧЕННОЕ ЗВЕНО
14. ИНФРАЗВУК
15. АДАПТАЦИЯ
16. ПРИНЦИП ПОПУТЧИКА
17. ТИПОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯР
18. ВЫСОКАЯ КОМИССИЯ
19. ЛАЗАРЬ-ТАКСОН
20. КОНЕЦ ИГРЫ
ПРИЛОЖЕНИЕ

1
НАЧАЛО

Вашингтон, округ Колумбия: кайнозойская эра[1], четвертичный период, эпоха голоцена[2], современный век, 2010 год н. э.

Если предположить, что эти запутанные события вообще имели хоть какое-нибудь начало, то они начались холодным октябрьским днем, в тот момент, когда в кабинет Ричарда Лейстера вошел человек с переносным холодильником. Не спрашивая разрешения, пришелец поставил свою ношу на столмежду лимонного цвета надувным тираннозавром и коробкой с нерассортированными зубами гадрозавра. А уже затемс холодной улыбкой протянул ученому руку.

Незнакомец, назвавшийся Гриффином, явился,

---

[1] notes: 1

Кайнозойская эра. Началась ок. 67 млн. лет назад и продолжается в наше время, разделена на три периода: палеогеновый, неогеновый и четвертичный. В эту эру сформировались современный рельеф, климат, атмосфера, животный и растительный мир, человек

[2] notes: 2

Голоцен (от греч. Holos — весь и kainos — новый) — современное геологическое время. Синоним: позднейший плейстоцен. Начался 10 000 лет назад.

чтобы предложить Лейстеру работу.

В ответ Лейстер, усмехнувшись, присел на краешек стола и отложил визитку гостя, даже не взглянув, на нее.

— Вы не могли выбрать худшего времени для подобного предложения.

— Серьезно? — Гриффин смахнул кучу коробок со стула и сел, поддернув брючины на коленях. Он явно не хотел мять дорогой костюм. Лицо Гриффина было тяжелым и невыразительным. — А почему?

— Ну, начать с того, Смитсоновский музей взял меня на эту должность, еще когда я заканчивал учиться. Было бы черной неблагодарностью уйти сейчас, не проработав и трех лет. Я понимаю, что вы, наверное, предлагаете большие деньги...

— Я ничего не говорил о деньгах.

— В музее прекрасно знают, какая это честь — работать на них, — сухо продолжал Лейстер. — Один из наших специалистов подрабатывает, торгуя пивом. Догадываетесь, что приносит ему больший доход?

— Кроме денег, существуют и другие стимулы.

— Поэтому вы и тратите время зря. Дело в том, что летом я руководил раскопками в Вайоминге. Мы нашли там следы, которые... Знаете, подобная

находка попадается раз в жизни, и то если очень повезет. Что бы вы ни предложили — оно того не стоит.

Долгое время Гриффин молчал. Раскачиваясь на стуле, он лишь пристально глядел в окно. Проследив за его взглядом, Лейстер не заметил ничего, кроме мрачного неба, рыжих черепичных крыш, чадящих машин да прилипших к стеклу желтых листьев. Внезапно гость спросил:

— Могу я взглянуть на вашу находку?

— Вы серьезно? — удивился Лейстер. Гриффин не походил на человека, способного заинтересоваться научными исследованиями. Он напоминал бюрократа, чиновника, администратора. Возможно — политика. Но только не ученого. Даже встречу Гриффин организовал не так, как это сделал бы ученый — позвонив и сославшись на общих знакомых, — а через администрацию музея. Лейстеру сообщили оттуда, что кто-то настойчиво названивает им, и палеонтолог решил, что встретиться будет легче, чем выслушивать объяснения по телефону.

— Было бы не серьезно, я бы не просил.

Мысленно пожав плечами, Лейстер включил компьютер и нашел нужную программу. На огромном настенном мониторе появилось изоб-

ражение — настолько подробное, насколько позволяли современные технологии. Еще осенью Лейстер отдал увеличенные фотографии раскопок Ральфу Чапмену из соседней лаборатории, и тот состряпал цельную и достоверную объемную картину.

— Что вы видите? — спросил палеонтолог.

— Отпечатки лап, — сказал Гриффин. — В грязи.

— Совершенно верно. Это и есть самое волнующее. Когда выкапываешь кости, то получаешь представление *об умершем* животном. А вот эти следы оставлены *живыми* существами. В то утро они дышали и двигались, а для одного из них оно стало последним. Подождите, я вам все объясню.

Лейстер положил руку на «мышь», чтобы, комментируя, управлять изображением.

— Сто сорок миллионов лет назад один апатозавр вышел прогуляться вдоль берега мелкого озера. Обратите внимание, как глубоки его следы, как мирно и неторопливо он шагает. Животное не знает, что на него уже охотятся.

Гриффин скрестил руки на груди, мрачно наблюдая за манипуляциями Лейстера. Руки гостя казались слишком большими для человека его телосложения.

— Посмотрим на более мелкие цепочки следов, появляющиеся со стороны леса и догоняющие след апатозавра с обеих сторон: здесь и здесь. Следы принадлежат паре аллозавров. Это динозавры-убийцы двенадцати метров длиной и с непомерно длинными когтями. Зубы их столь велики, что каждый напоминает кинжал, да еще с зазубренным краем. Аллозавры двигались быстро, но еще не бежали — лишь преследовали. Обратите внимание, как хищники держатся по отношению к жертве: они могут прыгнуть на нее в любой момент и с двух сторон. А вот здесь апатозавр почуял опасность. Возможно, ветер переменился, и он уловил запах преследователей. Или охотники подали голос перед атакой. Что бы ни встревожило зверя — по следам этого не угадаешь.

— Он побежал.

— Посмотрите, как сразу увеличилось расстояние между отпечатками. И то же самое произошло со следами аллозавров — вот тут. Они начали загонять свою жертву так, как сейчас это делают львы. И разница лишь в том, что их жертва величиной с гору, а сами аллозавры столь огромны и свирепы, что могли бы закусить львом на завтрак. Теперь вот здесь: видите этот

маленький прыжок одного из аллозавров и абсолютно идентичный — другого? Они сравнялись с апатозавром в скорости и бегут как бы в единой связке. Аллозавры готовятся атаковать.

Лейстер совершенно забыл о своей «аудитории», вновь захваченный древней драмой. Жизнь, преследуемая смертью. Ситуация привычная, но всякий раз неожиданная для живущих на этой Земле.

— Мог бы апатозавр убежать от них? Вероятно, да, развей он большую скорость. Но столь громоздкое существо просто не в силах бежать быстрее аллозавров. Поэтому он вынужден был повернуться — вот здесь, где все три следа сходятся, — и драться.

Палеонтолог дважды щелкнул правой кнопкой «мыши», чтобы увеличить площадь обзора.

— Вот тут и начинается самое интересное. Смотрите, как перепутаны следы — все кругом истоптано, изрыто, перемешано. Перед нами своеобразная запись состоявшегося сражения, что, собственно говоря, и делает раскопки уникальными. Обратите внимание на глубину парных отпечатков. Я еще не все рассчитал, но скорее всего чудовище поднялось на задние лапы и буквально рухнуло на своих мучителей. Если

бы апатозавр смог использовать преимущество своего невероятного веса, он бы выиграл битву. Но нашему другу не повезло. Вот здесь, где истоптан буквально каждый миллиметр, наш бедный Патти упал. Бум! — оставляет он отпечаток своего величественного тела. А тут, несомненно, следы хвоста. Патти просто так не сдается! Увы, игра уже проиграна, независимо от того, сколько продлится бой. Если апатозавр упал — все кончено. Эти хищные монстры ни за что не дадут ему подняться.

Лейстер еще раз отодвинул изображение, чтобы окаменевшее поле битвы у берега древнего озера появилось на экране целиком. Следы тянулись примерно полмили, и при воспоминании об этих раскопках у палеонтолога до сих пор побаливала спина. Сперва попадались лишь невыразительные обломки, и две трети работы уходило на то, чтобы осматривать их и отбрасывать. И ученые осматривали, отбрасывали и копали, копали, копали, пока вся эта невероятная картина не появилась из-под земли. Вот когда стало по-настоящему интересно! Отпечатки тщательно измерили и сфотографировали, а бесценную находку укрыли слоями чистого песка, чтобы уберечь от дождя и жадных браконьеров.

— И наконец, вот здесь...

В предвкушении волнующего момента Лейстер повысил голос. Больше всего на свете он любил разгадывать научные головоломки, а уж эти следы были всем загадкам загадка. Ведь помимо аллозавров свои отпечатки там оставили птицы, мелкие динозавры, даже несколько млекопитающих — все, кто сумел ухватить остатки добычи. Следы пересекали друг друга и переплетались в таких невероятных комбинациях, что казалось, расшифровать их просто невозможно. Но Лейстер принял вызов и получил от работы настоящее удовольствие.

— На этом самом месте бедный Патти умер, и аллозавры сожрали его без всякого сожаления. Невероятная удача, что многие из костей апатозавра вдавились в грунт глубоко и аккуратно, оставив четкие отпечатки. Мы сняли слепки — локтевая кость, части бедренной, три позвонка — вполне достаточно для идентификации. Первый неиспорченный, нетронутый временем след динозавра!

— Теперь понятно, откуда вы знаете, что это апатозавр. А как насчет аллозавров?

Лейстер усмехнулся и увеличил изображение, так что отпечаток позвоночника занял весь

экран. Спасибо Ральфу! Двойной щелчок левой кнопкой, и изображение стало выпуклым и объемным. Палеонтолог выделил хвостовую часть.

— Вглядитесь в этот позвонок, и вы наверняка увидите застрявший в нем зуб. Ни единой пломбы, заметьте! Его потерял один из этих хулиганов. То ли во время атаки, то ли уже вгрызаясь в мертвое тело.

Гриффин зааплодировал негромко и несколько саркастически.

— Поразительно, — заявил он тоном актера из захудалой театральной постановки. Ощущался явный диссонанс между тем, что Гриффин сказал, и тем, как это было произнесено. Будто он слышал все рассказанное Лейстером сотни раз, и ему такие истории порядком надоели. Палеонтолог испытал почти физический шок. Как мог хоть мало-мальски образованный человек, выслушав столь волнующий рассказ, выглядеть так, как выглядел Гриффин? А тот небрежно произнес:

— Не сомневаюсь, что для вас эти отпечатки — открытая книга.

— Они и есть книга. Нет, больше, чем книга! Такого никто никогда не находил, подобные следы можно изучать годами!

Чтобы разобраться в отпечатках, Лейстер бесе-

довал с фермерами, не понаслышке знакомыми с повадками волков и кугуаров, со следами их охоты и местами отдыха. А один его приятель из Национального музея американских индейцев обещал познакомить с проводником из племени навахо, способным, по слухам, выследить форель в горном потоке и сокола — в грозовой туче. Нечего и говорить, сколько бесценной информации можно было выжать из такого следопыта.

— Скажу больше: день, когда раскопки были закончены и я осознал, *что* я совершил, стал самым ярким в моей жизни.

Он находился у горной цепи со странным названием хребет Пылающей Женщины под самым жарким и голубым небом, какое только можно было представить. С одной стороны возвышались скалы, с другой простирались поросшие кустарником равнины. Радостные голоса рабочих, шуршание совков в земле — все это ушло в сторону, оставив его в почти священном одиночестве. Казалось, застыл даже воздух — ни шороха, ни звука, ни дуновения. В тот момент Лейстер ясно ощутил присутствие Бога.

— Я почувствовал, что подобная находка оправдывает сам факт моего существования на Земле. И вы хотите, чтобы я все бросил? Да ни за что

на свете!

— Я вполне представляю значение вашей находки, — заявил Гриффин. — Но, поверьте, мое предложение лучше. Гораздо лучше.

— При всем моем уважении, мистер Гриффин... Посетитель предостерегающе поднял руку:

— Прошу, выслушайте меня до конца.

— Хорошо.

Входя, Гриффин плотно затворил за собой дверь, и в комнате, кроме них, никого не было. Однако теперь, прежде чем заговорить, он внимательно огляделся кругом. Потом, извинившись, откашлялся и начал:

— Разрешите мне начать с условий контракта. Просто чтобы не возвращаться к этому потом. Вы остаетесь на своей прежней должности, но в рамках проекта будет подписан договор о том, что мы «заимствуем» вас на полгода. Вашу работу по-прежнему оплачивает государство, поэтому никакой прибавки к жалованью не ожидается. Извините.

«А ведь он наслаждается, — подумал Лейстер. — Научный разговор утомил его до смерти. А вот возможность поспорить буквально вернула к жизни». Обычно палеонтолог не удостаивал таких людей пристальным вниманием, но Гриф-

фин не выглядел заурядным обывателем. Лейстер напряженно изучал невыразительное, бесстрастное лицо сидевшего перед ним человека, пытаясь найти малейшую подсказку для разгадки его странного спокойствия. Ученый считал себя кропотливым исследователем: попади ему в руки кончик запутанной нити, и он не остановится, пока не размотает клубок до конца. Все, что ему необходимо, это время и тот самый свободный кончик.

Гриффин, не глядя на собеседника, неожиданно отогнул край рукава рубашки. Под ним обнаружились массивные часы, сделанные, по-видимому, из нержавеющей стали. И тут странный собеседник Лейстера сделал легкое движение, на которое палеонтолог не обратил бы внимание при других обстоятельствах. Теперь же оно показалось ему настолько странным, что ученый насторожился. Накрыв циферблат рукой, Гриффин взглянул на тыльную сторону ладони и освободил часы только после того, как поднял глаза.

Лейстер решил, что пора продолжить беседу. Уверенным голосом он спросил:

— Итак, предлагаемые вами условия ничем не лучше моих нынешних?

— Даже хуже, — ответил Гриффин.

«А у него, оказывается, есть чувство юмора! Невероятно, но факт», — подумал Лейстер.

— В вашей работе будут существовать ограничения, — продолжал гость. — Во-первых, не разрешаются публикации. Нет, все, что касается ваших раскопок, — ради бога. — Он пренебрежительно махнул рукой в сторону экрана. — Об этом пишите и печатайте сколько душе угодно. При условии, конечно, что работы сначала просмотрит наш внутренний комитет. Мы желаем удостовериться, что вы не используете в них предоставленную секретную информацию. Кроме того, вы не сможете ни с кем обсуждать свою деятельность в рамках проекта. И еще. Нам требуется ваше разрешение на то, чтобы ФБР установило за вами надзор. Уверяю вас, это не страшно.

— Надзор? ФБР? За палеонтологом? Какого черта, что за ерунда?!

— Я должен также предупредить вас о возможной угрозе насильственной смерти.

— Ага, насильственной смерти? — Лейстер начал злиться. — Ну, теперь все окончательно ясно, спасибо.

— А разве вам не любопытно? К вам в кабинет

приходит незнакомец, — Гриффин заговорщически наклонился к Лейстеру, — и говорит, что у него есть работа, которая подходит именно вам. Из-за специфики данной работы он не может сообщить подробности, пока вы не посвятите себя ей душой и телом. Но он намекает, что, согласившись, вы переживете самое захватывающее научное приключение со времен путешествия Дарвина на «Бигле». Что скажете?

— Что незнакомцу удалось вызвать мой интерес...

— Если все это правда, — иронически закончил Гриффин.

— Да, — подтвердил Лейстер. — Если все это правда.

Гриффин улыбнулся. Улыбка странно исказила его грубоватое лицо.

— Значит, я сказал все, что вам нужно было знать.

Лейстер ждал продолжения, но его не последовало.

— Простите за резкость, — наконец не выдержал палеонтолог, — но это самая большая чушь, какую я слышал в своей жизни. Вы не сказали ничего, что могло бы заинтересовать меня. Напротив, сообщили, что за мной будет установлена

слежка, что мне нельзя будет публиковаться, что меня могут... Честно говоря, я не в состоянии придумать более серьезных аргументов, которые убедили бы меня не принимать вашего предложения.

Во взгляде Гриффина появилась едва заметная насмешливая искорка. Словно подобную реакцию он и пытался спровоцировать.

Или хотел, чтобы Лейстер подумал именно так.

Нет, это уже походило на манию преследования. Лейстер никогда раньше так не рассуждал, ему не нравилось даже думать таким образом. Он привык иметь дело с неживой природой. Она могла хранить свои тайны за семью печатями, но никогда не морочила ему голову намеренно. А этот странный человек заставлял Лейстера мыслить в несвойственной ему манере.

Гриффин опять накрыл часы ладонью и, бросив на нее взгляд, сказал:

— Все равно вы примете мое предложение.

— Если причина вашей уверенности в том, что...

Гриффин подвинул холодильник поближе к Лейстеру.

— Я оставляю вам вот этот подарок. Правда, с

одним условием — вы никому его не покажете и ничего о нем не расскажете. В остальном делайте с ним что хотите, — пренебрежительно скривив рот, добавил он. — Вскрывайте, изучайте, разбирайте на части, чтобы удостовериться в его подлинности. Там, где я взял это, полно таких игрушек. Но никаких фотографий. Иначе вы никогда больше не получите ничего подобного.

С этими словами Гриффин вышел.

Оставшись в одиночестве, Лейстер решил пока не открывать странный подарок. Разумнее всего было бы вообще выбросить его на ближайшую свалку. Что бы там ни приволок этот Гриффин, оно сулило одни неприятности. ФБР, внутренний комитет, цензура и даже смерть — этого еще не хватало! Разве что взглянуть одним глазком, любопытства ради.. А потом уже выкинуть.

Палеонтолог открыл холодильник.

Ошеломленный, он долго смотрел на обложенное льдом содержимое. Затем, молча, Лейстер запустил руки внутрь, ощутив прохладную плоть. Кожа слегка двигалась от прикосновений пальцев, под ней чувствовались мышцы и кости.

Это была голова стегозавра.

Порыв холодного ветра заставил окно слегка зазвенеть, потоки воды заструились по стеклу.

Внизу по улице, шумя, проезжали машины. В коридоре кто-то смеялся.

Постепенно силы вернулись к Лейстеру. Он достал странную штуковину из холодильника и водрузил ее на стол, прямо на кипу журналов по палеонтологии. Голова была около сорока пяти сантиметров в длину, пятнадцати в высоту и пятнадцати в ширину. Лейстер медленно провел ладонями по ее поверхности.

Шкура динозавра казалась прохладной и слегка пружинила. Под ней ощущались эластичные мускулы и твердые кости. Один из пальцев ученого случайно проскользнул между губами существа, наткнувшись на гладкие зубы. Клюв имел острые края и на ощупь напоминал рог.

Лейстер приподнял одно веко и увидел золотистый глаз. И внезапно палеонтолог почувствовал, что плачет. Не утирая слезы, он рывком распахнул рабочую тетрадь, а затем принялся готовить инструменты для вскрытия. Скальпель номер четыре с лезвием номер двадцать, тяжелые щипцы, пила, несколько резцов и увесистый молоток. Все это хранилось в лаборатории с прошлого лета, когда Сьюзен Как-ее-там, одна из интернов Джона Хопкинса, целыми неделями тихо сидела в углу, составляя атлас мягких тканей варана,

которого угораздило испустить дух в Национальном зоопарке.

Лейстер освободил стол от всего, что на нем было — книг и дискет, пары циркулей и бумагорезки, сухих крендельков и фотографий раскопок, — и расположил голову посередине. Аккуратно разложил инструменты: скальпель, щипцы, пилу. Удивился: где же циркули, которые здесь только что были? Ах да, он же смахнул их на пол вместе со всем остальным! После минутного колебания Лейстер отложил резец и молоток в сторону. Они подходили только для грубой работы, а он собирался делать все тщательно.

С чего же начать?

Палеонтолог начал с продольного разреза от клюва до отверстия, где спинной мозг соединяется с головным. Затем бережно отодвинул кожу, обнажая мышцы — темно-красные с легким серебристым оттенком.

«Затылочная мускулатура», — записал Лейстер в тетради и сопроводил запись быстрым наброском. Закончив описание мышечной структуры, он снова взял скальпель и рассек мускулы так, что показались кости черепа. Из инструментов, разложенных на столе, выбрал пилу, потом отложил ее и приподнял щипцы. Внезапно палеонтолог

почувствовал себя вандалом, замахнувшимся молотком на Мадонну Микеланджело. Но, черт побери, он уже видел скальп стегозавра!

Лейстер аккуратно разрезал кость. Она разошлась с тихим звуком, похожим на хруст лопнувшего пластика. Черепная коробка раскрылась.

Мозг стегозавра, покрытый яркой сеткой кровеносных сосудов, оказался оранжево-бежевого, почти янтарного цвета и, разумеется, крошечного размера — стегозавр был на редкость тупой зверюгой даже среди динозавров, вообще не отличавшихся особой резвостью мысли. Его форма заставила Лейстера вспомнить о предшествующем тщательном изучении окаменелых черепов этого вида.

Но дальше простиралась терра инкогнита даже для него. Ничего не известно о внутреннем строении мозга динозавра, о его микроструктуре. Будет он напоминать мозг птицы, крокодила или млекопитающего? Сплошные открытия! Нужно зарисовать и описать дыхательные отверстия. А мускульная система языка! И не забыть бы рассечь глаз и посмотреть, сколько там типов цветовых рецепторов.

И еще проверить — были ли у этого зверя носовые раковины. Достаточно ли для них места?

Раковины нужны, чтобы улавливать влагу, выдыхаемую вместе о воздухом, и хранить ее в организме. Теплокровные животные с их частым дыханием нуждаются в сложных раковинах — чтобы предохранить легкие от высыхания. Холоднокровные же не испытывают столь сильной потребности во влаге и вполне могут обойтись без них.

Споры о том, к кому относятся динозавры — к теплокровным или холоднокровным, — начались задолго до рождения Лейстера, и теперь он одним махом мог поставить все точки над «і».

Но сначала — мозг.

Лейстер чувствовал себя Колумбом, глядящим на длинную береговую линию нового континента. «Здесь обитают драконы». Его скальпель завис над распластанной на столе головой.

Затем он опустился.

От усталости Лейстер пошатнулся и чуть не потерял сознание, но сумел взять себя в руки. Потряс головой, с трудом соображая, где он и почему так вымотался. Постепенно все вокруг обрело четкие очертания, и Лейстер скорее почувствовал, чем услышал, — в здании царит полная тишина. Часы в виде Элвиса Пресли в розовом пиджаке и с разинутым ртом, давний подарок одной из его

подружек, показывали 3:12 ночи. Палеонтолог занимался головой динозавра около двенадцати часов без еды и отдыха.

Перед Лейстером выстроились в ряд колбы; в каждой из них лежала определенная часть мозга, помещенная в формальдегид. Тетрадь была почти целиком заполнена описаниями и рисунками. Ученый взял ее и пробежал глазами первую страницу.

«Вскрытие черепной коробки показало, что мозг достаточно короткий, но глубокий, с хорошо выраженным мостовым изгибом и резко скошенной каудодорсальной частью. Малые церебральные полушария имеют в поперечнике диаметр, слегка превышающий продолговатый мозг. Хотя оптические и обонятельные центры весьма велики, мозжечок поразительно мал».

Лейстер узнал собственный аккуратный и мелкий почерк. Однако он не имел ни малейшего понятия о том, как и когда написал эти слова. Равно как и десятки последующих.

— Я должен остановиться, — произнес палеонтолог вслух. — В таком состоянии мне нельзя даже гвозди забивать.

Услышав, как прозвучала эта фраза, Лейстер решил, что она вполне справедлива. Измучен-

ный, он обернул голову динозавра алюминиевой фольгой и поместил в лабораторный холодильник, вынув оттуда месячной давности пакет грейпфрутового сока и упаковку «пепси-колы». Замка у холодильника не было, но после недолгих поисков Лейстер вытащил откуда-то длинную оранжевую веревку, которой и обмотал агрегат несколько раз. Он взял лист бумаги, яркий маркер и, написав: «Опасно! Эксперимент с бактериями ботулизма! НЕ ОТКРЫВАТЬ!», приклеил записку к дверце.

Можно было идти домой.

Но именно теперь, когда голова, эта невообразимо прекрасная голова древнего ящера, не маячила больше перед ним, занимая все мысли, Лейстер наконец осознал, сколь невероятно ее появление.

Откуда она взялась? Чем можно объяснить подобное чудо? Как ЭТО вообще может существовать?

Путешествия во времени? Нет.

Когда-то ему на глаза попалась статья из журнала по физике, рассказывавшая о теоретической возможности подобных путешествий. В статье говорилось, что для их осуществления необходимо построить невероятно огромный, длинный и

прочный цилиндр величиной с Млечный Путь, вращающийся со скоростью, равной половине скорости света. И даже если этот монстр будет построен — что в принципе невозможно, — вряд ли кто-то добьется от него реальной пользы. Объект, запущенный вдоль его поверхности под строго определенным углом, очутится либо в прошлом, либо в будущем. Все будет зависеть от направления движения: по вращению цилиндра или против него. Но насколько далеко этот объект в конце концов окажется, предсказать невозможно. Поэтому вопрос о небольшой прогулочке в мезозойскую эру и поднимать глупо.

В любом случае современные физики вряд ли построят машину времени в течение ближайшей тысячи лет. Если вообще когда-либо построят...

А не мог ли кто-нибудь нанять инженеров-генетиков, чтобы восстановить фрагменты ДНК динозавров? Как в том фильме, который он обожал ребенком? Снова нет. Это чистой воды фантастика. ДНК — вещь хрупкая и разрушается крайне быстро. Самое большее, что удавалось до сих пор, это восстановить мелкие фрагменты генов насекомых, найденных в янтаре. Может быть, кто-то соединил такие фрагменты? Ерунда. Это не легче, чем восстановить все пьесы Шекспира

по обрывкам обгоревшей рукописи, в которой сохранились лишь слова «никогда», «предательство» и «этот». Только в данном случае это будут обрывки не одной-единственной рукописи, но стотысячной библиотеки, включающей произведения Микки Спилейна и Дороти Сойерс, Хораса Уолпола и Джин Диксон[3], отчеты Конгресса и полное собрание сочинений Стивена Кинга.

Невозможно.

Проще посвятить остаток жизни попыткам восстановить Венеру Милосскую. А для этого бродить по берегу Средиземного моря и просеивать песок, стремясь отыскать крупицы мрамора, некогда бывшие ее руками.

А если перед ним фальшивка?

Из всех возможных объяснений последнее казалось самым невероятным. Палеонтолог сам вскрыл голову существа, ощущал эластичность и упругость мышц, видел кровь на своих руках. Животное совсем недавно было живо.

Лейстер часто использовал журналы по биоло-

---

[3] notes: 3

Дороти Сойерс (1893 — 1957) — английская писательница, работавшая в жанре классического детектива. Микки Спилейн (род. в 1918г.) — американский писатель, автор детективов о знаменитом сыщике Майкле Хаммере. Хорас Уолпол (1717 — 1797) — английский писатель и антиквар. Джин Диксон (1918 — 1997) — всемирно известная американская предсказательница, астролог.

гии в своей работе. Он четко знал, что возможно, а что нет. Собрать псевдодинозавра? Из кусочков? Ученые были бы счастливы, если бы им удалось создать таким путем хотя бы вирус. Даже самая простейшая амеба — это целый сложный мир.

Вот и все. Только три возможных объяснения, одно невероятнее другого.

Но Гриффин-то знает! Знает и может рассказать! Где его визитка? Валялась же где-то здесь, на столе...

Лейстер отыскал драгоценную карточку и прочел:

Г. ДЖЕЙМСОН ГРИФФИН АДМИНИСТРАТОР

Больше ничего. Ни адреса. Ни телефона. Ни факса. Ни электронной почты. Даже названия организации, и того не было.

Гриффин не оставил ни единой ниточки.

Лейстер рванулся сначала к телефону, а затем, судорожно набрав номер администрации музея, — к компьютеру. Там же миллионы записей! Давно прошли те дни, кода человек мог что-то совершить, не оставив после себя никаких следов. Он наверняка отыщет Гриффина!

Только после часа безуспешных поисков палеонтолог признал свое поражение. Имя Гриффина

не фигурировало ни в одном из просмотренных файлов. Джеймсон Гриффин не работал ни в одном государственном учреждении. И, кроме того, как установил Лейстер, он никогда не отправлял почтовых сообщений.

Как будто Гриффина никогда и не было.

Оставалось одно — ждать. Ждать и верить, что этот ублюдок вернется.

А если нет? Если он исчез навсегда?

Эти вопросы Лейстер задавал себе каждый день, сотни раз на дню, в течение полутора лет. Именно столько времени прошло, прежде чем в его офисе раздался неожиданный телефонный звонок.

2
ЗАГАДКА АХИЛЛЕСА

Кристал-Сити, Виргиния: кайнозойская эра, четвертичный период, эпоха голоцена, современный век. 2012 год н. э.

Во время поездки Лейстер оказался единственным, кто не выглядывал из окна машины, рассматривая рекламные щиты и новые метробусы; его не интересовала грандиозная перестройка столицы. В Пентагоне им также вручили свежий выпуск «Вашингтон пост», и еще вопрос, какие страницы больше развлекали его попутчиков — комиксы или выпуски новостей. Лейстер понимал их ностальгические чувства.

Для него же окружающий мир был всего лишь Настоящим.

Сидевший рядом добродушный круглолицый мужчина повернулся и протянул палеонтологу руку:

— Привет! Я — Билл Метцгер. А это моя жена Кеделла. Мы из будущего, десять лет спустя! — Женщина, улыбаясь, поздоровалась. Она была заметно моложе мужа. Супруги походили если не

на дедушку с внучкой, то уж определенно — на отца с дочерью.

— Я не участвую в программе, но Кеделла собирается прочесть доклад о носовых раковинах гадрозавров.

— Вот как? — удивился Лейстер. — Интересно. Я делаю доклад о носовых раковинах стегозавра, а также о строении его горла и языка. И чуть-чуть о мозге.

— Знакомо... — Кеделла пролистнула свои бумаги. — Это не то, что я собиралась... — Тут она осеклась. — О господи! Вы же Ричард Лейстер! Вы знаете, что ваша книга настолько...

Ее муж многозначительно кашлянул.

— Книга? — удивленно переспросил Лейстер.

— Ой, нет. Она еще не вышла.

Супруга Метцгера снова повернулась к окну.

— Правда нелепые костюмы? А в свое время они казались вполне ничего.

Кеделла говорила с очаровательным ямайским акцентом: густым, как карамельный пудинг, и четким, как алгебраическое уравнение. Лейстер слушал ее с явным удовольствием.

— А может, мне выскочить и поискать тебя? — спросил Билл. Сидящий впереди охранник бросил на него неодобрительный взгляд, но

промолчал. — Ты, наверное, была прелестной девчонкой, несмотря на нелепую одежду.

— Что ты имеешь в виду, говоря «была»? — Кеделла шлепнула его газетой. — А если я позволю тебе сделать такую глупость, мой милый? Не думай, что я прогляжу все глаза, дожидаясь тебя обратно. Ты скончаешься от сердечного приступа — и поделом.

— По крайней мере умру счастливым.

— А я? Что я буду делать по вечерам после того, как «скорая» увезет твои бренные останки?

— Смотреть телевизор.

— Ты прекрасно знаешь, что по вечерам нет ничего интересного!

Они выглядели такими счастливыми, эти двое, им было так хорошо друг с другом, что Лейстер особенно остро почувствовал свое одиночество. Он позавидовал тому, как легко и непринужденно супруги перебрасываются словами. Сам палеонтолог с трудом находил общий язык с людьми; любая беседа становилась для него мучением.

Билл вновь повернулся к Лейстеру:

— Простите мою легкомысленную женушку. Это ее первое путешествие во времени. Я думаю, все мы немного взбудоражены.

— Не думаю, что все. Некоторые живут здесь

постоянно.

— Да-да, простите. Все время забываю.

Билл вновь загляделся в окно, привлеченный рядом домов, на взгляд Лейстера, ничем не примечательных.

— Трудно поверить, что все изменилось за каких-то десять лет. Как много нового только еще должно случиться!

— Важного?

— По сравнению с этим? В смысле, с путешествиями во времени? Нет. Ничего примечательного.

Охранник, который, как им сказали, имел приказ стрелять в каждого, кто попытается выйти из машины без разрешения, выглядел очень недовольным.

Встречу организовали в отеле «Мариотт». И, по мнению Лейстера, он никогда не присутствовал на более странной конференции.

Конечно, кое-что оказалось просто восхитительным. Одним из преимуществ перемещения во времени было то, что протоколы заседаний издали еще до начала работы. На то, чтобы собрать, отредактировать и отпечатать тексты докладов, по-прежнему требовалось около года, но уже готовые брошюры привозили на конференцию из будущего и продавали около регистрационных

столов. Доклады брали с собой на заседания и делали примечания по ходу выступлений.

С другой стороны, Лейстер не узнавал почти никого из присутствующих. Палеонтология — закрытый мирок, всего две-три тысячи профессионалов. На других конференциях он знал лично большинство присутствующих и по крайней мере читал об исследованиях остальных. Теперь же, когда состав приглашенных охватывал временной отрезок в двадцать лет, Лейстер столкнулся с множеством незнакомцев. Даже те, кого он вроде бы узнал, постарели и изменились так, что к ним неудобно было подойти. Ричард не мог угадать, кто есть кто.

Лейстер присоединился к змеящейся из буфета очереди за кофе, Билл и его жена пристроились за ним. Метцгер хлопнул Ричарда по плечу, Кеделла приветливо улыбнулась. Было приятно увидеть хоть немного знакомые лица.

Сделав глоток, Кеделла скорчила гримаску.

— Кофе ужасен. Впрочем, как и всегда. Почему мы запросто посылаем человека на Луну или на тысячу лет в прошлое, но не в состоянии сварить приличную чашку кофе?

— Попробовала бы мой кофе без кофеина! Тогда не ругала бы свой.

— Как страдает этот человек! — Кеделла повернулась к Лейстеру. — Вы заметили, как он страдает?

— Не очень. Я размышлял о своей книге. Она почти готова, только с названием у меня не ладится. Может быть, «След времен»...

— А разве она называется не...

Билл многозначительно прочистил горло, и Кеделла запнулась.

— Ой, об этом запрещено рассказывать, — произнесла она извиняющимся тоном. — Простите, тут все очень строго.

— Пойдемте! Через несколько минут начнется вступительная речь. Надо занять места получше.

Лейстер поплелся за ними в так называемый Большой зал. Там царило приподнятое настроение, и собравшиеся с нетерпением ждали открытия конференции. После ее окончания они начнут готовиться к путешествию в прошлое, к тем существам, которых раньше встречали только в виде окаменелостей. Ученые напоминали только что оперившихся птенцов, стоящих на краю обрыва и предвкушающих первый полет.

Зал заполнился. Кто-то притушил свет. На трибуне появился Гриффин. Он постарел по сравнению с тем, каким запомнил его Лейстер.

— Первый слайд, пожалуйста.

На слайде был изображен персонаж из мультика — пещерный человек по имени Алле Оп со своим любимцем — динозавриком Динни. По залу пронесся смех.

— Через несколько минут мы перейдем к так называемой основной части. И нам будет что показать. Кроме докладов, вам представят документальный фильм о жизни динозавров триасского, юрского и мелового периодов[4]. Фильм выбран вашими коллегами, палеонтологами второго поколения, и они очень постарались, чтобы там участвовали все ваши фавориты. Сюрпризы гарантированы.

Кое-кто зааплодировал.

— Но перед этим я обязан ознакомить вас с правилами перехода из одного времени в другое. Многие уже предупреждены о необходимости строжайшей секретности и санкциях за ее нарушение. Сегодня я объясню, для чего понадобились столь драконовские меры. Кроме того, наши физики настаивают, чтобы я поделился с вами

---

[4] notes: 4

Триасский, юрский, меловой периоды. Мезозойская эра — период расцвета динозавров — делится на триасский период (триас) — 245 — 205 миллионов лет назад, юрский период (юра) — 205 — 135 миллионов лет назад, меловой период (мел) — 135 — 65 миллионов лет назад.

хотя бы минимальными сведениями о механике перемещений. Слайд...

Второй слайд демонстрировал густой частокол математических формул. Лейстер отметил, что они не похожи на обычные уравнения перемещений, хотя и не смог вникнуть в их содержание.

— Без комментариев. Смех в зале.

— Для того чтобы собрать вас на эту конференцию, нам пришлось прочесать отрезок времени от наших дней до конца следующего столетия. Возможно, кое-кому из вас уже пришла в голову мысль о том, сколько информации можно почерпнуть из газетного выпуска будущего года. Номера лотерейных билетов. Победители скачек. Цены на бирже. Что может помешать вам списать цифру-другую, а потом воспользоваться ими? Только одна вещь: парадокс. А это штука противоречивая и вместе с тем упрямая.

Например, существует парадокс «Севильский цирюльник». Про того, кто бреет в городе всех, кто не бреется сам. Бреется цирюльник или нет? Предположим, что да. Тогда фраза является ложной. Если нет — то же самое. Вернувшись к нашим динозаврам, можно привести следующий пример: человек едет в прошлое и убивает там своего дедушку, тогда еще ребенка, чтобы нико-

гда не родиться самому. Но как он может убить дедушку, если еще не родился? Пока путешествие во времени не было реальностью, парадокс оставался милой логической загадкой, своеобразной зарядкой для ума. Ныне, когда жизнь дедушек и в самом деле в опасности, разрешение парадоксов стало жизненно важной задачей. И мы попытались над ней поразмыслить.

Наступила пауза. Гриффин нахмурился, разбираясь в собственных записях. Аудитория почтительно ждала. Лейстер не чувствовал симпатии к человеку, стоявшему на трибуне, но он явно оказался в одиночестве. Весь зал смотрел на Гриффина с обожанием.

— Дело в том, что парадокс тесно переплетается с реальной жизнью. Они просто неотделимы друг от друга. Третий слайд...

Очередная картинка изображала древнегреческого атлета в тунике и плетеных сандалиях, изо всех сил бежавшего по дороге вслед за черепахой.

— Например, первый парадокс Зенона[5]. Ахиллес, самый быстрый человек в мире, хочет

---

[5] notes: 5

Зенон (5 в. до н. э.) — древнегреческий философ и политический деятель, глава так называемой элейской школы. Указал на противоречивость движения, пространства, времени, величины.

перегнать черепаху. Он бежит за ней со всей доступной ему скоростью. Но к тому времени, когда Ахиллес достигнет места, где находилась черепаха, ее там уже не будет — она пройдет дальше. Ну что ж, атлет добежит и до этого места. Но обнаружит, что черепаха передвинулась вновь! Ахиллес никогда не догонит ее, сколько бы ни пытался.

Гриффин достал из кармана пиджака теннисный мячик, легонько подбросил его и поймал.

— Рассмотрим также третий парадокс Зенона. Ахиллес натягивает лук и пускает стрелу в растущее неподалеку дерево. Но для того, чтобы попасть в цель, стрела должна сначала пролететь половину расстояния между стрелком и деревом. А чтобы сделать это, она сперва должна преодолеть половину этой половины. И так далее. Чтобы куда-то долететь, стрела должна совершить бесконечное множество действий. Совершенно очевидно, что она никогда не двинется с места.

Внезапно оратор изо всех сил швырнул мячик. С глухим стуком тот ударился в закрытую дверь и, отскочив, покатился по проходу.

— И все-таки мы можем догнать не только черепаху, но и куда более быстрое существо. Загадка Ахиллеса состоит в том, что существует сам парадокс. Как столь противоречивые вещи так

легко совмещаются в этом мире? Нет ответа. А теперь я собираюсь выйти из зала, чтобы поехать в Пентагон. Поездка займет минут тридцать. Приехав, я перемещусь во времени примерно на час назад. Меня будет ждать машина, и я вернусь сюда, в «Мариотт». Шофер высадит меня у парадного входа, через вестибюль и холл я пройду к закрытым дверям в Большой зал.

Головы вокруг Лейстера начали поворачиваться.

— И вот я вхожу...

Двери отворились. Гриффин, весело улыбаясь и помахивая рукой, прошагал к трибуне. Два совершенно одинаковых человека обменялись рукопожатием.

— Гриффин, рад вас видеть.

— А я рад видеть вас, Гриффин.

— Как видите, существование одного и того же объекта в одно и то же время, но в двух экземплярах вполне возможно, — обратился к аудитории первый Гриффин. Он передал второму Гриффину свой микрофон. — А теперь я должен вас оставить, чтобы совершить поездку, о которой я только что говорил. Потому что... Думаю, я-второй, будучи на час старше, объяснит вам почему. Сами знаете, мудрость приходит с возрастом.

Докладчик спустился в зал и, подобрав по дороге теннисный мячик, исчез за двойными дверями.

Второй Гриффин полез в карман, вынул оттуда тот же самый мячик и аккуратно положил его на трибуну.

— Вот вам и практическое решение нашей дилеммы. Прыгнув назад во времени, я смог наблюдать один и тот же момент с двух различных позиций. Но причинно-следственная связь не нарушена, никаких парадоксов не было. Точно так же все ваши действия в прошлом — все ваши будущие действия, которые вам лишь предстоит совершить, — уже случились миллионы лет назад и стали частью той истории, которая привела нас всех к нашему настоящему. Поэтому не бойтесь каких-нибудь элементарных поступков — ужасных последствий не будет. Наступайте на любое количество бабочек — настоящее останется незыблемым.

Тем не менее представьте себе, что я, войдя в этот зал, повел бы себя иначе, чем диктовали мне мои воспоминания. Предположим, что я, вместо того чтобы пожать себе руку, решил бы хорошенько вздуть себя самого. А Гриффин-первый так бы обиделся, что отказался путешествовать в

прошлое. Что тогда?

— Такого не могло случиться! — крикнул кто-то из зала. — Ведь этого не было — значит и не могло быть.

— В вас говорит здравый смысл. Но посмотрите на слайд. Экран вновь заполнили непостижимые формулы.

— Здравый смысл, к сожалению, имеет мало общего с физикой, и парадокс все-таки возможен. Вообразите, что, войдя в зал с теннисным мячом в кармане, я бы хорошим пинком вышиб отсюда мой оригинал. Да так, что он пролетел бы над бескрайним морем ваших дружелюбных лиц и ни разу не наступил бы в проход. Таким образом, Гриффин-первый не смог бы поднять этот мячик. Тогда, скажите мне на милость, откуда бы взялся *мой* мяч? Представьте также, что я взял этот мячик и передал его более раннему своему варианту, чтобы тот забрал его с собой в прошлое. После этого я смог бы принести его сюда, чтобы он снова унес его отсюда в прошлое. И так до бесконечности.

Говоря это, Гриффин перекидывал мячик из одной руки в другую.

— Откуда бы тогда появился этот мячик? Куда бы он попал потом? Если он возник спонтанно,

как чудо квантовой физики, почему на нем логотип фирмы «Сполдинг»?

Никто в зале даже не улыбнулся. Некоторые сдавленно прокашлялись.

— Любое из перечисленных событий — отказ повторить увиденное ранее действие или теннисный мячик, пришедший ниоткуда, — несет в себе огромную опасность нарушения причинно-следственных связей. Поэтому ничего подобного происходить не должно. Почему — я не имею права объяснять даже намеком. Однако можете быть твердо уверены — дело обстоит именно так. Подведем итоги. Возможно ли это — вернуться назад во времени и убить своего дедушку? И да, и нет. «Да» — потому что это может случиться, законы физики позволяют вам это сделать. «Нет» — потому что этого не позволим мы. У нас есть свои способы вычислить возникновение парадокса до того, как он фактически произойдет. И я не сообщу — какие именно. Но уверяю вас — все возможные остроумные авантюры будут подавлены в зародыше. А виновных накажут без всякой милости и безо всякого исключения.

Гриффин сунул теннисный мячик обратно в карман.

— Вопросы?

Пожилой джентльмен, годящийся Лейстеру в отцы, вскочил со своего места.

— А что, если, несмотря на все усилия, какой-то парадокс все же проскочит мимо вас?

— Весь проект будет немедленно закрыт. Ретроспективно. Это означает, что никому больше не представится волшебная возможность побывать в прошлом. Как уверяют те, кто знает о проекте больше моего, это жесткое, но совершенно необходимое условие.

Поднялась женщина.

— Что же в этом случае будет с нами?

— Вся наша история будет отрезана от существующей реальности, превращена во временную петлю и аннулирована.

— Как это, простите?

— Без комментариев, — улыбнулся Гриффин. Лейстер поднял руку.

— А, мистер Лейстер! Я так и знал, что вы окажетесь среди любопытствующих.

— Технология всего этого — она дорогая?

— Невероятно.

— Тогда почему именно мы?

— Это что, жалоба?

Пережидая раздавшиеся в зале смешки, Гриффин накрыл часы ладонью, взглянул на нее и

опять поднял глаза.

— Еще вопросы?

Но Лейстер остался стоять.

— Я просто не могу понять, в честь чего эта технология предоставлена в наше пользование? Почему именно палеонтологи? Почему не военные, не ЦРУ, не... — он замялся, — не политики? Присутствующие здесь знают, как мало денег выделили во всем мире на раскопки в прошлом году. Так кому мы стали настолько нужны, что именно нам достался этот кусок пирога?

В зале послышались возмущенные возгласы. Гриффин нахмурился.

— Не понимаю, что вы имеете против?

— Я не против, я...

— Нет уж, выслушайте меня! Я пришел к вам с даром, подобного которому не получал никто и никогда. И отдаю его вам совершенно бесплатно. Да, есть несколько особых условий. Но, господи ты боже мой, они настолько незначительны по сравнению с возможностью изучать живых динозавров, что я думал, вы будете мне благодарны.

— Я только хотел...

Возмущенные голоса сделались громче. Зал явно симпатизировал Гриффину. И дело было не только в том, что от него зависели путешествия,

которых палеонтологи жаждали более всего на свете. Как-то раз один продавец поведал Лейстеру, что, собираясь к потенциальному покупателю, он специально узнает его имя. Как только оно прозвучало в разговоре — считай, клиент наполовину готов. Гриффин сделал нечто подобное.

Они не хотят знать, подумал Лейстер. Они получили незаслуженный подарок, чувствуют это и не желают спрашивать о цене, опасаясь, что она окажется слишком высокой.

— Я просто считаю, что мы должны...

— Сядьте! — рявкнул кто-то из зала. Красный от смущения Лейстер занял свое место. Гриффин поднял руки, призывая к спокойствию.

— Тише, пожалуйста, тише. Давайте вспомним, что в науке нет запретных тем. Наш дорогой мистер Лейстер имеет полное право задавать свои вопросы. К сожалению, из-за режима секретности я не имею права ему отвечать. Итак, как я уже говорил, вечером вашему вниманию будет представлен фильм, и, кроме того, если вы заглянете в свое расписание, то увидите, что в три часа состоится обед. И прошу вас — не покидайте отель. А теперь прослушаем доклады тех, кто уже работал с материалами, доставленными из мезозоя!

Бурные аплодисменты. Гриффин подался впе-

ред, почти что кланяясь.

После ленча Лейстер вернулся в Большой зал для участия в дневном заседании. Войдя, он поискал глазами Метцгеров. Большинство стульев пустовало, но в дальнем конце помещения множество людей работали за компьютерами или что-то обсуждали. Одни привалились к стене со скептическим выражением лица, другие яростно спорили с этими скептиками, доставая из бумажных пакетов то полированный череп троодона, то покрытое ярким оперением крыло или зубастый клюв археоптерикса.

Присоединяться к спорщикам не было смысла, пока Ричард не разобрался, кто есть кто среди присутствующих. Казалось, что здесь можно найти всех — от только что защитившихся студентов, которые проработают «в поле» не больше пары сезонов (ровно до тех пор, пока не поймут, что деньги добывают совсем в других местах), до влиятельных патриархов из серьезных институтов, проводящих так много времени в административных заботах, что им недосуг опубликовать хотя бы одну работу.

Неожиданно за спиной Лейстера вырос плотный мужчина со стриженной под машинку белобрысой шевелюрой, забавно стоящей торч-

ком вокруг намечающейся лысины. Он хлопнул Ричарда по плечу:

— Ах ты, сукин сын! Поделись секретом — как тебе удается так молодо выглядеть?

— Секрет прост — я живу в этом времени, вот и не состарился. А ты... Монк? Верно?

Джеймс Монтгомери Кавanаг — а для друзей просто Монк — учился вместе с Лейстером в Корнеле[6] и даже когда-то делил с ним одну комнату. (Впрочем, ни тот, ни другой не испытывали ностальгии по тем временам.) Но каким же усталым и изможденным Монк теперь выглядел! Скорее всего его перенесли сюда из будущего, в котором он был лет на двадцать старше Лсйстера.

Монк дружески стиснул плечо приятеля.

— Ну и утро! Кстати, я в восторге от твоего доклада. К сожалению, не мог присутствовать на обсуждении. Народа собралось не много?

— Бывает и хуже.

— Тебе перебежали дорогу спецы по тираннозаврам. Вот где настоящая мафия! Никто не воспринимал всерьез работы Хичкок, но у нее оказались потрясающие слайды, она ими и взяла. Если бы я не знал тебя лично, то тоже пошел бы

---

[6] notes: 6
Университет Корнелл, Бегхемтон, Нью-Йорк.

слушать ее. Что ты собираешься делать днем?

— Я думал...

— Загляни на доклад о барионикса х. Полный бред. А еще Том Холтц будет выступать, помнишь его? Он приехал из Глэдстикса. Это что-то типа нового Нью-Йорка, там будет очень красиво, когда его построят. Здорово, что старина Том пока бодр и пишет очень неплохие работы. Ты-то небось думал, что к моему времени он уже будет на пенсии?

— А что ты знаешь о сегодняшней главной знаменитости?

— О Гертруде Сэлли? О, эта устроит шоу! Характерец еще тот! Любит блеснуть и шанса своего не упустит, доклады о находках пишет до того, как что-нибудь найдет. Ни на чем не хочет сосредоточиться, бросается от одного вида к другому... В общем, желает объять необъятное. И не особенно щепетильна... В плане того, где бы раздобыть свои материалы. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Держи ухо востро и следи за своими образцами, если Руди Сэлли бродит поблизости.

— Откуда она? Я никогда о ней не слышал.

— Лет тридцать или сорок спустя, точнее не скажу. Сейчас она, должно быть, в младших классах школы. Максимум — в средних. Следующее

поколение ученых, а может, и через одно.

— Вот как? Тогда, выходит, мы не имеем права обсуждать ее в деталях. Гриффин сказал...

— Да брось ты! Никто не обращает внимания на невинную болтовню. Желание посплетничать — часть человеческой натуры. Главное, чтобы не проскочила действительно серьезная информация. Ну ладно, Дик, — без всякого перехода вдруг заявил Монк. — Я мог бы слушать тебя вечно, но пора подумать и о карьере. Знаешь, здесь есть пара задниц, которые нужно вылизать. Будь здоров! Увидимся.

И он исчез так же неожиданно, как и появился.

Метцгеры, которые подошли к Лейстеру где-то в середине разговора и молча стояли рядом, проводили Монка удивленными взглядами. Кедслла покачала головой.

— Это вы его еще в колледже не видели, — сказал Лейстер. — Сейчас-то он притих, повзрослел.

Гертруда Сэлли оказалась потрясающе красивой женщиной, одетой в зеленое шелковое платье с юбкой-миди и пуговицами на боку. Лейстер никогда не видел подобной одежды. Но что-то, может быть, нитка жемчуга на шее докладчицы, подсказало ему, что такой наряд невероятно консервативен для ее времени. Во

всяком случае, он производил подобное впечатление.

Выступление Сэлли называлось «Движение регулирует полисмена», и, согласно протоколам, речь шла о параллельной эволюции мезозойских лесов и суперзауроподов[7] — сейсмозавров и титанозавров, гигантов, рядом с которыми даже камарозавр казался изящной ящеркой. Лейстер, честно говоря, не воспринял идею всерьез.

Но вот выступление началось.

— Я знаю так много того, о чем хотели бы узнать вы, — заявила Сэлли. — Так много! Я читала все ваши книги и доклады. В отпущенные мне сорок пять минут я могла бы представить вам гору информации, достаточной, чтобы сберечь десятки лет вашего труда. Но я не имею права этого делать. А если бы и имела, не стала бы по одной простой причине: все, что я знаю, базируется именно на ваших исследованиях. Каждый хороший ученый — настоящий трудоголик, и все, чего добились мы, представители второго и третьего поколения палеонтологов, основано на ваших работах. Если я расскажу вам о ваших собственных открытиях, потратите вы полжизни

---

[7] notes: 7

Суперзауроподы, зауроподы — крупнейшие травоядные, т. п. звероногие (передвигающиеся на четырех ногах) ящеры.

на их подтверждение или просто запишете и передадите нам? Боюсь, что тогда мы придем к одному из парадоксов Гриффина — информации, поступившей ниоткуда. А ведь информации, не связанной ни с какими реальными фактами, доверять нельзя. Что же я могу вам предложить? А вот что: не какие-то конкретные знания, а теории, которые смогут придать нужное направление вашей работе. Теории эти, увы, не доказаны, но, возможно, они натолкнут вас на правильные мысли. Что касается титанозавров — они господствовали в период позднего мела и столь сильно доминировали над всеми остальными, что леса в то время представляли собой скопления деревьев, окруженные жующими травоядными...

И ее речь понеслась, лавируя, как рыбка в горной реке, перескакивая с мысли на мысль, с идеи на идею. Эта женщина относилась, похоже, к той породе людей, которым доставляет удовольствие бросить камень в пруд устоявшейся мудрости, чтобы посмотреть — какая лягушка оттуда выскочит. И почти невозможно было угадать, какие из ее заявлений голословны, а какие подтверждены научными данными. Когда Гертруда заговорила о горах, танцующих под музыку зауроподов, Лейстер решил, что это всего лишь метафора. Од-

нако, услышав, что хищные ящеры специально выращивали цератопсов, чтобы затем съесть, Ричард уже не знал, чему верить. Чепуху, которую докладчица несла о птицах, он просто пропустил мимо ушей.

Но Сэлли определенно сумела захватить его внимание, и, когда ее выступление подошло к концу, Лейстеру показалось, что это случилось слишком скоро.

— И если я больше ничего не могу вам сообщить, — заявила она, — я по крайней мере могу заверить, что ваша работа исключительно важна — или будет важна. Сэр Исаак Ньютон сказал: «Если я мог видеть дальше остальных, то это потому, что стоял на плечах гигантов». И сегодня у меня есть редчайшая возможность стоять на плечах гигантов в их присутствии. И еще более редкая возможность поблагодарить их. Спасибо. Спасибо за все, что вы сделаете.

Гертруду проводили бурными аплодисментами. На обсуждение она не осталась.

Кеделла наклонилась к уху Лейстера и иронически шепнула: «Я только что поняла, кем хочу стать, когда вырасту».

Остаток дня прошел в головокружительной, но приятной спешке. Подхватываемый волнами

и потоками спешащих коллег Ричард носился туда-сюда, стремясь успеть как можно больше. Заседания шли одновременно в трех залах, и каждый доклад, который Лейстер хотел услышать, пересекался как минимум еще с одним, не менее интересным. К пяти часам голова гудела как пчелиный улей. Ричард выполз в холл, высматривая, с кем бы ему пообедать. Метцгеры или, может быть, Том Холтц. Но вестибюль оказался полон полиции и охранников.

Арестовали Метцгеров.

Кеделла прошла мимо собравшихся с высоко поднятым подбородком, глаза ее горели презрительным огнем. Билл, напротив, походил на сдувшийся воздушный шарик: маленький человечек в слишком большом для него костюме. Толпы встревоженных ученых стояли в дверях и провожали взглядом пару, уводимую полицейскими.

— Простите сэр, сюда нельзя, — произнес молодой полисмен, когда Лейстер попытался двинуться к своим друзьям. Чья-то рука предостерегающе взяла его за плечо. Обернувшись, он увидел Монка.

— Что стряслось?

— Попытка передать письмо. Женщину в бук-

вальном смысле поймали за руку. Пыталась просунуть письмо в щель почтового ящика, пока муж изображал сердечный приступ. Грустная история.

Около упомянутого ящика, медного, вмонтированного в стойку для портье, суетился менеджер, пытаясь открыть его под надзором двух агентов ФБР и представителя почтового ведомства.

— Я ухитрился поговорить с одним из людей Гриффина. Представляешь, еще неделю назад этот человек получил подробное описание готовящегося преступления! Хитрость в том, что сегодня Гриффин соберет все рапорты об аресте, составит на их основании бумагу и перешлет ее своим людям на неделю в прошлое. Довольно остроумно, не находишь?

— Я абсолютно ничего не понимаю. Они казались такими приличными людьми. Не могу представить, что их толкнуло на это.

— Так поэтому я и сказал, что история грустная. У матери Кеделлы тяжелая форма шизофрении. Через семь-восемь лет она совершит самоубийство. Всего за неделю до того, как будет изобретено новое лекарство. Вот они и купили несколько таблеток, узнав, что отправятся в прошлое, положили в конверт вместе с письмом к молодой

Кеделле и... Ты сам видел, что случилось потом.

Лейстер пристально посмотрел на Монка.

— Когда ты это все успел выяснить?

— Так я же здесь не впервые. А людям рот не заткнешь, я тебе уже говорил.

— Сукин сын! Ты знал, что их арестуют, и даже не попытался предупредить!

— Эй, полегче! Ты же знаешь, я не имел права. Это могло привести к возникновению парадокса.

— Надо было только намекнуть! Подойти к Биллу и шепнуть на ухо: «Гриффин знает о ваших планах».

— Прелестно! И что дальше? Я бы остановил их, а вместе с ними и весь чертов проект! Ты и в самом деле хочешь этого? Прости, не верю!

Лейстер резко повернулся и почти бегом кинулся в бар.

Взяв кружку пива, Ричард уселся в самом дальнем углу, размышляя о Метцгерах, Монке и о своей собственной роли во всей этой истории. Чтобы отогнать тоскливые мысли, Лейстер достал ручку и начал царапать на салфетке: «Пылающая Женщина. Хищники. Мел. Смерть».

Кто-то скользнул на сиденье напротив.

Ричард поднял глаза и узнал Гертруду Сэлли. Несмотря на солидную разницу в возрасте —

около двух десятков лет, — Лейстер не мог не отметить, как потрясающе она выглядит. Темнота, несомненно, играла ей на руку.

— Держу пари, вы придумываете заглавие для вашей книги.

— Как вы догадались?

Глаза Гертруды чуть светились, взгляд был пронзителен, как у сокола. Удивительные глаза, ничем не выдававшие спрятанного за ними блистательного интеллекта.

— Я знаю о вас довольно много, но откуда — мне не разрешено рассказывать.

Слова «не разрешено» прозвучали подчеркнуто иронично, с намеком на то, как мало власти имеют над ней эти глупые правила.

— Так же, как и о том, кто мы — или кем будем — друг для друга...

— И кем же?

Маленький серебристый полумесяц мелькнул в углу ее рта и увял вместе с хищной улыбкой.

— Через неделю вы отправитесь в прошлое. Я вам искренне завидую. Впервые увидеть, почувствовать, что окружающее так ново, так необычно!

— Это... — Слова давались ему с трудом. — Это действительно так прекрасно, как кажется от-

сюда?

— Ода.

Сэлли на секунду прикрыла глаза, а когда открыла, они вновь замерцали таинственным блеском.

— Воздух гуще, зелень зеленее и звезд в ночи столько, что захватывает дух. Мезозой просто переполнен жизнью. Вы не представляете, каким унылым и истощенным покажется наше время, когда вернетесь. Самые буйные джунгли — ничто по сравнению с тамошними лесами. Даже сравнивать нельзя. Протяните руку.

Ричард повиновался.

— Собственными глазами я видела рождение плезиозавра. Он лежал на отмели, а я гладила его вот этой рукой. — Она легонько провела пальцами по рукаву Лейстера. — Хотите — можете потрогать.

Полушутя он провел кончиками пальцев по ее ладони. Сэлли сжала их, и ее колено под столом коснулось его ноги. В первый момент это показалось Лейстеру случайностью.

— И лицо.

Он дотронулся до ее щеки. Кожа была нежной и упругой, как у юной девушки. Гертруда подняла подбородок и по-кошачьи потерлась о его

ладонь. Лейстер почувствовал растущее внутри напряжение. Он хотел эту женщину.

Гертруда усмехнулась. Синхронно двинулись полные губы, тяжелые веки. Лейстер почувствовал исходящее от нее желание, как чувствуют тепло, исходящее от костра. Он пытался отвести взгляд. И не смог этого сделать.

— Так кто же мы друг для друга? Неужели мы...

— Тс-с... — Звук был тихим и ласковым. — Ты всегда задаешь слишком много вопросов, Ричард.

— Но мне не терпится выяснить.

— Так выясни, — сказала она. — Поднимемся в мой номер. Я знаю, что тебе нравится. Знаю, как ласкать тебя. И как сделать счастливым.

* * *

Они вышли из бара: пальцы переплетены, тела чуть касаются друг друга. Поднявшись на лифте, двинулись в глубь холла, по направлению к номеру Сэлли. Лейстер шагал точно во сне. Разница в возрасте добавляла ситуации пикантности, и это, как ни странно, ему нравилось. Он не мог назвать себя искателем приключений, так, несколько интрижек во время летних раскопок да кое-какие видеокассеты зимой. Происходящее

же казалось чем-то абсолютно новым и невероятно волнующим.

Лейстер гадал, насколько серьезно складывались их отношения в то время, которое для нее являлось прошлым, а для него — будущим. Наверное, они — супруги, раз Гертруда поехала сюда, чтобы встретиться с ним. А может, она — его вдова? Ему почему-то захотелось, чтобы они были не просто любовниками.

Подойдя к двери, Сэлли освободила руку, чтобы достать ключ. Лейстер схватил ее за плечи, повернул к себе и поцеловал. Гертруда крепко прижалась к нему, откликаясь, ее язык проник в его рот, тело стало мягким и податливым. Он погладил ее по лицу, серебристому и таинственному, как луна. Она смотрела на него, не отводя глаз.

От этого взгляда у Лейстера перехватило дыхание.

Глубоко вздохнув, Гертруда чуть отодвинулась от него.

— А у меня есть для тебя подарок.

— М-м-м?

— Заглавие для твоей книги. Мне удалось провезти один экземпляр.

С этими словами она отворила дверь.

Заглянув в номер, Лейстер увидел журнальный столик, на краю которого в луче света стояла книга. На обложке красовалось его имя, но ниже книгу перехватывала черная лента, скрывавшая название. И только рассмотрев это, Ричард заметил сидящего за столом мужчину.

Это был Гриффин.

Он выглядел гораздо моложе, чем утром, во время выступления. Затем в холле внезапно материализовались три охранника. Двое из них взяли под руки Гертруду, третий втолкнул Лейстера в комнату и, войдя следом, захлопнул дверь.

— И снова, мистер Лейстер, вы устраиваете полную неразбериху. — Гриффин перевернул книгу и поднялся. — А наводить порядок приходится другим.

Рассерженный голос Сэлли доносился из холла, постепенно удаляясь.

— Что вы собираетесь с ней сделать? — возмущенно спросил Лейстер.

Он шагнул к двери, но серьезный охранник с глазами грустного спаниеля преградил ему путь. Лейстер никогда не умел скандалить и опять повернулся к Гриффину.

— Ничего страшного, — ответил тот. — Лимузин ждет у дверей, чтобы отвезти вашу новую

знакомую назад, в Пентагон. Она вернется в свое время, вот и все. Да, еще в ее личном деле появится выговор за попытку пронести в прошлое недозволенную информацию. Но мисс Сэлли не обращает внимания на такие мелочи.

— Вы не имеете права! — Лейстер почувствовал, что дрожит от страха и злости. — Никакого права!

— Да вы, сэр, оказывается, полный идиот! — Гриффин полез в карман пиджака и достал сложенный лист бумаги. — Какая-то женщина вдвое старше вас наговорила вам кучу фальшивых комплиментов, и вы, задрав хвост, понеслись в ее номер! Вы думаете, доктор Сэлли — ваша лучшая подруга? Возможно, просмотрев вот это, вы измените свое мнение.

Развернув лист бумаги, он протянул его Лейстеру.

— Прочтите и зарыдайте.

Это была фотокопия страницы из «Сайнс»[8], датированная апрелем 2032 года. Название гласило: «Переоценка раскопок следов погони на хребте Пылающая Женщина». Под статьей стояла подпись: Г. К. Сэлли.

---

[8] notes: 8

«Сайнс» — авторитетный научный журнал, издаваемый Американской ассоциацией содействия развитию науки.

Не веря своим глазам, Лейстер прочел вступление. Ему показалось, что стены вокруг закачались, в ушах зашумело так, будто весь мир смеялся над ним.

— Эта статья — самая злобная из тех, что появятся после выхода вашей книги. А сейчас написавшая ее дамочка пыталась вас серьезно подставить. Можешь открыть дверь, Джимми.

Лейстер даже не двинулся к выходу.

— Вы отпускаете меня, сделав всего-навсего предупреждение. Почему вы не поступили точно так же с Метцгерами?

— С кем?

— Супружеская пара, совершившая попытку нарушения причинно-следственных связей, — быстро произнес охранник. — Арестованы в 2012-м, осуждены в 2022-м, вышли на свободу в 2030-м.

Гриффин обхватил запястье, опустил глаза.

— Жизнь — несправедливая штука, мистер Лейстер. — Он поднял на собеседника жесткий взгляд. — Мы поступили так, потому что существуют записи о том, что мы сделали именно это. Правила защиты от парадоксов связывают нас столь же крепко, что и вас. А может, и крепче.

3
LAGERSTATTEN

Станция Хиллтоп: мезозойская эра, меловой период, сенонская эпоха, маастрихтский век. 67 млн. лет назад.

Прямо с ознакомительной лекции Гриффин отправился в мезозой. Игра на публику, включающая пожимание рук самому себе, испортила ему настроение, хотелось развеяться. Чтобы избежать хлопот, связанных с заказом путешествия через офис, он перепрыгнул на тридцать лет вперед и, пользуясь своими полномочиями, присоединился к VIP-туру в глубокое прошлое.

Прибыв на место, группа поспешно прошла через туннель и выползла наружу, в густой воздух, под яркое солнце позднего мелового периода.

Здесь динозавры все еще ходили по Земле, хоть время их уже на исходе, а под влиянием мелких морей даже полюса свободны ото льда. И, не считая Тент-Сити, где ночуют исследователи, в этом мире всего тридцать восемь сооружений, применительно к которым можно произнести слова «под крышей».

Он дома.

Его спутниками были в основном крупные капиталисты, перекормленные властью политики и расфуфыренные герои захватнических войн во главе с североамериканским адмиралом в комплекте с шумной женой. Гриффин слился с группой и дал ей нести себя по установленному маршруту. Он умел выглядеть незаметным, когда хотел.

Группу вела девушка-гид, светловолосая и привлекательная, в шортах цвета хаки, льняной блузке и белой ковбойской шляпе. Несколько простовата, но чтобы понять это, нужно внимательно присмотреться. Пара экскурсантов, стараясь, чтобы никто не увидел, с удовольствием посматривала на ее крепкие ягодицы. Гриффин отвлекся от своих мыслей, чтобы послушать лекцию.

— Первое, о чем спрашивают все туристы: «А где же динозавры?»

Девушка ослепительно улыбнулась и вытянула руку:

— А они вокруг! Это... птицы!

Гриффин чувствовал себя измученным, группа туристов казалась ему пестрой поделкой из бамбука, цветной бумаги и струн, снабжен-

ной ручкой, при повороте которой плоские фигурки обретали сходство с живыми людьми. Экскурсовод повернула ручку, и конструкция зашевелилась, держа наготове фотоаппараты, но еще не фотографируя.

— Да, птицы — тоже динозавры. Выражаясь научным языком, они произошли от тероподов[9], следовательно, они родственники всем известного тираннозавра-рекса и двоюродные сестры дромеозавра. Даже современные птицы, птицы двадцать первого века, строго говоря, являются динозаврами. Но если вы приглядитесь, вы заметите когтистые крылья и зубастые клювы многих здешних птиц. О, глядите! Птеранодон!

Поворот ручки.

Ладони взлетели к глазам, рты раскрылись, произнося «ох» и «ах», фотоаппараты защелкали. Девушка молча улыбалась, наблюдая за реакцией подопечных, затем сказала:

— Теперь прошу следовать за мной на вершину холма, где находится платформа обозрения.

Они поплелись за ней — вереница успешнодонтов, послушно следующих за юным человечишкозавром, которого самый ничтожный из них

---

[9] notes: 9

Тероподы — хищные, так называемые звероногие (передвигающиеся на двух ногах) динозавры.

мог бы купить и продать с потрохами. Сила организационной структуры приводила к тому, что все туристы покорно выполняли команды гида.

— Но когда же мы увидим настоящих динозавров? — спросил кто-то.

— Сейчас вы сможете понаблюдать за наземными динозаврами через подзорные трубы с вершины башни, — приветливо ответила девушка. — Также будет организовано фотосафари для тех, кто захочет познакомиться с животными поближе.

Станция Хиллтоп располагалась на вершине потухшего вулкана, в воронке, три стороны которой были настолько круты, что не пропускали никого, кроме мошек и москитов, тучами поднимавшихся с окрестных болот каждый вечер на закате. Четвертая сторона плавно спускалась к долине реки, где проходило большинство исследований. С платформы обозрения во все стороны открывался вид до самого горизонта.

— ... И если у кого-то есть вопросы, я с удовольствием на них отвечу.

— А как насчет теории эволюции?

Гриффин облокотился о поручень, наслаждаясь легкими дуновениями бриза. В небе парили, тучи птиц, полуптиц и птерозавров. Великая

эра первых полетов! Он вглядывался в даль, за реку, окруженную рощами древних сикомор и камедных деревьев, метасеквой и кипарисов. Быстрые ручьи сверкали, как серебро, и, достигая Внутреннего Западного моря, разделялись на тысячи протоков.

— Простите?

— Теория эволюции уже доказана? — Это, разумеется, спросила жена адмирала. — Или она все еще является теорией?

Кто-то попытался сунуть Гриффину бинокль, но он отмахнулся. И без увеличительных приборов Гриффин знал, что кругом динозавры. Анкилозавры, щиплющие листья с кустов на речном берегу, и стада трицератопсов, топчущие цветущие луга. Анатотитаны, мелькающие в столь любимых дромеозаврами тополиных рощах или объедающие саговники и буки.

— Данная теория, — проговорила экскурсовод, — наиболее вероятное на сегодняшний день объяснение происхождения жизни, удовлетворяющее имеющимся фактам и сведениям по этому вопросу. Около двухсот лет она всесторонне обсуждалась, ученые представили беспрецедентное количество подтверждающей ее информации и ни одного доказательства «против». В палеон-

тологическом сообществе эту теорию принято считать практически доказанной.

— Почему? У вас ведь нет документальных подтверждений превращения одного из этих существ в какое-нибудь другое!

— Это очень хороший вопрос, — сказала девушка, хотя Гриффин мог поклясться, что ее голос звучит нерадостно. — Чтобы ответить на него, я должна объяснить вам значение немецкого слова «lagerstatten». Звучит как абракадабра, верно? Приблизительный перевод — «месторождение».

Тон беседы поменялся, от оживленного щебета девушка перешла к задушевной беседе, которая раздражала Гриффина еще больше.

— До начала путешествий во времени мы в своих исследованиях должны были полагаться на ископаемые останки. Немногие из них сохранились до наших дней, избежав эрозии, и еще меньше их найдено учеными. Но иногда палеонтологи натыкаются на «lagerstatten», невероятно важные, насыщенные богатейшей информацией ископаемые. Они, как мгновенные фотографии, дают нам ясное представление о жизни на Земле в какой-то короткий, строго определенный отрезок времени. Однако находки, подобные, к примеру, Золнхофенскому известняку, где в шах-

тах обнаружили огромное количество останков древних птиц, случаются крайне редко, поэтому от нас все еще скрыты довольно продолжительные периоды.

— Но ведь не теперь, когда мы открыли путешествия во времени, — настаивала жена адмирала.

— Это только кажется. Дело в том, что станций, подобных этой, всего-навсего десяток или около того. И разбросаны они во временном промежутке в 175 миллионов мезозойских лет. Вот и выходит, что такие станции сами по себе «lagerstatten» — богатейшие источники знаний, отделенные друг от друга огромными пропастями времени. К сожалению, мы никогда не заполним все белые пятна, как бы ни старались.

— Значит, она никогда не будет доказана, — пробормотала себе под нос жена адмирала.

— До конца, видимо, нет. Но у нас хорошие новости! Один из проектов предполагает короткие вылазки в прошлое между станциями, примерно раз в сотню тысяч лет. Во время вылазок мы будем наблюдать отдельно отобранные нами двадцать — тридцать видов. Знаете, как фотографируют раз в минуту розовый бутон, а на ускоренной записи видно, как он распускается? Я думаю, этого будет достаточно, чтобы убедить даже самых

закоренелых скептиков. Конечно, это огромная работа, и результатов придется подождать.

Она вновь расцвела улыбкой.

— Еще вопросы? Нет? Тогда пройдемте...

Экскурсовод скорее всего была практикантку-старшекурсницей. Подумав, Гриффин решил выяснить ее имя и просмотреть документы. Девочка явно имела способности к заговариванию зубов. С этого момента она незаметно для себя начнет принимать все большее и большее участие в подобного рода работе. В итоге к моменту выпуска бывшей студентке предложат деятельность в сфере, имеющей мало общего с палеобиологией. Гриффин знал, как это бывает. Когда-то то же самое случилось и с ним.

Платформа вокруг быстро опустела. Гриффин подставил лицо ветру и закрыл глаза. Прибыв сюда, он намеревался позаимствовать на станции лендровер и поехать на запад, в сторону холмов затерянной экспедиции и дальше — в горы. А можно полететь в Берингию[10], а оттуда — на се-

---

[10] notes: 10

Берингия. 120 — 140 веков назад уровень Мирового океана был ниже современного на 90 м. Мелководный Берингов пролив обсыхал, соединяя Азию и Америку «Беринговым мостом». Обнажившийся шельф на многие сотни километров нарастил материки, особенно к северу и востоку Сибири, с Чукотском и Беринговом море и вместе с Чукоткой и Аляской образовал географически единую гигантскую страну — Берингию.

вер. Или взять лодку и поплыть к морю Тетис[11]. Неплохо понырять среди рифов, половить моллюсков. Месяцы неиспользованных отпусков, в которые стоило бы погрузиться, как в океан.

Не двигаясь, он стоял на вершине, вдыхая сладковатый аромат цветущих кустарников и болотных растений, приносимый сюда легким восточным ветром. Вдруг Гриффин ощутил, что кто-то подошел и остановился рядом. Он открыл глаза. Это был Джимми Бойли, понурый и заспанный.

— С возвращением, сэр.

— Джимми, — вместо приветствия произнес Гриффин. — С каких это пор креационисты[12] допускаются в наши VIP-туры?

— Это просто любопытная тетка, сэр. Знаете, из тех, что ходят в церковь по воскресеньям, слепо верят своему священнику и будут шокированы, скажи вы им, что он всего-навсего бестолковый

---

[11] notes: 11

Море Тетис. Во время триаса, до того как поднялись Гималаи и Альпы, огромное море покрывало Тибет и Индию. Оно распространялось на Центральную Европу и заканчивалось в Северном море. Геологи называют эту огромную массу воды морем Тетис. Все, что от него осталось сегодня, — это Черное, Каспийское и Средиземное моря.

[12] notes: 12

Креационисты — сторонники представления о том, что вселенную и человека создал Бог, противники эволюционистов, последователей теории Дарвина.

онанист, который и член-то свой еле-еле обеими руками находит. Она безопасна.

— Безопасна?

— Да, сэр.

— А вот я не считаю, что она безопасна. Людям свойственно пропагандировать свои взгляды, и они разрастаются, как метастазы. Позвольте опухоли вырасти здесь, и вы обнаружите се в сотне других мест, все факты будут искажены, и вы уже ничего не сможете сделать.

Джимми молчал.

— А самое неприятное, что ни один из этой толпы высокопоставленных идиотов, решения которых мы обязаны исполнять, не думал, что ее вопросы, мягко скажем, странноваты. Стояли здесь, кивали, улыбались, как будто это совершенно нормально — сомневаться в теории эволюции, будучи со всех сторон окруженным динозаврами!

— Так они же из 2040 года, сэр. Сами знаете, что это такое.

Гриффин поглядел на запад. Горы, подумал он. Точно горы. Наверняка там водятся зверюги, которых никто не видел, даже работники станции. Животные гор пока не изучены, после этой поездки он мог бы выпустить парочку работ. А

еще взял бы с собой удочку и половил рыбу. Замечательно. В конце концов молчание Джимми стало слишком красноречивым, чтобы и дальше его игнорировать.

— Ладно, — произнес Гриффин. — В чем дело? Почему ты меня ждал?

— Здесь был Старикан.

— О господи.

По опыту Гриффин знал, что визиты Старикана не сулили ничего хорошего. Кризис 2090-х. Воспоминание из далекого будущего. Неприятное и неизменное.

— Что стряслось на этот раз?

— Он сказал, что вы собираетесь сюда и что мы должны вам кое-что показать.

Они стояли в единственном конференц-зале в здешнем мире, разглядывая деревянный ящик, лежащий на длинном столе. Их было пятеро: Гриффин, Джимми, охранники Молли Герхард и Том Наварро и Эми Чо, академик, которую держали здесь специально для таких случаев.

— И что это может быть, по-вашему? — осведомился Гриффин.

— Я так думаю, что Адам, сэр. Но последнее слово за мисс Чо.

Эми Чо, пожилая и неповоротливая, скрючен-

ной рукой опиралась на свою трость.

— Возможно, Адам. Самое оно для религиозных фанатиков, и не нужно никакой фантазии. Но я бы лучше бросила рядом медный нож и железное кольцо, чтобы впоследствии обозвать его Тубал-Каином[13]. Первый кузнец. Сын Ламеха. Очень впечатляет. А в принципе подошел бы любой захудалый крестьянин, лишь бы доказать, что он погиб во время Потопа. — Она безрадостно усмехнулась. — Даже женщина.

Это был человеческий скелет. И очень красивый. Лучи света, отражаясь от каменной поверхности, торчащей из-под упаковки, бросали кругом разноцветные блики.

— Из чего это сделано? Опал?

— Да, сэр.

— Чертовски дорого, наверное.

— Несомненно, сэр.

Существовало множество путей поиска ископаемых останков. И не все из них были честными. Данный, например, заключался в том, что нужный скелет помещали под давлением в своеобразную низкотемпературную водяную печь,

[13] notes: 13

Согласно Библии, Тубал-Каин, сын Ламеха, был изобретателем бронзы. Следовательно, по библейскому летосчислению, бронзовый век начался примерно 4400 лет назад.

которую мошенники от палеонтологии называли минерализатором, и закапывали в землю.

Устройство имело несколько функций. Во-первых, оно служило своеобразным инкубатором для бактерий, живущих непосредственно внутри скелета, медленно, но верно побуждая их делиться и образовывать своеобразные колонии в форме трубочек и каналов, через которые вода и кислород попадали в каждую кость, а продукты распада, наоборот, удалялись. Кроме того, кости промывались неспешными, но непрерывными струйками высокоминерализованной воды. Обычно мошенники предпочитали использовать кальциты и сидериты, чтобы добиться специфического палевого или красновато-черного оттенка, свойственного естественным ископаемым. Но здесь явно использовали силикаты для достижения благородного блеска, который хорошо бы смотрелся в стенах Ватикана.

И в этой уютной коробочке, согретые и обласканные, бактерии ели, пили и делились до тех пор, пока в костях не оставалось никакой органики. Тогда они умирали. Каждая оставляла вместо себя малюсенький кусочек минералов, впитанных ею вместе с потребляемой водой. Таким образом, любая из бактерий являла собой

микроскопическое подобие костей существа в миллионы раз больше их самих.

— Объясните мне все, — потребовал Гриффин. — Что конкретно они собирались сделать с этой штукой?

— Во-первых, захоронить ее здесь и сейчас, чтобы «обнаружить» захоронение в конце двадцать первого века. Затрудняюсь, правда, сказать, где именно.

— Ранчо «Святой Спаситель», — сказала Эми Чо. — Там они обучают своих собственных палеонтологов. В прошлом году выпустили шесть докторов философии и допотопной биологии. Недавно они откопали прекрасный скелет хасмозавра, который растерли буквально в порошок в надежде, что найдут разное количество радиоактивного углерода в различных частях одних и тех же костей и тем самым опровергнут традиционные методы датировки возраста. — Она доковыляла до кресла и попыталась сесть. Джимми подскочил, чтобы предложить ей руку. — Не нашли. Потому у них и нет никаких публикаций.

С трудом усевшись, она добавила:

— Я там была однажды, на обеде у священника. Очень мило посидели.

— Мне страшно хотелось бы знать, — сказала Молли Герхард, — зачем им все это нужно.

Рыжеволосая Молли — самая молодая из офицеров-охранников — постоянно рвалась в бой. Том Наварро, напротив, казался неторопливым и спокойным, но при взгляде на них не оставалось сомнений, что именно он — старший в команде. Том был сокольничим, а Молли — соколом, которого он при необходимости выпускал из руки.

— Ну, закопают они пару костей. И что из этого?

— Это Святой Грааль[14] науки о сотворении мира, — сказала Эми Чо. — Настоящие человеческие кости, найденные в скале, возраст которой равен десяткам миллионов лет. По их подсчетам, конечно, этим геологическим породам около четырех с половиной тысяч лет, а динозавры — это просто зверьки, погибшие во время Потопа. Таким образом, если человеческий скелет будет найден среди останков динозавров, это будет означать, что они правы, а мы — нет.

— Может быть, это просто кто-то из ученых, — задумчиво произнесла Молли. — Забрел далеко

[14] notes: 14

В западном христианстве Святой Грааль — чаша с кровью Христа, собранной при распятии одним из его учеников, символ нравственного совершенства.

от лагеря и заблудился.

— Миллионы и миллионы динозавров оставили после себя всего-то несколько тысяч скелетов, а один-единственный потерявшийся ученый законсервировался и найден много лет спустя? Никто на это не купится. — спокойно ответил Том. — Я бы, во всяком случае, не купился.

Гриффин почувствовал непреодолимое желание взглянуть на часы. По опыту он знал, что бороться с таким побуждением абсолютно бессмысленно. Поэтому Гриффин посмотрел на запястье, предварительно закрыв рукой циферблат. Потом перевел глаза на своих коллег.

— Как долго ящик пролежал на складе, прежде чем его обнаружили?

— Шесть месяцев.

— Значит, кто-то должен явиться за ним, так?

— Боюсь, мы его спугнули, — ответил Джимми. — Или ее, — добавил он, глянув на хмурую гримасу Эми Чо. — И помимо всего прочего мне бы хотелось обратить ваше внимание на этот ярлычок. Взгляните.

Стоящие по правую сторону ящика придвинулись ближе. Молли пришлось обойти его кругом.

— «Мартин Мариетта»[15], — вслух прочел Гриффин. — «Пусковая установка системы наблюдения „Птолемей“. Внимание! Только для обученного персонала!»

— «Птолемей» — орбитальная система наблюдения, — пояснил Джимми. — Запуск осуществляется усилиями всего трех человек: двое держат ракету, а один ставит пусковое устройство. Первое, что мы сделали, основав станцию, — запустили подобный спутник, чтобы с его помощью составлять карты. Неплохая система для своего времени, но сейчас считается устаревшей.

— Напомни мне, откуда наша новая подруга?

— 2048-й, сэр.

— Хоть это радует.

Гриффину было важно узнать точную дату события — случилось оно до 2034 года, когда путешествия во времени были еще секретом, или после, когда они уже являлись общедоступной информацией. Часто это оказывалось важней, чем вся временная пропасть между мезозоем и эрой людей. Гриффин не любил работать до 2034-го. Он ненавидел секретность.

— Системы наблюдения класса «Меркатор»

---

[15] notes: 15

Фирма в Денвере, штат Колорадо, специализирующаяся на производстве космической техники.

введены в обращение в конце 2047-го. Следовательно, маркировка ящика не должна вызывать подозрений. Это что-то достаточно устаревшее, чтобы им никто, кроме нужного человека, не заинтересовался. И в то же время не столь древнее, чтобы кто-то что-то заподозрил. Хитро придумано.

— Спасибо, Джимми. У кого есть что добавить? — Гриффин подождал. — Тогда подведем итоги. Вот что мы имеем: ящиксо святыми мощами, замаскированный под летательный аппарат, кого-то знающего, какой из безымянных клочков земли здесь и сейчас станет ископаемым песчаником недалеко от ранчо «Святой Спаситель» шестьдесят семь миллионов лет спустя, а также специфические сведения о том, что наблюдательная система «Птолемей» недавно устарела. И это приводит нас к тому, что...

— Что среди наших людей завелся агент креационистов, так называемый «крот», — сказала Молли.

— Не просто креационистов. — Для достижения пущего эффекта Чо сопроводила свои слова ударом трости. — Не садовых, или обычных, или повседневных креационистов, а глубоких!

— А в чем разница?

— Это те, что проповедуют возможность насилия. Проще говоря, убивают людей.

Минутное молчание. Все переваривали информацию.

— Итак, что нам стоит предпринять? — нарушил тишину Гриффин. — Мы сможем вернуться назад во времени и перехватить эту штуку в момент ее доставки? И можем ли мы схватить там нашего «крота», пока он не натворил чего-нибудь еще?

— За последние полгода у ученых не было ни исчезновений, ни необъяснимых отлучек, сэр. А ведь именно среди нихдолжен скрываться агент. Значит, не можем, сэр.

Молли бросила быстрый взгляд на Тома и продолжила:

— Я просмотрела все записи. Ничего нет о том, кто получил ящик, когда он прибыл, кто за него расписался. Его просто обнаружили во время инвентаризации. Поэтому мы считаем, что «крота» что-то спугнуло.

— Все проверено тщательно?

— Да, сэр. Прибытие ящика окружено стеной молчания. Кто-то — и я подозреваю, что это именно мы, — постарался изо всех сил, чтобы так и было.

— Упомянутого молчания достаточно, чтобы провести операцию? Я имею в виду, сможем ли мы втиснуться в этот промежуток времени?

Все невольно наклонились поближе к Молли, чтобы услышать ответ. Глаза их сверкнули. Даже Эми Чо приоткрыла рот.

— Да, — ответила Молли. — Я уверена в этом, сэр.

Когда были согласованы все планы, Гриффин отпустил подчиненных и направился в свой офис. Где бы он ни находился, офис всегда выглядел совершенно определенным образом, это было его жесточайшим требованием. Письменный стол именно здесь, а бар именно там. Текущие записи разложены по степени срочности и находятся в левом верхнем ящике. Основная документация — в левом нижнем. Бланки, формы и пачки облигаций в самом низу. От триаса до голоцена, где бы Гриффин ни оказался, он любил находить свои карандаши остро заточенными и там, где предполагал найти.

Сегодня он отлично поработал. В душе шевельнулось что-то похожее на удовлетворение. Затем Гриффин скользнул глазами по одной из текущих записей и ощутил, как желудок неприятно сжался.

Это было расписание лекций, которые звезды палеонтологии первого поколения должны прочитать палеонтологам поколений второго и третьего. Он всегда тщательно просматривал подобные бумаги, зная, как велик бывает соблазн поделиться запретной информацией со своим кумиром.

Третьим в списке лекторов шел Ричард Лейстер.

Среди слушателей заявлена Гертруда Сэлли.

Гриффин рванул ящик стола, выдернул оттуда бланк и начал лихорадочно писать распоряжение: «Всем руководящим лицам: третья лекция заявленного расписания временно отменяется. Все лица, задействованные в проекте, оповещаются, что Сэлли и Лейстер не должны иметь возможности...»

Сзади открылась и закрылась дверь. В комнате замаячила знакомая фигура.

— Сиди, сиди, — проговорил Старикан.

— А я и не собирался вставать.

Старикан прошествовал к бару и нацедил себе добрую порцию бурбона. Он поднял стакан к носу и вдохнул запах напитка, даже не пригубив его.

Затем взял недописанное распоряжение и порвал его в клочья.

Гриффин закрыл глаза.

— Почему?

— Ты опять доверяешь слухам. — Старикан аккуратно ссыпал обрывки на стол. — Иначе бы не старался держать этих двоих на расстоянии друг от друга.

— Да, доверяю. Я учитываю все, что может быть полезным. Если я хочу, чтобы все шло как положено, я обязан обращать внимание даже на слухи. Что еще мне остается делать?

— Уверяю тебя, это совершенно бесполезно. — Старикан поставил свой бурбон, чтобы достать из «дипломата» сложенный лист бумаги. — Прочти. Рапорт по поводу затеянного тобой расследования. Оно не поможет поймать вашего «крота». Тебе придется дать ему возможность действовать, пусть он себя обнаружит.

— Не надо загонять меня в какие-то рамки. Я должен иметь возможность маневрировать.

Старикан покачал головой.

— Сначала прочти это. А затем сделай то, что там написано.

Гриффин с неохотой развернул листок. Пробежав глазами половину написанного, он остановился.

— Здесь какая-то ошибка. У меня нет разреше-

ния читать списки несчастных случаев.

— Ошибки нет. Я считаю, что ты к этому готов.

— Черт вас побери! — с чувством произнес Гриффин. Он не видел необходимости посвящать его в эту информацию и чувствовал, как наливается злобой. — Зачем втягивать в это меня? Большая разница — посылать людей в опасную ситуацию или посылать их на верную смерть!

— Не такая большая, как тебе кажется.

— Это самое настоящее убийство.

Старикан промолчал, да Гриффин и не ждал ответа. Он медленно дочитал рапорт до конца и, вздохнув, сказал:

— Так вот почему Лейстер ненавидит меня. Боже правый. Знай я раньше, я бы обошелся поласковей с бедным придурком.

— Такое случается.

— Потому что мы позволяем ему случаться.

— Случается, потому что случается. Мы не имеем права вмешиваться. И не делай вид, что не знаешь почему.

Старикан подошел к окну и открыл жалюзи. Гриффин заморгал от яркого предзакатного солнца. Снаружи практиканты с энтузиазмом толпились вокруг подъехавшего лендровера. Старикан показал на них своим так и не тронутым

стаканом.

— Посмотри. Такие юные, энергичные. И ни один из них не имеет понятия, как хрупко его собственное существование.

Гриффин не ответил.

Старикан опять закрыл жалюзи. Гриффин сидел, ослепленный и ошарашенный.

— Они тоже умрут, раньше или позже. Все умирают.

— Не из-за меня. Черт побери, я этого не сделаю! Я голыми руками разорву всю вашу паршивую систему! Клянусь!

Но оба знали, что это только слова.

— Все умирают. И так много живущих пытаются об этом не думать.

Старикан опять поставил бурбон и открыл «дипломат». В этот раз он достал оттуда коричневый бумажный пакет и водрузил его на столешницу. Из пакета с грохотом выкатился какой-то предмет.

— Это тебе.

На столе лежал человеческий череп. Он явно пробыл в земле не дольше нескольких десятков лет. На одной щеке — симпатичное пятно зеленого мха. Недостает зубов.

У Гриффина пересохло во рту.

— Чей это?

— А ты как думаешь?

Старикан смял пакет и засунул его в карман. Затем осушил стакан, который держал в руках все это время, и направился к выходу. В дверях Старикан остановился и произнес:

— Memento mori[16]. Помни, ты тоже должен умереть.

Он тихо прикрыл за собой дверь, оставив Гриффина в ужасе глядеть на лежащий перед ним череп.

Его череп.

Пересекая территорию станции, Гриффин заметил студентку, которая этим утром вела экскурсию. Сейчас она помогала тащить только что пойманного велоцераптора от лендровера к открытым загонам, где содержались животные. Гриффин остановился посмотреть. Девушка-экскурсовод и еще двое студентов волокли зверя за специальный ошейник с торчащими из него шипами. Велоцераптор яростно отбивался, но грозные челюсти щелкали впустую, не задевая никого из обидчиков. Старший группы стоял рядом с электро-шокером в руке — на случай, если

---

[16] notes: 16
Помни о смерти *(лат.)*.

животное вырвется.

Девушка сияла от пота и возбуждения, улыбка походила на гримасу. Совершенно очевидно, думал Гриффин, что это один из самых волнующих моментов в ее жизни.

— Вы идете, сэр?

— Сейчас, Джимми. Ступай вперед, я догоню.

Он дождался, пока животное благополучно водворят в клетку, и приблизился к девушке.

— Вы неплохо поработали сегодня утром.

— А?.. Спасибо, сэр.

— Я имею здесь кое-какое влияние и хочу, чтоб вы знали: я буду рекомендовать вас на должность администратора. Конечно, нет никаких гарантий, но при должной настойчивости с вашей стороны я надеюсь встретить вас через несколько лет в роли руководителя департамента.

Девушка посмотрела на него в ошеломлении. Он положил ладонь ей на плечо.

— Продолжайте в том же духе. Мы гордимся вами.

Гриффин пошел прочь, стараясь не оглядываться. Мысленно он видел, как она сейчас поворачивается к первому попавшемуся из своих товарищей и спрашивает: «Кто это?» Как глаза ее расширяются от ужаса, когда она слышит ответ.

Иногда, чтобы достичь своей цели, необходимо лгать. Он ненавидел эту ложь.

4
КУКУШКИНО ГНЕЗДО

Станция Богемия: мезозойская эра, юрский период, верхняя юра (мальм), титонский век. 150 млн. лет до н. э.

Сэлли разбудило пение камптозавров.

Она вздохнула и, задев рукой сетку от москитов, потянулась на кушетке, но не поднялась. Сэлли всегда вставала с трудом, даже в такие дни, как сегодня.

Сегодня она собиралась изменить мир.

Никто не понимал, почему камптозавры поют. Сэлли считала, не имея, впрочем, никаких доказательств, что они делают это просто так, из чистого удовольствия. У нее были и другие смелые теории. Некоторые она опубликовала, об остальных говорила везде, где только можно. С младых ногтей Гертруда поняла, что в мире науки замечают, не сколько разты проиграл, но сколько раз выиграл. Одна большая удача полностью затмевает череду ошибок.

Поэтому она и пыталась доказать, что камптозавры поют, чтобы стадо держалось вместе. Что

их песня — просто звуки, с помощью которых животные внушают друг другу уверенность, что все здесь и всё в порядке. Как бы озвучивая, таким образом, свое количество, они отпугивают хищников — брысь отсюда, держитесь от нас подальше, нас очень много. А может быть, динозавры так делятся друг с другом сведениями о вкусе и количестве съедобных растений.

Но в глубине души она была уверена, что это самые настоящие крики радости.

Снаружи зарокотал двигатель. Мимо ее палатки прошли двое, вяло переругиваясь по поводу филогенетической позиции сегнозавров. Кто-то ударил в гонг, созывая народ на завтрак. Как просыпающийся зверь, лагерь лениво потягивался, неохотно стряхивая с себя дремоту.

Перевернувшись на живот, Сэлли ощупала пол под кушеткой в поисках одежды. Наверное, стоит немного прибраться сейчас, пока день только начинается, — к полудню в палатке будет жарко, как в печи, а к вечеру, когда похолодает, она будет уже далеко. Но вообще Сэлли считала, что в жизни слишком много разных дел. Надо все время выбирать: потратить время на исследования или выбросить его, занимаясь домашним хозяйством.

Носки оказались достаточно свежими, чтобы проносить их еще день. Она восприняла это как хорошую примету.

Палатка-столовая была полна разговоров и запаха кофе. Сэлли взяла поднос и встала в очередь за сосисками и овсянкой.

Высмотрев пустой столик в дальнем углу палатки, она направилась туда, смутно надеясь, что Монк Каванаг проспал и она для разнообразия сможет побыть в одиночестве. Тщетно. Едва она принялась за еду, Монк плюхнулся рядом на скамью и включил магнитофон.

Историк был немолод, лыс и громогласен, с морщинистым лицом, напоминавшим папиросную бумагу. К лицу прилепились маленькие светлые усики. Каванаг приветствовал ее омерзительной ухмылкой, которую сам, по-видимому, считал очаровательной.

— Неважно выглядите. Не выспались, а?

— Почти всю ночь в полях, прямо как скаут. Только с той разницей, что у скаутов не бывает соседей по лагерю, приглашающих в свою палатку дружков и трахающихся до самого рассвета.

— Да ну? Кто ж это у вас там веселится?

Сэлли закрыла глаза и сделала большой глоток кофе.

— Не важно. На чем мы остановились?

— Вас попросили из университета.

— Господи! Мы обязательно должны вспоминать эту грязную историю?

— Что поделать, это часть нашей темы.

Четыре года назад Сэлли вляпалась в скандал из-за присвоения интеллектуальной собственности. Она спала со своим научным руководителем, человеком, который был более известен своими практическими изысканиями, чем преподавательской деятельностью, и некоторые его идеи нашли свое отражение в одной из ее работ.

— А он просматривал ваши черновики? — задал вопрос Монк.

— Конечно, просматривал. Точнее, мы просматривали их вместе, и в какой-то момент он разразился длинной речью и высказал все свои идеи по интересующей меня теме. Он сам связал их с тем, что писала по этому поводу я, и предложил мне их использовать.

— Поговаривают, что во время обсуждения вас застукали вместе в постели.

— Так и было. Но нужно знать Тимми, чтобы понять все правильно. Он сказал, что секс помогает ему сконцентрироваться. Я знаю, это звучит достаточно глупо, но я была молода и влюблена

как кошка. Для меня он был чем-то средним между Чарльзом Дарвином и Иисусом из Назарета.

Монк подбадривающе закивал.

— Я и подумать не могла, что делаю что-то неправильное. Мысль, что идеи могут кому-то принадлежать, вообще не приходила мне в голову — я считала, что правда не принадлежит никому. И я честно пыталась показать ему окончательный вариант, но он только отмахнулся. Сказал, что верит мне. Ублюдок.

— Вас попросили покинуть университет, а в следующем семестре вы неожиданно вынырнули в Йеле[17]. Как это получилось?

— Я добилась встречи с руководителем и рыдала до тех пор, пока он не согласился сделать мне одолжение.

Сэлли засунула в рот сосиску и сжевала ее без остатка.

— Самый унизительный момент в моей жизни.

— Судя по всему, это был доктор Мартелли?

— Я поклялась себе, что больше никогда не буду делать двух вещей: плакать на людях и спать с палеонтологами. И я держу свое слово.

---

[17] notes: 17

Частный университет в г. Нью-Хейвен, старейший в США; основан в 1701 г.

— Ну, вы еще молоды... Если я не ошибаюсь, вы много общались с Мартелли по Интернету. Он, можно сказать, стал одним из ваших учителей.

— И не только он. Я не хочу показаться нескромной, но, еще будучи подростком, я контактировала с доброй половиной палеонтологов с мировым именем. Боже, благослови Интернет.

— Прекрасно. А теперь проглядите, пожалуйста, это. — Монк положил листок бумаги рядом с ее тарелкой. — И скажите мне, если что-то не так.

Сэлли переложила ложку в левую руку и, продолжая есть, прочла:

«Любой из ее знакомых скажет вам, что Гертруда — просто подарок судьбы. Любой, кроме ее родителей. Когда ей исполнилось пять, девочка вырезала из атласа силуэты динозавров. Тогда же она сообщила матери, что за одного из них, по-видимому, выйдет замуж. В семь она закатила родителям истерику, так как они не согласились отпустить ее на раскопки в Китай во время летних каникул. Они вздохнули свободней только в старших классах школы, когда Гертруда обнаружила интересующие ее сведения в Интернете и погрузилась туда с головой, задавая сотни наивных вопросов и фонтанируя идеями. Одну из своих гипотез — о том, что динозавры

вторично потеряли способность летать, — она отослала в научный журнал, когда ей исполнилось пятнадцать. К ее негодованию, статью не опубликовали. И к этому же времени Гертруда превратилась в баловня всего палеонтологического сообщества. В восемнадцать ее приняли в Чикагский университет, а в двадцать один она пострадала от серьезного научного скандала. В двадцать три, когда Гертруда Сэлли опубликовала сведения о своей находке — ископаемых останках пернатого текодонта, — к ней пришла слава, оказавшаяся, правда, кратковременной. Теорию, с восторгом подхваченную падкими на сенсации журналистами, ученые приняли весьма скептически. В двадцать четыре Гертруда повстречала Ричарда Лейстера, к которому прониклась мгновенной неприязнью. В двадцать пять ее пернатый текодонт был полностью дискредитирован, работа, в которой она раскритиковала книгу Лейстера, оказалась принята без особого энтузиазма, и Гертруда Сэлли, теперь уже не являющаяся самым юным экспертом по динозаврам, ощутила себя на грани провала».

Сэлли собрала остатки овсянки кусочком хлеба и вернула Монку листок.

— Я никогда не любила свое имя. Называйте

меня Сэлли, идет?

— Ладно. — Монк сделал на листке пометку. — Что-нибудь еще?

— В вашей книге будет хоть что-нибудь о науке?

— О науке? По-моему, это все о науке.

— Я заметила только болтовню и сплетни. Они допила кофе и отодвинула поднос.

— Пойдемте. У меня есть кое-какие дела в зверинце, а потом я покажу вам, что такое настоящая работа. Может быть, вы хоть чему-нибудь научитесь.

Зверинец находился в ангаре со стенами из гофрированного железа, без окон, зато с гудящим кондиционером.

— Мы зовем это место Птичьей Валгаллой[18], — сказала Сэлли.

Она отворила дверь, и в нос им ударил теплый запах птичьего помета.

— Выглядит как павильон по продаже кур на заштатной ярмарке, правда?

Услышав стук двери, археоптериксы закричали и заскребли когтистыми крыльями по прутьям клеток. Это были ярко окрашенные птицы с

---

[18] notes: 18

В скандинавской мифологии — обиталище бога Одина и душ павших в боях героев.

длинными хвостами, острыми мелкими зубками и склочным характером. Их оперение переливалось оранжевым, коричневым и красным.

Рассеянного вида молодой человек бросил на пол мешок с надписью «Корм для археоптериксов» и, заметив вошедших, удивленно заморгал.

— Привет, Сэлли.

— Монк, это Раймонд. Раймонд — Монк. Он пишет книгу о нашей станции.

— Правда? Обидно, что его не было здесь вчера. Мы выпустили в холле целую кучу маленьких пузырьков, наполненных гелием, а потом забросили туда же пару архи. Таким образом, мы смогли сфотографировать вихревые потоки, которые создают их крылья при полете. Отличные получились снимочки, хоть в «Нэшнл джиографэфик»[19] посылай. Жаль, нам ничего публиковать не разрешают.

— Позволю себе предположить, что это были продольные вихревые потоки, так?

— Ну-у-у... так.

— Таким образом, вы подтвердили, что архи могут удержаться в воздухе только при быстром

---

[19] notes: 19

Популярное издание Национального географического общества (NGS) — некоммерческой научно-исследовательской и образовательной организации, крупнейшего географического общества мира.

полете, что они просто не в состоянии летать медленно. Блестяще! Мне понадобилось десять секунд наблюдений за ними, чтобы сказать вам то же самое. Птицы, за исключением колибри, которые имеют свой собственный, только им присущий стиль, летают всего-навсего двумя способами: либо медленно, либо невероятно быстро. При медленном способе крылья оставляют за собой в воздухе пару завихрений в виде петель, в то время как завихрения, вызванные быстрым способом, обычно продольные.

— Это был эксперимент доктора Джоргенсена, я только помогал ему. Если вы пишете книгу, — обратился Раймонд к Монку, — значит, вы живете позже нас там, в нашем времени? Откройте секрет, когда нам разрешат публикации?

— Я в самом деле не имею права об этом говорить.

— Эта идиотская секретность убивает все удовольствие от работы, — проворчал Раймонд. — Нельзя нормально проводить исследования, если не имеешь возможности публиковаться. Теряется смысл. На прошлой неделе тут побывала группа ученых, так они даже не слышали о наших открытиях. Чего, спрашивается, приезжать? Бред какой-то.

Монк усмехнулся.

— Прекрасно вас понимаю. Если бы это зависело от меня...

— Не то чтобы мне не нравилось вас слушать, мальчики, — сказала Сэлли, — но Лидия Пелл ждет меня в хижине. Поймать тебе еще одного архи, Раймонд?

— Ну-у-у... Да... Спасибо. Нам они всегда нужны. Джоргенсон продолжает отпускать их на волю после экспериментов.

— Считай, что он у тебя в кармане.

Сэлли взяла переносную клетку и направилась к выходу.

— Пойдемте, Монк. Посмотрите на дикую природу.

День был прекрасный, как раз для того, чтобы бродить среди дюн. Небо голубело, и легкий бриз дул со стороны моря Тетис. То там, то тут из-под кустов и деревьев выпархивали архи и с пронзительным криком уносились прочь, держась низко, над самым песком. Археоптериксы редко взлетали выше древесных верхушек, небесные сферы по-прежнему принадлежали птеранодонам.

Время от времени Сэлли и Монк спугивали мелких животных. На берегу два миниатюрных

существа — не больше вороны — дрались из-за куска тухлого мяса.

Сэлли показала на них:

— Динозавры. Маленькие. Без перьев. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Но существуют и пернатые динозавры. Даже вы не можете этого отрицать.

— Все птицы имеют перья. А динозавры — только иногда. Я считаю, что пернатыми были общие предки динозавров и птиц. Птицы сохранили оперение, динозавры утратили его.

— Вторично облысевшие? — Монк хохотнул. — Это что-то типа вашего вторичного наземного апатозавра?

— Сравнили! Мне было всего-навсего пятнадцать, когда я предположила, что динозавры произошли от летающих рептилий.

— Но ученые уже посетили триас и не нашли и следа этого гипотетического летающего предка.

— Скажите мне, Монк, как много хороших ученых — я подчеркиваю, хороших, — могли бы выдвинуть такую теорию в столь юном возрасте?

— Могу ответить за себя — я, честно говоря, ни о чем подобном даже не думал.

— Так же, как и все остальные. Я обратила вни-

мание, что самые популярные ученики никогда не достигают больших успехов, когда вырастут. Они находятся на пике своей славы в старших классах школы. Зато неудачники, недотепы, затюканные одиночки впоследствии становятся Элвисами Пресли, Ричардами Фейнманами[20] и так далее. Точно так же новые формы жизни не происходят от самых успешных организмов. Успешные организмы остаются на своем месте и все лучше и лучше приспосабливаются к занятой ими экологической нише, пока эту нишу что-нибудь не разрушит. Тогда они умирают. И тут-то на сцену выходят загнанные в угол отщепенцы и наполняют мир стадами трицератопсов.

— Это всего-навсего точка зрения...

— Первое пернатое животное, как бы оно ни выглядело, было маленьким и незаметным. Оно занимало свое скромное место в какой-нибудь дальней нише и долгое время пребывало в тени. Пока Бог в очередной раз не перемешал все на свете. Кстати, в триасовый период динозавры составляли довольно небольшую и далеко не самую успешную группу архозавров среди множества

[20] notes: 20

Ричард Филипс Фейнман (1918 — 1988) — наиболее яркий физик-теоретик второй половины XX века, гениальный преподаватель, человек разносторонних интересов.

других. Так же как и мой пернатый текодонт. Ребята, которые катались в триас, искали в легкодоступных местах, а вот я, если бы эти чертовы бюрократы разрешили мне поехать, обшарила бы там все. От пола до потолка.

Монк одобрительно кивнул.

— Вы никогда не сдаетесь?

— Прошу прощения?

— Все против вас. Все говорит о том, что вы жестоко ошибаетесь.

— Поживем — увидим, Монк. Поживем — увидим.

Неподалеку, там, где дюны переходили в соленые болота, раздался звук, похожий на птичье пение. Такой звук издавали камптозавры, когда их что-то пугало.

Монк вздрогнул и нервно поглядел в сторону леса, где кусты сменялись соснами.

— Я надеюсь, здесь безопасно?

Камптозавры были весьма робкими животными, способными прийти в ужас от одной мысли, что где-то рядом находится хищник. Но Сэлли не хотелось просвещать Монка в этом вопросе.

— Вы не очень-то привыкли к практической работе, а? — жизнерадостно поинтересовалась она.

Какое-то время спутники шли в молчании.

Тропа, пересекающая дюны, различалась плохо. В здешнем мире только человек пролагал подобные тропы, идущие параллельно берегу моря. Сэлли размышляла о многочисленных следах, оставленных любопытными исследователями, направлявшимися в разные стороны от станции Богемия. Это натолкнуло ее на мысль о тропах динозавров, сотнями терявшихся в кустах. Если б только было можно занести их на карту и выяснить, кому принадлежит каждая, какой ни с чем не сравнимый объем информации о поведении животных они бы получили! Слишком огромная и кропотливая работа, чтобы сделать ее одной. Вот если взять в помощь пару практикантов...

— В двадцать три года вы едва не прославились.

— А? Что? Ах да.

— Почему вы не рассказали мне об этом?

— Ради бога. У меня был ископаемый образец, на который никто даже не пожелал взглянуть. Тогда я решила взять дело в свои руки. Я потратила день, чтобы обзвонить все мало-мальски популярные издания и сказать: «Это доктор Г. К. Сэлли из Йельского университета. Я звоню вам, чтобы сообщить о необыкновенной находке». Потом я объясняла им, что, начиная с последней

четверти двадцатого века, среди ученых широко распространена точка зрения о том, что птицы напрямую произошли от динозавров и, следовательно, динозавры не вымерли окончательно. Прессе все всегда приходится разжевывать. Они не знают даже самых простейших вещей.

— И затем?

— Затем я рассказывала им о моей находке и о том, что птицы произошли не от самих динозавров, а от животных, которые существовали до их появления. Таким образом, птицы и динозавры — не более чем двоюродные братья. Завершала я свою речь фразой: «Динозавры вымерли вновь!» Журналисты с восторгом проглотили все и облизали ложку.

Мускусный запах дюн с вплетающимся в него ароматом корицы сменился более тяжелым запахом серы и гниющей растительности. Монк и Сэлли подошли к соленым болотам. Здесь тропа разделялась на две чуть заметные дорожки: одна вела в сторону болот, другая — в чащу леса.

— Сейчас мы повернем.

Саговник и мелкие хвойные деревья рядами поднимались вокруг тропинки. Палеонтологи углубились в лес, следуя друг за другом и прислушиваясь, нет ли рядом хищников.

Сэлли гадала — во что обойдется установка специальной системы для регистрации звериных троп. Каждый раз при использовании тропы ее будут наносить на карту, а сведения отправлять для анализа в базу данных, в двадцать первый век. Единственная трудность, с которой могут столкнуться ученые, — как определить, какое животное какую тропу проложило. Но этим и следовало бы заставить заниматься практикантов.

— А как бы вы поступили сейчас?

— Сейчас?

— Ну, с вашим пернатым текодонтом. Если бы вам представился случай провернуть все это вновь?

Сэлли сделала вид, что размышляет, хотя в воображении она уже прокрутила предполагаемый сценарий тысячу раз. Иногда ей даже казалось, что это случилось на самом деле.

— Пользуясь остатками былой славы, я бы не стала висеть на телефоне, а созвала пресс-конференцию. Сделала бы все возможное, чтобы открытие получило широкую огласку в печати. И в этот раз я бы нашла действительно хороший образец. Такой, к которому никто бы не смог придраться. Тот, что был у меня тогда, состоял из фрагментов. Мне сказали, что это просто мозаика

из сложенных вместе частей разных животных. А отпечаток, который я принимаю за перья, не что иное, как папоротник. Я бы поехала на раскопки и рыла до тех пор, пока не нашла бы абсолютно целый экземпляр. Самый что ни на есть достоверный. Существование которого невозможно отрицать.

— Загвоздка в этом?

— Да. Мне нужен потрясающий экземпляр. И такие есть. Но в прошлом.

Дорожка вильнула, и странники оказались перед хижиной, сложенной из связанных вместе тонких бревен, крышей служили листья саговника. Сооружение стояло на опушке посреди бурой проплешины, когда-то служившей пастбищем для зауроподов.

— Последнее человеческое жилье на восемь тысяч миль в округе, — заметила Сэлли. — Лидия сама ее смастерила с помощью топорика и мотка бечевки.

Лидия Пелл сидела в хижине, вязала и читала книгу, аккуратно установленную на полке у окна. Увидев входящих, она отложила вязанье. Сэлли представила ее Монку и сказала:

— Расскажи ему, что ты видела.

Лидия была женщиной средних лет, круглоли-

цей и пухленькой. Она разложила два складных стула для гостей и начала рассказ:

— Ой, это целая история. Я тут регулярно обхожу все кругом и вот решила проведать одинокую самку рыболова, у нее здесь гнездо неподалеку...

— Рыболова? — переспросил Монк.

— Eogripeus hoffmannii. Назван так в честь Фила Хоффмана. Одна из его студенток идентифицировала это животное как первого из спинозавров. Может быть, даже родоначальника всего вида. — Лидия приложила палец к подбородку и улыбнулась так, что стало ясно: этой студенткой являлась она сама. — Здоровенное животное с длинным и узким носом, похожее на крокодила. Мы здесь именуем их рыболовами. Эта самка, можно сказать, овдовела: ее партнера несколько дней назад съел аллозавр.

— Теперь понятно. И что дальше?

— И вот я заметила аллозавра, который вел себя очень странно. Сначала я подумала, что он ранен, так как его движения были довольно неуклюжими. Вот такими.

Лидия поднялась со стула, наклонилась вперед — руки прижаты к телу, зад отклячен — и сделала несколько комичных шажков.

— Я быстро установила, что это самка, которая

вскоре отложит яйца. Но не беременность заставляла ее вести себя столь непонятно. Она что-то высматривала.

Лидия покрутила головой, напряженно и воровато.

— Хотите — верьте, хотите — нет, она выглядела как самый настоящий шпион.

Сэлли засмеялась, Монк, поколебавшись, сделал то же самое.

— Точно-точно! Одиннадцатиметровое чудовище, которое старается не вызывать подозрений, — смешная картина. Но что толкнуло ее на это? Почему самка аллозавра шаталась там и что вынюхивала? Оказывается, она подбиралась к гнезду самки рыболова! Когда аллозавриха нашла его, я думала, она съест яйца. Но вместо этого самка присела над гнездом и очень аккуратно снесла собственное яйцо. А после испарилась.

— Паразитизм? — спросил Монк.

— Да. Как у кукушки. Я запомнила место, построила здесь хижину и наблюдаю изо всех сил.

— Покажи, ему гнездо, — предложила Сэлли. Лидия послушно протянула Монку бинокль.

— Вон там, — сказала она. — На небольшом бугорке. Видите эту рощицу? В самой ее середине темно-зеленое пятно, это и есть рыболов.

Нашли?

— Нет.

— Присмотритесь, сейчас увидите.

— Не вижу... А! Она села!

Яркая серебристо-голубая полоска — брюхо самки динозавра — четко выделялась между деревьями. Она высоко вытягивала шею и нервно вглядывалась в лес. Затем неуклюже поднялась, ее узкая морда поворачивалась из стороны в сторону.

— Что она делает?

— По-видимому, высматривает своего дружка. Рыболовы не отличаются сообразительностью. Только взгляните на эти жирные бедра. Никаких мозгов — сплошная задница!

— Почему ее спина совпадает по цвету с кустами, а брюхо такое светлое? — Монк вернул бинокль.

— Рыболов проводит много времени в воде, — быстро объяснила Сэлли. — Светлый живот делает его менее заметным для рыб. Расскажи ему, чем все кончилось, — велела она Лидии.

— Обязательно. Теперь детеныши рыболова уже вылупились. Бедная вдова вынуждена оставлять их несколько раз в день, чтобы порыбачить и добыть корм для всей семьи. Жизнь матери-оди-

ночки — невеселая штука. Но для меня это даже удобно, я могу проверять гнездо. Аллозавр вылупился двумя днями позже остальных. Он был чуть больше своих названных братцев и сестриц, и мне показалось, что он пожирал больше рыбы, чем остальные. На следующий день в гнезде уже недоставало одного из детенышей.

Монк присвистнул.

— Настоящий синдром Каина и Авеля. С тех пор в гнезде каждый день становилось на одного детеныша меньше. Один в день — как по часам. Сейчас маленький аллозавр остался один, но одураченная вдова продолжает таскать ему рыбу. Долго ли аллозаврик будет разыгрывать комедию? Прозреет ли в конце концов его мачеха? Согласитесь, похоже на «мыльную оперу»!

— И сколько это продлится?

— Не думаю, что долго: «птенчики» рыболова обычно покидают гнездо спустя три недели после рождения. Но, к сожалению, уже завтра я должна быть в Калифорнии, начинается учебный год. Поэтому я и прошу Сэлли присмотреть за гнездом в мое отсутствие.

Монк пристально поглядел на Сэлли. Та воскликнула:

— Они могли бы вернуть тебя ко времени нача-

ла занятий через две недели, а не сегодня!

— Совершенно верно, так я им и сказала! А они? Они послушали меня? Нет, конечно! Бюрократы! Один день времени дома за один день времени в прошлом. Никаких исключений.

— Ненавижу этот образ мышления. Ненавижу ложь и жульничество. И больше всего я ненавижу секретность. Будь я на твоем месте, я бы плюхнулась на землю, и пусть бы они тащили меня отсюда силком.

— Ну, это же ты, Сэлли! Не все такие бунтари. Мои вещи упакованы и ждут отправки во временной туннель. Завтра в это же время я буду учить юных, свежевыбритых бездельников. Я... Впрочем, хватит об этом. Мне пора.

Лидия хлопнула себя по коленям и встала.

— Я ничего не забыла? Шляпа, бутылка воды... Стулья я оставляю. Вижу, опять ловишь архи? Джоргенсен в долгу перед тобой, Сэлли.

— Что я должна делать?

— Динозавриха оставляет гнездо три-четыре раза в сутки, как минимум на двадцать минут. Тебе надо раз в день проверять его. Когда аллозавр покинет приемную мать, отправь мне в будущее свои записи. Ручаюсь, ты станешь соавтором моей работы.

— Надеюсь, — ответила Сэлли. Лидия Пелл легонько обняла подругу.

— Спасибо тебе. Эта работа столько значит для меня. Я не доверила бы ее никому другому.

В конце концов она ушла.

— Что ж, — вздохнула Сэлли, — теперь нам остается только ждать. Не будем тратить время зря, включайте свою машинку.

Работа над интервью шла гладко.

— Где вы обнаружили ваш необыкновенный образец?

— Я откопала его в лавке, торгующей минералами и ископаемыми останками. По дороге домой с летних раскопок я остановилась в... Не будем уточнять где. Остановилась и завела беседу с хозяйкой лавки. Наоми оказалась археологом-любителем и попросила меня идентифицировать несколько находок. Среди них была и эта. Я спросила, где она ее откопала, Наоми показала место на карте и обещала отвезти меня туда весной.

— Вы объяснили ей, насколько ценен этот экземпляр?

— Конечно.

— И, несмотря на это, она отдала его вам?

— Да.

— Вам крупно повезло.

Они разложили образцы в задней части дома — Наоми жила за магазином — и просматривали многочисленные обувные коробки и банки из-под кофе, наполненные ископаемыми. После двух часов работы, классифицировав почти все, Сэлли потянулась на стуле и поглядела в окно. Вид открывался невеселый: несколько тополей, машина без колес, поставленная на старые кирпичи, и пустая парковка за мотелем у дороги.

Наоми — худая, нервная женщина с резкими чертами лица и большими карими глазами — вернулась из кухни с чайником в руке и, перехватив взгляд Сэлли, подтвердила:

— Да, смотреть особо не на что. Иногда здесь бывает тоскливо.

— Не сомневаюсь.

Сэлли подняла обломок так, чтобы на него упал свет, и, покрутив, положила к другим.

— Как получилось, что вы застряли здесь?

Наоми была одета в топик без рукавов и длинную, до самых лодыжек, юбку.

— Знаете, я купила эту лавку пополам с подругой, но она...

Сэлли развернула последний образец, и у нее перехватило дыхание. Слова Наоми потеряли всякий смысл.

Кости, которые она держала в руках, застыли как попало и оказались повреждены неаккуратным обращением Наоми. Но кое-что определялось точно. Одна из локтевых костей сломана, так что было видно внутреннюю полость, как у птиц. Череп сохранился достаточно хорошо и тоже напоминал птичий. Однако неподалеку находился фрагмент челюсти с зубами.

И по всей окаменелости, подобно нимбу, окружающему разрозненные останки, виднелись четкие отпечатки перьев.

— Где вы это нашли? — спросила Сэлли, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно.

— В районе Копперхэд-Грик. Там выход триасовых пород. Одно из моих любимых мест, могу вас отвезти.

Наклонившись над образцом, Сэлли пробормотала:

— Я бы очень хотела туда попасть.

— Правда? Вы пойдете?

Наоми поставила чашку с таким стуком, что Сэлли вздрогнула и невольно посмотрела на стол в полной уверенности, что увидит осколки. Затем перевела взор на Наоми. Их взгляды встретились.

Наоми покраснела и отвернулась в смущении.

«Господи, — подумала Сэлли, — она же флиртует! Со мной! Этим объясняется и ее нервозность, и расширенные глаза, и вся та ерунда, которую она нагородила».

Внезапная вспышка сочувствия заставила Сэлли представить, каково приходится Наоми. Несчастное одинокое создание. До сих пор скучает по исчезнувшей подружке, которая втянула ее в этот бизнес. И вот появляется молодая женщина-палеонтолог, с головой, набитой знаниями, приехавшая на ломящемся от находок «форде», переполненная жизнью, загорелая и обветренная. Как тут не взволноваться.

Такого рода переживания были не типичны для Сэлли, и новое ощущение оказалось на редкость неприятным. На секунду ей даже захотелось сделать что-нибудь для этой коровы. Например, исключительно из сострадания заняться с ней любовью.

Но нет, это не для нее. Да и не вышло бы ничего хорошего. После того случая с Тимми Сэлли не верила в любовные страсти и прочую чепуху. Она даже решила, что, если бы каждый руководствовался собственными интересами, жизнь была бы гораздо спокойней.

— Во вторник мне надо быть в университете, —

аккуратно сказала Сэлли.

— О! — Наоми пристально рассматривала свои пальцы, обхватившие чашку.

— Может быть, весной? — Презирая себя, Сэлли посмотрела женщине прямо в глаза и улыбнулась. — Мне кажется, весной здесь должно быть очень красиво.

Глаза Наоми наполнились надеждой. В следующий раз, говорили они, я буду смелее, настойчивей. И уже не упущу тебя!

— Конечно, — сказала Наоми. — У меня есть палатка, и мы сможем уехать на несколько дней.

— Замечательно. Я уверена, мне понравится.

Вставая со стула, Сэлли легонько погладила руку Наоми и почувствовала, что та задрожала. «О Господи, — подумала она, — ну нельзя же так». Взяв образец, Сэлли произнесла:

— Могу я позаимствовать это на некоторое время? Я отдам, когда приеду в следующий раз.

Конечно, Сэлли ничего подобного не рассказала Монку. А то он бы написал об этом в книге, тогда как в подобной истории точно нет никакой науки.

Внезапно что-то голубое блеснуло на краю бурой проплешины.

— Смотрите, она уходит! — Схватив переноску,

Сэлли дождалась, пока самка рыболова не исчезла в лесу. — Пойдемте!

Они бегом пересекли полянку.

Гнездо оказалось небольшим углублением, вырытым прямо в грязи. Его окружала опавшая листва и лесной мусор, которым динозавриха укрывала яйца, пока не вылупились детеныши. На утоптанном пятачке рядом с гнездом она, видимо, отдыхала, закрывая «птенцов» от солнца собственной тенью и защищая их от хищников.

В центре ямы сидел аллозавр.

Детеныш был и симпатичным, и отталкивающим одновременно. Посмотрев на него, вы бы первым делом заметили огромные влажные глаза и мягкий белый пушок, покрывавший все тело. А затем раздался бы звук, который мог бы издать великан, проведя ногтем по огромной тарелке, исходивший из широко раскрытого рта малютки, наполненного белыми иглами зубов. Отвратительное маленькое чудовище выглядело обаятельным, как детская игрушка.

Сэлли наклонилась над гнездом, чтобы полюбоваться ужасным младенцем.

— Смотрите, — сказала она Монку, — как надо обращаться с детенышем аллозавра.

Сэлли помахала пальцами перед носом суще-

ства и когда оно, щелкая зубами, бросилось на них, тут же отдернула руку. Второй рукой она быстро схватила детеныша за загривок. Ловко забросив его в клетку, Сэлли захлопнула дверцу.

— Вы собираетесь взять его с собой? Я думал... Сэлли резко повернулась к Монку.

— Слушайте, Каванаг. Я перетряхнула перед вами все свое грязное белье. Я ответила на каждый из вопросов, который только пришел в вашу голову, вплоть до цвета волос у меня на лобке. Я не утаила ничего. Время платить по счетам. Как мы это сделаем?

Монк глубоко вздохнул.

— Я возьму с собой клетку, так как имею право проносить живых особей в любой год после 2034-го. В переходе мы обменяемся идентификационными картами — их не очень тщательно проверяют, когда вы уже возвращаетесь из прошлого, — и я отдам животное вам. Вы выйдете в 2034-м, а я — в вашем времени.

Внезапное сомнение овладело Сэлли.

— Слишком просто все выглядит. Вы уверены, что это сработает?

— Это уже сработало. В моем времени.

Яростный восторг наполнил Сэлли, и она, не в силах сдержаться, выкрикнула:

— Вы знали! Вы знали, что я собираюсь сделать!

Отвратительная ухмылка исказила лицо Монка.

— А вы что думали, деточка? Что я здесь, чтобы книжку писать?

5
С ОСТРОВА НА ОСТРОВ

Здание университета, штат Мэриленд: кайнозойская эра, четвертичный период, эпоха голоцена, современный век. 2034 год н. э.

Ричард Лейстер вернулся из триаса загорелым, обветренным и ужасно расстроенным. По дороге в университет Мэриленда он бесстрастно смотрел на поток машин и, только когда водитель уже заруливал на территорию, спросил:

— Вы когда-нибудь замечали, сколько лимузинов с затененными стеклами ездит по округу Колумбия?

— Послы из Центральной Африки. Министры, спешащие на совещания. Журналисты с манией величия, — небрежно ответила Молли Герхард, предупреждая следующие вопросы: «Сколько путешественников во времени шатается кругом? Откуда они? Зачем приехали?» Спрашивать об этом не было смысла. Гриффин все равно бы не ответил, а если долго думать на подобные темы, начинается нечто, очень похожее на паранойю. Молли сама прошла через это.

Чтобы отвлечь своего спутника, она сказала:

— Вы смотрите из окна так, будто современный мир вас пугает. Тяжело привыкнуть?

— Я забыл, как грязно здесь бывает летом. И лужи. Они везде. Вода лежит на земле и не впитывается. Как-то неестественно.

— Только что прошла гроза.

— Континентальные пустыни Пангеи[21] — самые суровые, иссушенные земли, какие только можно себе представить. Саговники там адаптировались к подобным условиям, на них нет листьев. Черные, будто кожаные стволы, торчат то тут, то там, а вокруг только скалы да красный песок. Больше ничего. Однако время от времени грозовые тучи умудряются добраться и туда. Ливень обрушивается на песок и промывает в нем глубокие протоки. Он заканчивается так же внезапно, как и начался, и в тот же миг пустыня возрождается. Я чуть не сказал: «расцветает», но это, конечно, не так. Цветущие растения еще не появились. Саговники выпускают листья, появляются пустынные папоротники — эфемерные

[21] notes: 21

В начале мезозоя, около 230 — 200 млн. лет назад, все материки были сгруппированы в единый гигантский континент — Пангею (от греческих слов *пан* — всеобщий и *гео* — Земля), находящийся в первичном океане Панталласе.

растения, не сравнимые ни с какими из современных. Воздух наполняется целурозаврами.

— Это кто же такие?

— Примитивные животные, ребра у них торчат так, чтобы сверху натягивались складки кожи. Они залезают на верхушки деревьев и прыгают оттуда — маленькие жесткокрылые планеры. Их тучи, как комаров или мошек! Из-под земли тоже выползают животные — твердоклювые, с ладонь величиной. Они весело резвятся в озерцах шириной в милю и глубиной в дюйм. Их так много, что они взбивают воду в пену. А есть создания с головой, похожей на деревянный обрубок, — еще не черепахи, но уже что-то похожее, с панцирем и своим, только им присущим, неуклюжим шармом. Это день карнавалов и ярких красок, музыки и веселья, кругом все растет, летает, бросает в землю семена и откладывает яйца. И вдруг все заканчивается. Так же внезапно, как и началось, и вы можете поклясться, что по эту сторону горизонта нет и не было никакой жизни. Вот такая ни с чем не сравнимая красота.

— Здорово.

— Больше, чем здорово. И меня выдернули оттуда, чтобы... — Лейстер запнулся. — Простите, вы лично, наверное, ни в чем не виноваты. Вы

— просто одна из подручных Гриффина. Что там с моим расписанием?

Заехав на стоянку, водитель выключил мотор и обошел лимузин кругом, чтобы открыть Лейстеру дверь. Перед ними, за рядами низеньких кустов, высилось невыразительное кирпичное здание. Не считая сохранившихся кое-где остатков старинного Сельскохозяйственного колледжа, все постройки университета относились к шестидесятым годам двадцатого века. Пока они шли через территорию, Молли открыла ноутбук и просмотрела расписание.

— Первым делом Лейстер должен был отправиться на неформальную встречу с лучшими выпускниками третьего поколения. Затем следовало чаепитие с главой министерства геологии, после которого он выступал перед группой рекрутов из поколения-два.

— В обеих группах одни новички, — проинформировала Молли. — Молодые люди второго поколения прибыли из недалекого прошлого, третьего — наоборот, из ближайшего будущего. Никто из них еще не бывал в мезозое, поэтому все очень взволнованы. Да, кстати, ни одна из групп не должна знать о существовании другой.

— А почему, во имя всего святого, вы заплани-

ровали две группы на одно и то же время?

Молли пожала плечами.

— Наверное, только на это время мы арендовали здание университета. А может, сделали так просто потому, что некогда мы уже это сделали. Значительная часть системы зиждется на предопределении.

Лейстер тихо зарычал.

— Все, что нужно сделать, — это просто пообщаться с ребятами. Ларри, ваш шофер, все время будет рядом и проследит, чтобы кто-нибудь не сболтнул лишнего. Я надеюсь, вы найдете третье поколение весьма забавным. Они первые среди рекрутированных, кто чуть ли не с рождения знал о путешествиях во времени. Эти дети росли, наблюдая за титанозаврами по телевизору и разглядывая цератопсов в зоопарках.

— Понятно.

Новички из группы третьего поколения заполнили комнату для студентов и расположились на диванах или просто на полу, скрестив ноги. Их взоры были прикованы к стоящему посреди комнаты телевизору. В углу, удерживаемый небольшой цепочкой возле куска бревна, сидел живой археоптерикс.

Лейстер затормозил на пороге:

— И они собираются стать палеонтологами, специализирующимися на позвоночных?

— А вы чего ожидали? Они ведь как-никак из 2040-х.

— Что они смотрят?

— Вас что, никто не предупредил? Ведь сегодня 17 июля 2034 года!

Если и существовал палеонтологический День Независимости, он состоялся именно тогда. В этот день Сэлли собрала пресс-конференцию и объявила — как будто бы она имела на это право, — что путешествия во времени возможны. С этих пор палеонтологи получили право публиковать работы, выступать во всеуслышание, демонстрировать отснятые кадры, подписывать контракты с продюсерами, организовывать сборы средств, становиться медиазвездами. С этого момента сухая и несколько скучноватая наука, воспринимавшаяся на одном уровне с коллекционированием марок, шагнула в Голливуд.

Прежде чем Лейстер переварил новости, двое молодых людей заметили вошедших и поспешили навстречу ученому. Вскоре Ричард утонул в толпе желающих пожать ему руку. Молли отошла и начала знакомиться с новичками.

— Привет. Я — племянница Дика Лейстера

Молли Герхард.

— Я — Тамара. А это — Калигула.

Девушка достала из бумажного пакета дохлую крысу и повертела ее перед археоптериксом. Маленькое чудовище с криком потянулось к угощению.

— Вы в нашей дружной команде?

— Нет, к несчастью, у меня нет специального образования. Конечно, иногда я хочу поработать с вами, ребята. Может, когда-нибудь и выйдет.

— Да уж наверняка выйдет — с таким-то дядюшкой! Эй, Джамал! Поздоровайся с племянницей Лейстера.

Джамал сидел на жестком стуле, аккуратно вытянув сломанную ногу.

— Приветствую племянницу Лейстера!

Он наклонился вперед, протянув Молли руку. Стул опасно покачнулся, тут же остановленный толчком поврежденной ноги. Парень ухмыльнулся наполовину смущенно, наполовину хитро.

— Значит, этот человек в дурацкой одежде и есть Лейстер? Интересно.

— Джамал получил диплом магистра по маркетингу в области палеонтологии. Мы называем этот предмет дино-маркетингом.

— А что, на палеонтологии можно делать боль-

шие деньги? — удивилась Молли.

— Еще бы! Предположим, у вас есть совершенно новый вид — какой-нибудь крутой зверь, назовем его, к примеру, Европейский Хищник. Вы имеете три возможности на нем заработать. Первая — это имя. Euroraptor westinhousei дает скромный, но постоянный приток денег. Exxonraptor europensis принесет уже целую гору баксов. Затем — авторское право на внешний вид, включающее производство фильмов, книг и маленьких пластиковых игрушек. И последняя возможность, наиболее ценная: публичное внимание к вашему чудищу. Ажиотажный интерес, который может быть использован для того, чтобы ненавязчиво втереть наивной публике имя вашего спонсора. Однако все надо делать быстро. Выбрасывать на рынок целый пакет возможностей одновременно, пока вокруг и моргнуть не успели. Внимание публики — вещь капризная.

— Джамал хочет стать миллиардером, — усмехнулась Тамара.

— Спорим, я им стану? Ты еще увидишь!

— Кого еще ты можешь мне представить? — спросила Молли Тамару.

— Я не всех знаю. Вон Мануэль, вот Сильвия. Тот высокий — Нильс. Джиллиан Харроусмит.

Лай-Цзу. В углу — Робо Бой.

— Робо Бой?

— Раймонд Бойз. Если бы вы его знали, вы бы поняли. За нами Джейсон. Эллис...

— Тс-с! — зашипел на них Джамал. — Начинается!

Вокруг все зашикали, в телевизоре камеры сфокусировались на пустом вестибюле здания «Нэшнл джиографэфик». Молли Герхард слышала, что Сэлли выбрала именно его благодаря знакомству с одним из администраторов, который любезно согласился предоставить ей помещение. Нечего и говорить, что она не сообщила ему, какую пресс-конференцию собирается устроить. Диктор что-то произносил, но в комнате по-прежнему слишком шумели, и его не было слышно.

— Вот она! — крикнул кто-то.

— Господи, я действительно в прошлом!

— Заткнись, дай послушать!

Появление Сэлли встретили криками и свистом. По мнению Молли, она оделась слишком вызывающе и напоминала пародию на саму себя: охотничья куртка поверх белой рубашки, австралийская шляпа сидит на голове под немыслимым углом. Но на экране это выглядело неплохо. Сэлли несла задрапированную тканью проволочную

клетку.

— Смотрите, как она жутко накрашена!

— Нормально! Тогда так было модно!

— Сделайте же погромче!

Кто-то нажал на пульт, и голос Сэлли наполнил комнату: «... за то, что вы пришли сюда. Я счастлива сообщить вам об огромном научном прорыве».

Волнующий момент приближался. Улыбаясь, Гертруда Сэлли наклонилась, чтобы сдернуть покрывало с клетки, и тут одна из девочек вскрикнула:

— Бог ты мой! Она носит лифчик с вставками!

— Правда, что ли? Быть не может!

— Да точно! Уж я-то в этом разбираюсь!

«... но сначала я хочу представить вам моего необычного спутника. Он родился сто пятьдесят миллионов лет назад, но все еще очень мал».

Театральным жестом Сэлли стянула с клетки ткань.

Студенты радостно взвыли.

Маленький аллозавр, смущенно моргая, глядел в камеру большими зелеными глазами. В силу юного возраста его мордочка была слишком короткой, но когда детеныш открыл рот, показался ряд острейших зубов — зубов хищника,

безжалостного убийцы. Все тело аллозавра, за исключением морды и челюстей, покрывали мягкие белые перья.

Зрелище завораживало. На какое-то мгновение оно сумело отвлечь даже Молли.

Но она быстро вспомнила, для чего тут находится, и обвела комнату взглядом. Ее интересовали отношения между студентами: кто рядом с кем сидит, где обнимаются парочки, кто предпочитает гордое одиночество. Все могло пригодиться в дальнейшем. Представители поколения-три были самой удобной группой для вербовки «крота». Эти ребята попали сюда из периода, когда информация о ведущихся в мезозое исследованиях уже общедоступна, но все-таки достаточно нова, чтобы шокировать радикальных фундаменталистов. Молли, конечно, не верила в то, что сможет так быстро раскрыть загадку. Она просто наблюдала настоящее. И, кроме того, любая замеченная мелочь может оказаться полезной.

С экрана доносилось: «Нет, только мезозой. Не ближе. И не дальше, нет».

Молли обратила внимание на Лейстера. Он сидел на краешке стула, нахмурившись, подавшись вперед, и, не мигая, смотрел на Сэлли. Один из коллег тронул его за руку, Лейстер лишь раздра-

женно отмахнулся, ему было не до разговоров.

«Я не знаю почему. Вам придется проконсультироваться у специалистов. Я всего лишь динодевочка».

Взрывы смеха и аплодисменты.

Внезапно запищал телефон. Молли вышла в холл, чтобы поговорить. Звонил Том Наварро.

— Я в Калифорнии с Эми Чо, — сказал он. — Займи конференц-холл, у нас сенсация — перебежчик с ранчо «Святой Спаситель».

— Ничего себе! Но я не могу уйти прямо сейчас — это будет слишком заметно и вызовет ненужные разговоры. Вы можете помариновать его полчасика?

— Без проблем. Даже к лучшему — он дозреет, и его окажется легче расколоть.

Молли скользнула назад в комнату и обнаружила, что репортаж с пресс-конференции закончился. Студенты переваривали свои впечатления.

— Она очень неглупа, — сказал тощий и длинный Нильс, сидящий рядом с Мануэлем и Кати, хотя Молли показалось, что он испытывает симпатию к Тамаре, хозяйке Калигулы.

— Если эта Сэлли такая умная, почему она не запатентовала авторское право на детеныша?

Плюшевые аллозавры с острыми пластиковыми зубами и синтетическими перьями. Страшно подумать, сколько она могла бы на них заработать!

— У меня была такая кукла в детстве.

— По-моему, она не натуральная блондинка.

— Если верить книге Каванага — натуральная.

Тамара достала очередную крысу для своего питомца и покрутила над его головой. Калигула схватил предложенную добычу и бросил перед собой на пол. Наступив ногой на голову крысы, он начал терзать клювом ее живот. Джамал поморщился:

— О Господи, гадость какая. Опять кругом будут крысиные кишки.

Конференц-зал был выстроен шестьдесят лет назад и оформлен настолько канцелярски безвкусно, что мог быть отнесен к любому времени. Молли проверила, выключена ли камера, и включила видео.

Перебежчик сидел за столом, напряженно вытянувшись на стуле, и, не моргая, смотрел перед собой.

— Когда появится Гриффин? — раздраженно поинтересовался он. Одетый во все черное, этот человек показался Молли похожим на самого настоящего сатаниста. Она даже удивилась — по-

чему у него на шее не висит перевернутый крест на толстой цепочке. В руках перебежчик вертел маленькую фигурку козленка весьма дьявольского вида.

Сидящий по левую руку мужчины Том Наварро положил на стол какие-то бумаги, сдвинул очки на лоб и пробурчал:

— Потерпите немного.

Справа сидела Эми Чо, задумчиво улыбаясь ручке своей трости, на которой лежали бледные, в синих венах руки. Не поднимая глаз, она издала какое-то успокаивающее бурчание.

Перебежчик сморщился.

«О'кей, детки, — подумала Молли. — Шоу начинается!»

Она приглушила свет, чтобы оказаться в тени, положила ноутбук на стол перед собой, включила его, а затем — камеру.

— Итак, — сказала Молли, — что вы нам предлагаете?

— Кто это? — встревожено выкрикнул перебежчик. — Я хочу говорить только с Гриффином. Почему он не приехал?

Молли и сама хотела бы это знать.

— Я — ассистент мистера Гриффина, — бесстрастно сказала она. — К сожалению, он не

приехал. Но вы можете сообщить мне все, что сообщили бы ему.

— Это нечестно! Я пришел сюда по собственному желанию, и вы...

— Мы все еще не знаем, расскажете ли вы нам что-нибудь стоящее об агенте, — сказал Том Наварро. — Мы ждем доказательств.

— И это тоже нечестно! Как бы я узнал о вашей операции, если бы не через двойного агента? Ваша пресс-конференция о путешествиях во времени проходит прямо сейчас! Не надо делать из меня идиота!

— Вы абсолютно правы, дорогой, — спокойно сказала Эми Чо. — Но вы уже здесь, и у вас есть сообщение, которое мы готовы выслушать. Так почему бы вам его не сделать? Мы ждем.

— Хорошо, — неохотно пробурчал мужчина. — Хорошо. Но только не надо больше этой ерунды с хорошим и плохим следователем, идет? Пусть вот эта, — он показал в сторону Молли, — держит рот на замке.

«Сработало!» — подумала Молли. Он признал ее авторитет, а это значило, что их маленькая психологическая драма удалась. Тем не менее она сдержала радость и ограничилась коротким кивком:

— Продолжайте.

— Хорошо. Я работаю на ранчо уже четыре года...

— С самого начала, пожалуйста, — потребовала Молли Герхард. — Чтобы у нас сложилась четкая и полная картина.

Перебежчик поморщился и приступил к подробному рассказу.

Он режиссер. Обучался в Лондоне, окончил университет в 2023 году. Затем вернулся в Штаты и занялся так называемым христианским кино. Добился некоторого успеха, выпуская фильмы для воскресных школ и молодых миссионеров, специализировался на высокоморальных темах о людях, спасшихся от наркотической и алкогольной зависимости путем усердного чтения Библии. В его фильмах чтецом всегда выступал строгий почтенный старец, который впоследствии разъяснял значение прозвучавших отрывков. В общем и целом он гордился своей работой.

Но денег она не приносила. Религиозные продюсеры были бедны как церковные мыши и вместо оплаты контрактов указывали режиссеру на явные преимущества бедности и тяжкого труда.

Не получил он и известности. Киноиндустрия, управляемая исповедовавшими иудаизм евреями, не обращала внимания на христианское кино. Ни один из его фильмов не был отрецензирован, замечен или хотя бы упомянут в кинематографических журналах. Награды? Забудьте.

Естественно, когда к нему обратился один из вербовщиков с ранчо, он заинтересовался. Деньги не огромные, но приличные, втолковывал ему тот. У него будет важная работа и собственная студия.

Первой работой была документальная съемка экспедиции, отправившейся на Арарат в поисках Ноева Ковчега. Шесть недель в Армении, ночевка в палатках и жизнь бок о бок с довольно специфическими археологами, которые даже не знали происхождения названия этой вершины. Потом режиссер сделал несколько фильмов, демонстрирующих изготовление фальшивых ископаемых, затем — отснял биографии Дарвина и Гексли[22], где они представали масонами, убийцами и отвратительными ничтожествами.

— Это вас не тревожило? — неприязненно спросил Том Наварро.

---

[22] notes: 22

Гексли (Хаксли) Томас Генри (1825 — 1895) — английский биолог и педагог, один из первых защитников теории Дарвина.

— Что это?

— Клевета на Дарвина и Гексли. Вы же прекрасно понимаете, что они не делали того, что вы приписали им в своих фильмах.

— Они могли это сделать. Где нет Бога — там возможно все. Они оба были атеистами и могли выполнить все, что только пришло бы в их головы.

— Но этого же не произошло.

— Но могло бы произойти.

— Давайте придерживаться темы, — строго произнесла Молли. Эми Чо выглядела так, будто еле сдерживается, чтобы не опустить трость на голову Тома Наварро. Молли обратилась к перебежчику: — Продолжайте.

— Как скажете, — ответил тот, сложив руки будто для молитвы. Затем он посмотрел на Молли из-под тяжелых бровей. Режиссер походил на второстепенного актера, исполнявшего роль волшебника и внезапно осознавшего, что забыл очередное заклинание.

В конце концов, рассказывал перебежчик, ему стали доверять настолько, что поручили снимать эксперта-взрывника, демонстрирующего процесс изготовления бомбы.

— Кто это был? — быстро спросил Том.

— Понятия не имею. Они его привели. Я снял. Все.

Фильм снимался в обстановке повышенной, почти карикатурной секретности. Режиссера с завязанными глазами привели в бункер в горах, где он снимал человека в маске и тонких перчатках, медленно и любовно собиравшего бомбу под аккомпанемент механического голоса, комментировавшего все действия. На роли руководителей ранчо он нанял актеров, уверенных, что участвуют в художественной постановке, а затем изменил их голоса к закрыл лица, чтобы законспирировать все окончательно.

— Сколько фильмов вы сделали? — спросил Том Наварро.

— Много. Как изготовить бомбу. Как ее правильно установить. Как внедриться во вражескую организацию. Как скрыть свое вероисповедание и прикинуться атеистом. Не могу назвать точное количество. Около фильма в месяц на протяжении последнего года.

— Это большая работа, — отметила Эми Чо.

— Никаких дублей, никакого брака, никаких пересъемок, — с гордостью объяснил режиссер. — Может быть, не слишком красиво, но качественно. Я давал им то, что они хотели, и не

превышал бюджета.

— А они выгнали вас.

— Скорее мы разошлись.

Молли проверила запись.

— Мы не услышали причины вашего ухода.

— Он организовал порносайт, — объяснил Том. — Анонимно. На ранчо скорее всего ничего бы не узнали, не вовлеки он в работу пятнадцатилетнюю дочку одного из руководителей.

Перебежчик скорбно посмотрел на него.

— Это было ее собственное решение, сделанное свободно и без принуждения. Я не эксплуатировал ее.

— Так называемый «Христианский порносайт», — пояснил Том. — Вот почему на ранчо разозлились. Таких вещей они не прощают, одно название чего стоит. И знаете, мне кажется, они в чем-то правы.

— Не могу представить, что могло скрываться под таким названием, — сказала Молли.

— Библейские сюжеты, девочки в коротких юбочках, стоящие на коленях в церкви, радости молодоженов, пытки и мучения святых.

— А они сами лучше, со своими бомбами? И вообще мне обязательно надо все это выслушивать?

— Мы просто объясняем, почему они отказались от ваших услуг, — успокоил режиссера Том. — Я слышал, что народ там, на ранчо, здорово вас невзлюбил.

— Неудивительно. Они не христиане! Христиане должны уметь прощать! Я совершил ошибку, но я признал ее! Простили они меня после всего того, что я для них сделал? Черта с два они простили!

— Конечно, дорогой, — ласково сказала Эми Чо. — Том, вы не должны себя так вести.

Том отвернулся и сделал вид, что пытается справиться с гневом. Однако Молли понимала, что он всего-навсего хочет скрыть усмешку.

Несколько часов спустя интервью было готово.

— Ну и работка! — сказала Молли своему партнеру, оставшись с ним наедине в конференц-зале. — Как вы думаете, много нам удастся из него выжать?

— На самом деле он не знает и трети правды, а нам придется потрудиться, если мы хотим выжать из этой трети хотя бы половину. На ранчо достаточно осторожны, чтобы держать его подальше от серьезных вещей. В том числе — и от агента. Каждый раз, когда режиссер сталкивался с кем-то из оперативников, руководители дела-

ли все возможное, чтобы скрыть его личность. С другой стороны, он точно знает, какие типы взрывчатки использовали, какие несчастные случаи собираются инсценировать и кто из ученых является их наиболее вероятной целью.

— Значит, от него все-таки будет польза? — Да.

К тому времени, когда Молли присоединилась к дневному заседанию, оно практически закончилось, но для нее это не имело значения. Она слушала выступления Лейстера — правда, более пожилого Лейстера — несколько раз. Он всегда начинал лекцию словами о том, что его выступление перед этим, лучше информированным поколением палеонтологов следует назвать «Речь ископаемого».

Затем, переждав вежливый смех аудитории, он говорил: «Должен отметить, что я чувствую себя не слишком комфортно, выступая здесь, перед вами. Я находился в прошлом, изучая волшебную страну Динозаврию, немногим более года, и каждый из присутствующих на целую голову впереди меня в этом вопросе. Очень многое из того, что я могу вам поведать, безнадежно устарело. Что же мне предложить вашему вниманию?»

Здесь Лейстер смотрел вниз, как бы размышляя, и продолжал: «Несколько лет назад (лет — это для

меня, а для вас — десятков лет) я был увлечен работой над находкой, которая казалась мне самой волшебной и необыкновенной в мире. Она сохранилась в таких подробностях, каких еще никто никогда не видел. Я имею в виду раскопки следов погони на хребте Пылающей Женщины. Те, что я описал в книге „Безжалостные челюсти“. Кто-то из вас, возможно, читал ее». Когда зал аплодировал, палеонтолог обычно принимал удивленный вид. «Хм... Благодарю вас. С появлением машины времени перед нами открылась превосходная возможность проверить наши предположения. Как близко к истине мы подошли в наших догадках? В чем мы ошиблись? Конечно, мы не можем, по объективным причинам, наблюдать именно ту погоню, да это и не нужно: все хищники мезозоя ведут себя примерно одинаково...»

И тут Лейстер пускался в рассуждения о том, насколько верно он прочел след, что оказалось совершенно неправильным, а что — близким к истине. Честно говоря, Ричард не был блестящим оратором: путал слова, не заканчивал предложения, постоянно повторялся, останавливался, извинялся и путался вновь. Но студенты не обращали на это ни малейшего внимания. Они слышали то, что хотели: блестящую мысль, спо-

собную открывать новые горизонты в науке.

Его лекция зажигала сердца.

Молли вошла в зал, когда Лейстер заканчивал отвечать на вопросы. Оглушительные аплодисменты, передние ряды бросились к лектору, а задние высыпали в холл. Студенты сбивались в группы, взволнованно обсуждая услышанное.

Молли испытала почти шок, наблюдая за чопорными и рассудительными представителями второго поколения и мысленно сравнивая их со студентами из поколения-три: свободными, раскованными, даже несколько легкомысленными. Ей казалось, что она попала в викторианскую эпоху. Портвейн и сигары в библиотеке, ученые, одетые в костюмы.

Лейстер медленно прошел по проходу, беседуя с кем-то из подошедших. Он чувствовал себя в своей тарелке.

Сегодня основной задачей Молли было мелькать перед глазами и заводить разговоры с как можно большим количеством выпускников, чтобы позже, при встрече в мезозое, не вызвать ничьих подозрений. Пусть ее запомнят как племянницу Дика Лейстера, девушку необразованную и пристроенную на работу добрым дядюшкой. Ничего примечательного, обычная

семейственность.

Она закрыла глаза, вычленила из гула голосов самый громкий и пошла сквозь толпу прямо на него.

— ... что-то говорил о переходах по суше, — вещала выступающая.

Молли с трудом узнала Сэлли, которая, видно, пробовала новый образ: ярко-рыжая шевелюра и неровная стрижка.

— ... потому что школьные учителя много рассказывали им о Беринговом перешейке[23]. Но подобные «мосты» между континентами очень редки. Гораздо более достоверный способ миграции животных — переход с острова на остров.

— Вы имеете в виду, они переплывали от одного острова к другому? — спросил кто-то из толпы.

— Нет, для этого острова должны быть очень близко друг к другу. Я имею в виду тектонические процессы. Например, новые цепи островов могли возникать в результате извержений подводных вулканов, и динозавры пересекали по ним океан, даже не догадываясь об этом.

---

[23] notes: 23

В древности (18 000 — 14 000 лет назад) на месте современного Берингова пролива существовал перешеек, соединявший Северо-Восточную Азию с Северной Америкой. Время от времени этот перешеек заливало мелководное море.

— Это общеизвестный факт, — влезла в разговор Молли, — или ваша собственная теория?

Сэлли обернулась к ней:

— Извините, я забыла кто вы.

— Молли Герхард. Я племянница Дика Лейстера.

— Подождите, вы знакомы с Лейстером? Лично?!

— Конечно, он ведь мой...

Схватив Молли за локоть, Сэлли увлекла ее подальше от толпы студентов, оставив тех в недоумении.

— Какой он?

— Ну... Сухой, немного стеснительный, довольно замкнутый, знаете...

— Меня не интересуют его личные качества, — нетерпеливо перебила ее Сэлли. — Что он представляет собой как исследователь?

— Понимаете, я сама не палеонтолог...

— Вижу.

Сэлли отпустила локоть Молли и рванула за проходящим мимо Лейстером и окружившими его людьми.

В книге «Всего лишь динодевочка» Монк Кавана так описал этот день:

«Сэлли сидела в задних рядах, ошеломленная.

Как потрясающе работал мозг Лейстера! Она чувствовала, что в этой голове находится множество мыслей, идей, теорий, которые он не высказывает вслух, потому что не может доказать. Ей хотелось вырвать их из его головы, хотелось заставить его летать».

Чисто случайно Молли стала соучастницей события, позже превратившегося в легенду среди палеонтологов. Она была взволнована, так как никогда еще не видела воочию того, о чем пишут в книгах. Молли решила не выпускать Сэлли из виду и протиснулась за ней сквозь толпу.

Она успела. Сэлли как раз протянула Лейстеру его книгу — тяжелую, в красной обложке — и попросила автограф. Молли заметила застенчивую улыбку палеонтолога; он механически потянулся к карману за ручкой.

— На самом деле книга не так уж и хороша, — пробормотал он. — Это лучшее, что я мог сделать в тех условиях, имея те знания. Слишком многое из того, что мы тогда предполагали, оказалось неверным.

Затем, отмахнувшись от вежливых возражений Сэлли, Лейстер спросил:

— Как вы хотите, чтобы я ее подписал?

— Т. К. Сэлли. Я не люблю свое имя...

— Вы! — С резким щелчком Лейстер захлопнул книгу и буквально швырнул ее в руки Сэлли. — Вы когда-нибудь отстанете от меня?!

Он круто повернулся и зашагал прочь. Сгорая от любопытства, Молли наблюдала за лицом Сэлли. Выражение сильнейшего изумления на нем постепенно сменилось злостью, она в свою очередь резко развернулась и исчезла в противоположном направлении.

Во «Всего лишь динодевочке» говорилось, что, вернувшись в свое время, Сэлли отомстила за полученную обиду разгромной критикой лейстеровой книги и предложила эту статью в один из научных журналов. К счастью для нее, никто из редакторов журнала не был посвящен в тайну перемещений во времени и, разумеется, не слышал выступления Лсйстера. Сэлли предусмотрительно использовала только доступную в ее собственном времени информацию и, соответственно, избежала санкций со стороны людей Гриффина. Будучи опубликованной, статья значительно подняла рейтинг Сэлли в научном мире и не пошла на пользу Лейстеру.

У Молли оставалось меньше часа. Вскоре она должна была сопровождать Лейстера обратно, и она потратила это время так продуктивно, как

только могла.

Направляясь к лимузину, они повернули за угол и чуть не врезались в Сэлли. Лейстер подчеркнуто отвернулся. Сэлли побелела.

«Раскритиковав свою книгу, ты дал ей в руки оружие, — думала Молли. — Потом плюнул ей в лицо и тем самым дал право его использовать. Все это плохо кончится. Однако сейчас ты просто повернулся к ней спиной. Ты не понимаешь — она опасна».

Лейстер, несомненно, вел себя как осел. Но Молли ничего ему не сказала. Не сообщила она ему и о том, что он считался главной мишенью друзей с ранчо «Святой Спаситель». Молли никогда ничего не говорила, если не знала точно, чем это кончится.

6
«БЕДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ»

Станция Ксанаду[24]: мезозойская эра, меловой период, галльская эпоха, туронский век. 95 млн. лет до н. э.

Непрочитанный рапорт Тома и Молли лежал на столе Гриффина. В стопке из пятнадцати подобных. Все они были написаны членами группы, организованной для поимки «крота»-террориста, все присланы из разных мест и веков, все помечены «Срочно!». Гриффин никак не мог решить — с какого начать. Ему не хотелось знать и доброй половины того, что в них было написано.

Элементарный акт чтения в данных условиях превращался в некое метафизическое действо. Он переводил бессчетное количество возможных ситуаций, которые могли бы случиться, в единственный и неизбежный вариант того, что уже случилось. Этот акт превращал живую игру свободной человеческой воли в железную неиз-

[24] notes: 24

Ксанаду. Волшебная страна из поэмы английского поэта Сэмуэля Тэйлора Колриджа (1772 — 1834) «Кубла Хан».

бежность судьбы.

Иногда незнание — лучший друг.

— Сэр? — Это был Джимми Бойли. — Подводный бал сейчас начнется.

Гриффин ненавидел поиск спонсоров, необходимость угождать и заискивать. Но, к несчастью, имел к этому талант.

— Как мой смокинг? — спросил он Джимми. — Кстати, откуда они все?

— Из 2090-х, — сэр. Ваш смокинг вышел из моды лет за двадцать до этого, как, впрочем, и костюмы большинства присутствующих. Вы не будете отличаться.

— Надеюсь, тебе не попадался на глаза снующий туда-сюда Старикан?

— А вы его ожидаете?

— Слава богу, нет. Но у меня плохое предчувствие. Сегодня вечером что-то должно приключиться. Я не удивлюсь, если Неизменные наконец-то решат аннулировать наше право на путешествия во времени.

Лицо Джимми, обычно сохранявшее выражение непреходящей скорби, трансформировалось в снисходительную улыбку.

— Вы просто не любите формальных мероприятий.

Чем старше становился Джимми, тем более приятным и успокаивающим становилось его присутствие. Сейчас он находился в предпенсионном возрасте, излучал мудрость и терпимость и был прямо-таки переполнен опытом.

— Вы всегда так говорите, когда вам предстоит развлекать гостей.

— Это правда. У тебя программа вечера?

Джимми молча подал ему листок.

Гриффин повернулся спиной к так и не прочитанным рапортам. И тут его рука взлетела к глазам, и он, не успев остановиться, посмотрел на часы. 20:10 — личное время. 15:17 — местное.

Обыкновенный, хоть и взлелеянный долгими годами предрассудок: пока он не знает, сколько сейчас времени, жизнь еще можно изменить, а он сохраняет контроль над происходящим. То, что вечер начался с этого маленького прокола, выглядело дурной приметой.

Вид, открывающийся со станции Ксанаду, был уникален. Гриффин знал это наверняка. Он лично побывал на всех станциях, начиная с зеленых равнин раннего триаса и заканчивая пустошами Кольцевой станции, находящейся в тяжелых временах заката мезозойской эры, и понимал, что Ксанаду — это нечто особенное.

Затерявшаяся в неглубоких водах моря Тетис Ксанаду представляла собой огромный шар голубовато-зеленого стекла, прикрепленный к рифам, которые биотехнологи двадцать второго века научились выращивать искусственно, придавая им любые желаемые формы. Снаружи станция походила на рыбий плавательный пузырь, покрытый кое-где темными пятнами. Войдя внутрь, вы попадали в пространство, залитое рассеянным, мерцающим светом и окруженное пышной подводной растительностью.

Это было великолепно.

На заднем плане пианист наигрывал Коула Портера[25]. Гости прибывали, их сопровождали к столикам, приветливо предлагали полюбоваться красотами океана: гигантскими прядями водорослей, скоплениями аммонитов, светящимися рыбами.

И вдруг армада официантов буквально ворвалась в зал, высоко держа подносы с *horsd 'oeuvres*(мясо плиозавра в водорослях), белужьей икрой на кусочках яиц гесперорниса, тостами с поджаренными на гриле ломтиками энигмазавра и десятками других деликатесов.

---

[25] notes: 25

Портер Коул (1891 — 1964) — американский композитор, автор мюзиклов «Целуй меня, Кэт!», «Канкан» и др., музыки к кинофильмам.

Захватывающее зрелище! Внимание гостей немедленно переключилось на происходящее в зале.

Всех, кроме одного.

Тринадцатилетняя девочка стояла у окна, впитывая открывшуюся перед ней картину. В руках она держала карманный справочник и каждый раз, когда кто-нибудь из морских обитателей проплывал мимо, лихорадочно листала его, пытаясь идентифицировать животное. Гриффин увидел рыбу двадцати футов длиной, медленно подплывшую к стеклу и остановившуюся, злобно глядя на юную исследовательницу.

Рыба была страшна как смертный грех: острые зубы между невероятно толстыми губами, рот изогнут в злорадной усмешке. Эти зубы, рот и презрительные немигающие глаза придавали животному вызывающий вид. Но то ли справочник оказался не слишком хорош, то ли девочка не могла найти нужную страницу. Она недовольно вертела книжку в руках, глаза ее раздраженно вспыхивали.

Взяв с проносимого мимо подноса бокал шампанского, Гриффин встал рядом.

— Xiphactinus audax, — сказал он. — Или, в просторечии, рыба-бульдог. По-моему, подходящее

название.

— Спасибо, — благодарно произнесла девочка. — Это ведь хищник, так?

— С такими-то зубами? Кто же еще! Xiphactinus — необычный охотник, совсем не такой, как, например, акула, он предпочитает заглатывать свою жертву целиком. Рыба заживо попадает в желудок и там переваривается.

— По-моему, не очень удобный способ питания. Жертвы могут поранить желудок изнутри.

— Иногда так и происходит. Рыба-бульдог может подавиться своей добычей и умереть. Строго говоря, это не самый удачливый хищник, но в живых остается достаточно особей, чтобы не дать виду вымереть.

Резко взмахнув плавниками, рыба исчезла. Девочка наконец повернулась к Гриффину лицом. Он протянул ей руку:

— Моя фамилия Гриффин. Она подала ему свою:

— Очень приятно, мистер Гриффин. Меня зовут Эсми Борет-Кэмпбелл. Вы — палеонтолог?

— Был когда-то, а потом пошел на повышение. Теперь я обыкновенный бюрократ.

— У-у-у! — разочарованно протянула она. — А я-то думала, вы будете сидеть за нашим столом!

— Я искренне польщен.

Билеты на бал стоили целое состояние, около сотни тысяч долларов за место по ценам 2010 года. Как дополнение к угощению и танцам те из гостей, кто мог позволить себе купить целый столик на шестерых — например, Борст-Кэмпбеллы, — получали в компанию собственного палеонтолога, который должен был развлекать их весь вечер.

— Я просто боюсь, — объяснила девочка, — что застряну здесь с каким-нибудь скучным типом, толкующим только о динозаврах.

Последнее слово она произнесла с нескрываемым презрением.

— Вы не любите динозавров? — осведомился Гриффин.

— Мне кажется, что они интересны одним мальчишкам. Монстры-убийцы, зубы как кинжалы. А сами ящеры такие огромные, что могут не заметив растоптать человека. Я люблю подводный мир. Здесь все так сбалансировано: биология и ботаника, позвоночные и беспозвоночные, химия и физика, поведенческие характеристики и экология, геология и приливно-отливные механизмы — все науки тесно переплетаются в океане. Наглядно. Чем бы ты ни интересовался,

всегда найдешь что-нибудь для себя.

— А чем вы интересуетесь?

— Всем! — воскликнула Эсми и, смутившись, продолжила уже спокойней: — Я не должна этого говорить, извините.

— Нет, нет, все в порядке!

По мнению Гриффина, это было одно из лучших заявлений, когда-либо слышанных им в его жизни.

— А по поводу разговоров... Сейчас поглядим...

Он заглянул в программу вечера и прочитал запись, сделанную его собственной рукой: «Эсми — Ричард Л.».

— Вам просто повезло! У вас будет доктор Лейстер. Вы отлично поладите.

— Он тоже не любит динозавров?

— Нет, динозавров он любит, но я научу вас, что нужно делать.

— Что?

— Когда вас представят друг другу, посмотрите ему в глаза и скажите, что, по вашему мнению, палеонтология является лишь прелюдией к палеоихтиологии.

— А он не обидится?

— Его это заинтригует. Он настоящий ученый и захочет узнать, почему вы так думаете. И пре-

красный учитель: стоит вам объявить о ваших интересах, он пожелает их поощрить. Расскажет вам о жизни под водой так, что уши развесите. И будет большой проблемой заставить его замолчать.

— Вы серьезно? — недоверчиво произнесла Эсми.

— Поверьте мне. Я его знаю.

Гриффин махнул зажатым в руке стаканом в сторону подводных зарослей.

— А теперь поглядите туда. Видите эти движущиеся тени? Это плезиозавры ловят креветок. Если вы внимательно приглядитесь, то увидите, как они лениво всплывают к поверхности за глотком воздуха, а потом возвращаются за новой порцией пищи.

В молчании всматриваясь в глубину, они наблюдали за огромными тенями, пока не пришло время открывать бал. Гриффин отослал девочку к ее столу. Плезиозавры тоже куда-то уплыли.

Кто-то сунул ему микрофон. Гриффин дважды постучал по нему, призывая к вниманию. Он стоял на фоне огромного окна, за его спиной разворачивался дивный морской пейзаж, проплывали бесчисленные стада аммонитов, сверкая яркими раковинами.

— Леди и джентльмены, — произнес Гриффин. — Разрешите мне поприветствовать вас в туронском веке — веке, где морями правят моллюски!

Он переждал смех присутствующих и продолжал:

— Хотите — верьте, хотите — нет, но, несмотря на волшебных животных, окружающих нас — плезиозавров, мозазавров и гигантских акул, — основная задача станции Ксанаду — изучение моллюсков-рудистов, формирующих окружающие рифы. Вы спросите почему? Дело в том, что эти существа достигли необыкновенной способности, а затем неожиданно ее потеряли. Они ничем особенным не отличались, пока не научились образовывать колонии и строить рифы. Их раковины имеют складки в виде маленьких пузырьков, что позволяет им откладывать кальций скорее, чем это делают другие моллюски. Таким образом, они росли быстрее остальных и начали доминировать в экосфере океана. И, несмотря на это, незадолго до конца мелового периода, по причинам, которые мы никак не может установить, рудисты вымерли. Только благодаря этому кораллы позже смогли выкинуть точно такой же трюк и заполнить пустующую нишу строителей

рифов, где доминируют до наших дней. Мы не в силах объяснить, почему так случилось. Мы здесь, чтобы выяснить это.

Гриффин сделал паузу и сверкнул ослепительной улыбкой.

— Однако это вовсе не значит, что вам придется провести весь вечер, рассматривая одних лишь моллюсков. Мы приготовили множество сюрпризов, постаравшись показать вам подводный мир во всей его красе. Начнем мы с пары мозазавров, которые приближаются к нам... прямо... сейчас!

Лампы померкли. Теперь зал освещался лишь теми лучами солнечного света, которые смогли проникнуть сквозь толщу воды. Гриффин включил фонарик на своем микрофоне, взмахнул им, привлекая всеобщее внимание, и, действуя микрофоном как указкой, направил взгляды гостей в нужную сторону.

— Вот они, — мягко произнес он.

Из глубин подводного леса прямо к окнам плыли два мозазавра. Огромные, тридцати пяти футов длиной, рыбоящеры. Длинные, с кошмарными зубами и темными, холодными глазами, они выглядели просто ужасно.

Даже находясь за безопасными стенами станции, страшно было наблюдать, как два чудовища

надвигаются на зал. Люди за столиками сжались. Заскрипели стулья.

Но мозазавров жестко контролировали. В маленькой комнатке, недалеко отсюда, сидели два наблюдателя, держа в руках пульты и следя за животными. Глубоко в мозг каждой из рептилий вживили биочип, с помощью которого наблюдатели видели глазами и управляли телами животных так же легко, как и своими собственными. Эта пара хищников являлась всего лишь инструментом — надежным, привычным и используемым практически ежедневно.

Мозазавры изогнулись, расплылись в разные стороны и вдруг, вернувшись в исходное положение, с дикой скоростью ринулись вперед.

Гриффин посмотрел на столик Борст-Кэмпбеллов. Пока родители и их гости с замиранием сердца следили за шоу, Эсми не сводила глаз с Лейстера. Она даже нагнулась, вслушиваясь в его торопливые слова. Руки палеонтолога описали окружность, видимо, обрисовывая плоскую, похожую на крышку раковину рудиста, затем изобразили под ней плоскость — судя по всему, это было тело моллюска, формирующее уютный дом для колоний симбиотических водорослей.

Мозазавры летели в сторону станции с такой

невероятной скоростью, что казалось, неминуемо врежутся в стеклянные стены Ксанаду и разнесут ее на куски вместе со всеми гостями. И лишь в самый последний момент они отвернули. Один — налево, другой — направо, синхронно исказив отвратительные и вместе с тем не лишенные своеобразного обаяния морды в зубастой ухмылке.

Гости ахнули.

Мозазавры испарились.

Эсми даже не повернула головы.

Самое смешное, что она была права. Все это представление лежало столь же далеко от науки, насколько военные парады далеки от реальной войны. Феерическое шоу, не более.

— В течение вечера вас будут ожидать новые сюрпризы, — провозгласил Гриффин. — Пока же прошу наслаждаться угощением.

Его вознаградили аплодисментами, и он принялся обходить столы. Шутка здесь, поздравление там. Необходимо смазывать рычаги, чтобы мир мог вращаться.

Главной заботой Гриффина было присматривать за учеными. Его трудные дети, он знал слабые места каждого. Вот этот много пьет, а тот — невероятно скучен. Эта, с кротким и нежным

лицом, — агрессивная феминистка, а та, похожая на добрую бабушку, сквернословит, как старый моряк. Открыв рот, глядели палеонтологи на пышное убранство зала: яркие светильники, связки сверкающих раковин (все самого лучшего качества, достойные музейных полок, специально отполированные до полупрозрачности и медными крючками прикрепленные к стенам). Гриффин голову давал на отсечение, что ученые скрипят зубами, подсчитывая, какую экспедицию можно снарядить, если содрать со стен и продать все это богатство.

Официанты неслышно скользили по залу. Они пропадали за ширмой, скрывающей вход во временной туннель, и тут же выныривали обратно с полными подносами. Стейки из пентацератопса с грибами для тех, кто любит темное мясо. Конфуциусорнис с миндалем — для предпочитающих белое. Радиччио и трюфели для вегетарианцев.

И все это сопровождалось негромкой музыкой, приятной беседой и невероятной красоты видом.

По распоряжению Гриффина Гертруда Сэлли села настолько далеко от Лейстера, насколько это было возможно. Судя по всему, идея подсадить к гостям ученых сработала превосходно. Сэлли очаровала своих патронов. В данный момент

она взмахивала руками, демонстрируя, как птеранодон при взлете отрывается от поверхности океана. Все уважительно посмеивались. Сэлли точно знала, как далеко можно зайти, не рискуя утомить аудиторию.

В кармане у Гриффина тихо запищал вызов, и ему пришлось нырнуть за ширму, чтобы вынырнуть в кухне ресторана, в 2082 году.

Там его встретил юный Джимми Бойли.

Если старый Джимми излучал компетентность и спокойную уверенность, то молодой его вариант был для Гриффина настоящим шилом в заднице. Бойли обладал оглушительно громким голосом и истинным талантом устраивать неразбериху.

В кухне оказалось полным-полно полицейских. В одном углу стоял мужчина, он держался прямо и, подняв глаза, молился. Руки его были скованы за спиной. На полу лежала женщина, она всхлипывала и держалась за ногу, санитар пытался оказать ей первую помощь. И мужчина, и женщина были одеты как официанты. Слышался голос повара: «... невероятно! Я требую убрать всех этих людей из моей кухни! Я не могу работать, когда столько народу путается у меня под ногами!»

— Проклятые американцы, — сказал Джимми

Бойли. Он имел в виду пленников. — До сих пор считают, что владеют миром.

— Взрывникам понадобится это, сэр, — вежливо сказал полицейский. Он держал несколько обломков предмета, который, по-видимому, не так давно выглядел кофеваркой. — Для экспертизы.

— Да, конечно, забирайте, — ответил Джимми и обратился к Гриффину: — Все очень трогательно и старомодно, сэр. Гелигнит, часовой механизм, ударник. Но вполне достаточно, чтобы проделать дыры в каждом из окон Ксанаду. Если бы вы не предупредили меня...

Взмахом руки Гриффин заставил его замолчать.

— Молодец, Бойли! — произнес он так, чтобы слышали все присутствующие. Затем сжал рукой плечо молодого человека и отвел его в сторону. Голосом столь тихим, что Джимми должен был нагнуться, чтобы расслышать сказанное, Гриффин прошипел: — Осел! Кто же так делает! Ты должен написать рапорт и переслать его мне за день до Подводного бала. А я бы сам решил — стоит мне появляться здесь лично или нет. Вызывать меня — не твоего ума дело!

— Сэр, я думал, вы захотите узнать об этом

поскорее!

— Все, что я хочу, это чтобы ты сам научился разбираться с такого рода инцидентами. Ты в состоянии элементарно выполнить свои обязанности или нет?

— Черт побери, сэр, вы же знаете, что да!

— Так выполняй!

Под суровым взглядом Гриффина Джимми поговорил с женщиной-поваром. Во-первых, он пригрозил, что в состоянии нанять другого специалиста, если она не справляется с работой. Ему нетрудно, сообщил он, вернуться на пару недель в прошлое и взять кого-нибудь, кто постучится в дверь прямо сейчас. Затем Джимми осведомился, какие дополнительные ресурсы ей необходимы, чтобы возобновить бесперебойную подачу пищи в зал. И под конец уверил, что организует прибытие дополнительного числа официантов в течение ближайших пяти минут.

Потом Бойли подписал бумаги полицейским и разрешил увести несостоявшихся террористов. Он созвал весь персонал кухни и поговорил с ними коротко и вдохновенно, объясняя, что случилось, и призывая не уронить честь профессии. После чего слетал в недалекое прошлое и доставил запасных официантов точно в то время,

которое обещал повару.

Теперь Гриффин мог вернуться.

Случай действительно был очень опасный, в этот раз террористы подобрались слишком близко. Но Гриффин не собирался говорить об этом Бойли. Парень должен научиться думать своей головой, и чем раньше, тем лучше.

Перед тем как нырнуть в туннель, Гриффин заскочил в свой офис и написал две записки. Одну — администратору Ксанаду, с распоряжением посадить Лейстера за столик Борет-Кэмпбеллов, а Сэлли — как можно дальше от него. Вторую — самому Лейстеру, получившему ее за два дня до бала. Ему предписывалось положить в карман акулий зуб, когда он отправится развлекать гостей. Большой зуб. Такой, какой может заинтересовать не по годам развитого тринадцатилетнего морского биолога.

Только после этого Гриффин вернулся на Ксанаду.

Он прибыл, когда официанты готовились подавать десерт и кофе. Кивнул пианисту — тот заиграл. Еще кивок, и все лампы в зале медленно погасли.

Высоко над ними над поверхностью воды светило яркое полуденное солнце. Для гостей бал

проходил вечером, поэтому время его проведения спланировали так, чтобы пробивавшийся сквозь толщу воды свет создавал иллюзию заката.

Гриффин вынул из кармана микрофон и вышел на середину комнаты.

— Люди, нам страшно повезло.

Все завертели головами.

Снаружи проплывала стая плезиозавров, похожих на огромных, длинношеих, четырехкрылых пингвинов. Гости дружно ахнули. Это были самые грациозные животные из всех, виденных когда-либо Гриффином. Даже китов он считал толстыми и неуклюжими по сравнению с ними.

— Перед вами трое взрослых и пять молодых эласмозавров, самые большие представители плезиозавров и величайшие из рептилий, когда-либо бороздивших моря. Они не столь быстры и свирепы, как мозазавры, которых мы видели ранее, но я уверен — воспоминания об этих животных навсегда останутся в вашей памяти.

Он, разумеется, не упомянул о том, что именно мозазавры с вживленными в мозг биочипами согнали плезиозавров сюда, к станции, как сторожевые овчарки сгоняют стадо. Рифы полны живности, мозазавры отплыли, и животные начали безмятежно кормиться. Плезиозавры

практически не имеют памяти, они живут текущей минутой. Гриффин мысленно досчитал до десяти, дав присутствующим время насладиться видом длинных шей ловивших рыбу плезиозавров. Затем он сказал:

— Скоро начнутся танцы. Сейчас же вы можете встать из-за столов и еще раз полюбоваться окружающим. Прошу вас.

Кто-то встал, за ним другой, третий, и зал наполнился милой суматохой. Гриффин убрал микрофон в карман, пробежал глазами программу вечера и направился к столику Борет-Кэмпбеллов.

Взрослые гости отошли, за столом сидели только Эсми и Лейстер. Девочка что-то говорила, да так увлеченно, что даже не заметила подошедшего Гриффина.

— А мой учитель утверждает, что самцы и самки используют разные стратегии размножения. Самцы стремятся осеменить как можно большее количество самок, а самки, в свою очередь, сужают выбор до одного-единственного представителя противоположного пола. Для большей надежности.

— При всем моем уважении к вашему учителю, — отвечал Лейстер, — я не могу с ним

согласиться. Ни один вид не смог бы просуществовать достаточно долго, имей самцы и самки разные репродуктивные стратегии.

— Да я и сама это подозревала... О, хэлло, мистер Гриффин!

— Я только решил проверить — не утомил ли вас мистер Лейстер.

— Ни в коем случае! — воскликнула Эсми с такой горячностью, что Лейстер заметно покраснел. — Он рассказывал мне о работе доктора Сэлли с плезиозаврами. Вы слышали об этом?

Гриффин слышал, но не ожидал, что Лейстер упомянет о чем-либо, связанном с Сэлли.

Одна из старейших загадок палеонтологии заключалась в том, что никто не мог установить, являются плезиозавры живородящими или же яйцекладущими. Были найдены окаменевшие останки мозазавров и ихтиозавров, погибших в тот момент, когда они давали жизнь своим детенышам. Но плезиозавры хранили свои секреты. Не были найдены и их окаменевшие яйца.

Сэлли же снабдила десяток особей радиомаячками и провела несколько месяцев на маленькой лодке, наблюдая за ними. Как только какая-нибудь самка появлялась с детенышем, Сэлли отмечала на карте, где побывало данное жи-

вотное.

— Она выяснила, что, когда приближается время родов, самка покидает океан, но уходит не на сушу, а в одну из пресноводных рек, — вещала Эсми. — Самец следует за ней. Она уплывает так далеко, как только сможет. До тех пор пока река не становится такой мелкой, что самка не в состоянии плыть дальше. Здесь она и рожает своего детеныша. Наземные хищники не могут подобраться к самке, пока она в воде, а хищники водоплавающие в верховьях реки слишком малы, чтобы причинить сколько-нибудь серьезный вред. А ее партнер плавает ниже по реке, чтобы никто не напал на нее сзади. Правда здорово?

Гриффин, который читал не только исследования Сэлли, но и дальнейшие разработки этой темы, принадлежащие другим авторам, вынужден был согласиться. Вслух же он сказал:

— Вы знаете, зачем я здесь, не так ли, Эсми? Как будто солнце закатилось за тучу.

— Мне пора уходить?

— Увы.

Кто-то подошел к столу и молча остановился, ожидая конца беседы. Судя по горделивой осанке — слуга.

— Это лучший вечер в моей жизни, — пыл-

ко произнесла девочка. — Когда я вырасту, я обязательно стану палеоихтиологом! Морским экологом, а не просто исследователем или специалистом. Я хочу знать о море Тетис абсолютно все.

Лейстер рассеянно улыбался. Он явно симпатизировал этому необычному ребенку. Видимо, Эсми напомнила ему о собственном детстве.

— Подожди, — вдруг спохватился палеонтолог. — Я чуть не забыл.

Его рука погрузилась в карман и вынырнула, сжимая акулий зуб, упавший в ладонь девочки. Та в удивлении смотрела на подарок.

Родители Эсми, видимо, остались на танцы. Незнакомец предложил ей руку. Они удалились.

Гриффин посмотрел им вслед и подумал, что сегодняшняя ночь не забудется ей никогда. Он помнил, как то же самое случилось с ним. Маленький Гриффин стоял перед фреской «Время рептилий» в музее Пибоди, в Нью-Хейвене[26]. Это, разумеется, случилось задолго до путешествий во времени, и изображения динозавров были настолько достоверны, насколько возможно в те

---

[26] notes: 26

Музей естественной истории Пибоди («Peabody Museum of Natural History») при Йельском университете, Ныо-Хейвен, штат Коннектикут.

годы. Сейчас он мог бы указать на сотню неточностей, но тем далеким, пыльным, солнечным утром в Атланте его детства он просто стоял, не сводя глаз с удивительных чудовищ. Очарованный, забывший обо всем на свете. Стоял, пока мама не утащила его за руку.

Мысли об Эсми и ее дальнейшей судьбе испортили ему настроение. Внезапно Гриффин остро почувствовал каждый прожитый год, постоянные мелочные компромиссы, бесконечную необходимость угождать и выгадывать.

Спустя несколько минут после ухода Эсми в зал влетела молодая девушка в коротком красном платье. Она, несомненно, пришла только сейчас, иначе Гриффин заметил бы ее раньше. Он заглянул в программу вечера, прочитал последнюю строчку, и сердце его екнуло.

Как он и подозревал, это оказалась Эсми Борст-Кэмпбелл — на десять лет старше себя предыдущей.

Эсми была красивым ребенком. И нечего удивляться, что она стала очаровательной девушкой.

Эсми встревоженно оглядела зал. Ее глаза равнодушно скользнули по Гриффину, которого, судя по всему, она забыла много лет назад, но, заметив Лейстера, девушка просияла и бросилась

в его сторону.

Оркестр заиграл, люди начали танцевать. Гриффин издали наблюдал, как Эсми объясняет Лейстеру, кто она такая. На шее у нее висел акулий зуб на шелковом шнурке.

— Что это за птичка щебечет с Лейстером?

Гриффин обернулся. Позади стояла Сэлли. На ее лице играла странная улыбка.

— Это грустная история.

— Тогда поведай ее мне, пока мы будем танцевать.

Она потащила его за руку в середину зала.

Медленный танец есть медленный танец, что бы ни случилось. Скоро Гриффин почти забыл о своей грусти, однако Сэлли прошептала:

— Я жду.

Гриффин рассказал ей о девочке.

— Это и правда грустно, — подытожил он. — Эсми переполняли любопытство и энтузиазм. Она могла бы стать великим биологом. Но ей «повезло» родиться в богатой семье. У девочки была мечта, а у родителей — слишком много денег, чтобы позволить этой мечте осуществиться.

— Так пусть начнет сейчас, — сказала Сэлли. — Она же очень молода. Еще полно времени, чтобы все изменить!

— Уже не начнет.

— Откуда ты знаешь?

Гриффин узнал это, просмотрев персональные дела ученых на сто лет вперед и не встретив среди них имени Эсми.

— Это случилось. Или случится.

— А почему она снова здесь?

— Я думаю, Эсми переживает сейчас один из счастливейших моментов своей жизни. В последний раз ей всерьез верится, что она выберет свою судьбу сама, без оглядки на родителей.

Сэлли внимательно наблюдала, как девушка в красном обвила руками шею Лейстера, пристально глядя ему в глаза. Палеонтолог казался озадаченным, даже немного напуганным.

— Девица прямо-таки вцепилась в него.

— Она никогда не добьется своей цели. Почему же не дать ей насладиться утешительным призом?

— А Лейстер вроде как ее трофей? — желчно сказала Сэлли. — Хорошо же им будет вдвоем! Он, по-моему, так обалдел, что не помнит, как его зовут.

— Не всегда все происходит так, как мы хотим.

Некоторое время они танцевали молча. Но Сэлли не унималась, она положила голову Гриффину

на плечо и продолжала расспросы.

— И все-таки интересно, как Эсми смогла сюда вернуться?

— Мы не афишируем подобные вещи, но иногда с нами можно договориться. За определенную плату и, естественно, под строгим контролем.

— Расскажи мне, Гриффин, — как я смогла пронести детеныша аллозавра мимо всех твоих охранников?

— Тебе просто повезло. Такое больше не повторится.

Она отодвинулась и холодно посмотрела на него.

— Не морочь мне голову. Все прошло как по маслу: холл был почти пуст, а твои люди поворачивались ко мне спиной. Я хочу знать почему?

Гриффин улыбнулся.

— Ну-у-у... Ведомый, как обычно, здоровым бюрократическим инстинктом, я решил, что вся эта секретность — предосторожность совершенно излишняя. Поэтому я кинул Монку несколько намеков и послал его к тебе.

— Ты кошмарный тип. — Сэлли прижалась к нему теснее некуда. — Значит, ты заставил меня скакать через расставленные обручи, как цирковую собачку? Почему у вас все не как у людей?

Все так запутано, перекручено.

— Добро пожаловать в мой мир, — отозвался Гриффин.

— Говорят, что женщина хотя бы раз в жизни должна влюбиться в настоящего подлеца. — Она заглянула ему в глаза. — Боюсь, мой подлец — ты.

Он чуть отодвинулся от нее.

— Ты пьяна.

— Везучий, — промурлыкала Сэлли. — Выходит, ты везучий.

Несколько часов личного времени спустя Гриффин вернулся в свой офис. Горел свет, а второй ключ мог быть только у еще одного человека.

— Джимми, — произнес Гриффин, открывая дверь, — клянусь, мое тело болит в местах, о существовании которых я и не...

Кто-то повернулся на его стуле.

— Нам надо поговорить, — произнес Старикан. Гриффин застыл на пороге. Затем вошел, закрыв дверь.

Направился к бару и налил себе бурбона. Старикан уже заглянул сюда, автоматически заметил Гриффин.

— Я слушаю.

Старикан взял со стола верхний рапорт и про-

чел вслух: «Перебежчик рассказал, что в числе тех, на кого будет организовано покушение, есть личности, значимые для выполнения Основного Проекта. Список их составлен руководителями ранчо, первые места в нем занимают наиболее известные ученые».

Он уронил рапорт на стол.

— Если бы ты удосужился прочитать это до бала, то знал бы, что верхние строчки списка, составленного нашими друзьями с ранчо «Святой Спаситель», занимают Сэлли и Лейстер. Под номерами, соответственно, один и два. Тебя бы не застали врасплох, и ты бы понял, что следует держать этих двоих на расстоянии друг от друга.

— А что случилось? Вы предупредили нас о готовящемся покушении, Джимми поймал террористов, система работает. Между прочим, я имею право выбора тактики.

Старикан встал, опираясь рукой на стол. «Интересно, сколько он уже выпил сегодня?» — мельком подумал Гриффин.

— Мы еле поймали двух долбаных террористов, а «крот» до сих пор работает среди наших людей! Как они узнали о бале? Кто сказал им — какой ресторан будет обслуживать наших гостей? — Он хватил кулаком по груде рапортов. — Нет у тебя

никакого выбора! Ну-ка читай все! Немедленно!

Гриффин сел. Он умел читать очень быстро, но, чтобы впитать информацию полностью, потребовался почти час. Закончив, Гриффин закрыл глаза ладонями.

— Вы хотите, чтоб я использовал Сэлли и Лейстера как наживку.

— Да.

— Зная, что с ними случится.

— Да.

— Отправить людей на верную смерть.

— Да.

— Это невероятно грязная игра.

— С моей точки зрения, это *была* невероятно грязная игра. Но ты все равно сделаешь как надо. Я более чем уверен.

Гриффин посмотрел на Старикана долгим тяжелым взглядом.

Глаза сидевшего напротив одновременно и притягивали, и отталкивали. Темно-карие, погруженные в бесконечную сеть оставленных временем морщин. Гриффин работал со Стариканом много лет, с того самого момента, как был завербован, но до сих пор не раскрыл загадку его глаз. Под этим взглядом он чувствовал себя мышью, которую гипнотизирует кобра.

Гриффин не попробовал свой бурбон. Когда он потянулся к стакану, Старикан опередил его и вылил содержимое назад, в графин, а затем убрал графин в бар.

— Тебе это не нужно.

— Вы-то пили.

— Разумеется. Но я намного старше.

Гриффин не имел понятия о том, сколько Старикану лет. Для тех, кто принимал участие в игре со временем, предусматривались продлевающие жизнь процедуры, а Старикан играл в эту игру так долго, что почти выиграл ее. Единственное, что Гриффин знал наверняка, — это то, что он сам и Старикан были одним и тем же человеком.

Переполняясь злостью и отвращением, Гриффин спросил:

— А вот интересно, что с вами будет, если я сейчас перережу себе вены?

Воцарилась тишина. Старикан молчал. Возможно, он обдумывал последствия столь глобального парадокса. Их «спонсоры» набросились бы на них, как стая разъяренных пчел. Неизменные вырвали бы дар путешествий во времени из рук людей. Задним числом. Все, связанное с этим даром, было бы отрезано от реальности и превращено во временную петлю. Ксанаду и остальные

размещенные в прошлом станции перешли бы в неопределенную область того, что «могло бы быть». Исследования и открытия сотен ученых испарились бы из памяти людей. В конечном итоге получилось бы так, что дело, на которое Гриффин потратил большую часть своей жизни, никогда бы и не начиналось.

Не факт, что он пожалел бы об этом.

— Помнишь, — сказал наконец Старикан, — тот день в Пибоди?

— Вы же знаете, что да.

— Я стоял перед фреской, всем своим сердцем — твоим сердцем — желая только одного: увидеть когда-нибудь настоящего, живого динозавра. Но даже тогда, в возрасте восьми лет, я понимал, что это невозможно. Потому что такого не бывает.

Гриффин молчал.

— Господь подарил тебе чудо, — сказал Старикан. — Ты не швырнешь это чудо обратно ему в лицо.

С этими словами он ушел.

Гриффин сидел неподвижно.

Он думал о глазах Старикана. Глазах столь глубоких, что в них можно было утонуть. Глазах столь темных, что невозможно выяснить — сколько трупов лежит на их дне. После долгих

лет работы со Стариканом Гриффин так и не понял — это глаза святого или дьявола.

Гриффин не мог забыть эти глаза.

Его собственные глаза.

Презирая себя, он принялся за работу.

7
ЗАШИТНАЯ ОКРАСКА

Тренировочная станция: мезозойская эра, период поздний триас, карнийский век. 225 млн. лет до н. э.

Очень важно вести себя как подобает ученому. И для этого его специально тренировали. Поэтому, когда рано утром Гриффин со своим помощником, которого за глаза звали Ирландской Тенью, вынырнул из временного туннеля, Робо Бой знал, что надо делать и что говорить.

— Ребята поймали карликового целофизиса в районе холмов, — сообщил он, принимая от прибывших удостоверения и тщательно сравнивая фотографии с лицами. — Все ужасно взволнованы.

Робо Бой сверил имена со списком.

— Этот зверь меньше двух футов длиной.

Засунул документы в машинку для проверки подлинности и подождал.

— Мы назвали его Nanogojirasaurus.

Вспыхнула зеленая лампочка.

— Но Мария думает, что это просто-напросто

детеныш.

Он отомкнул тяжелую стальную дверь, чтобы люди вышли из кабины. Монотонный дождь барабанил по крыше склада. Полки загромождали разнообразные ящики и коробки. А свет одной-единственной тусклой лампочки наполнял помещение странными тенями.

— Почему стулья до сих пор не расставлены? — осведомился Гриффин. Он зажал запястье рукой, взглянул на нее и продолжал: — У меня нет времени, я заскочил сюда по дороге в индский век.

— Вы должны были появиться только через два часа, — возразил Робо Бой, сверяясь с расписанием.

Ирландец вынул расписание у него из рук, зачеркнул стоящее там время и написал новое.

— Иногда события немного расходятся с существующими записями, — пояснил он. — Всего лишь мера предосторожности.

Зажужжал сигнал, объявляя о новом прибытии.

С тяжелым металлическим клацаньем появилась новая кабина. Робо Бой схватил свое расписание. Из кабины вышла Сэлли.

— Ребята поймали карликового целофизиса в районе холмов, — сообщил он, протягивая руку

за удостоверением. — Все ужасно взволнованы.

— Это детеныш, — ответила Сэлли. — Я читала рапорт Марии Капорелли. Я же из второго поколения, забыл?

Гриффину она сказала:

— Нельзя сократить для меня всю эту бюрократическую процедуру?

— Разумеется.

Гриффин кивнул Ирландцу, тот подался вперед и отпер дверь. Сэлли шагнула в комнату. — Эй! — возмутился Робо Бой.

Ирландец положил руку ему на плечо и спокойно сказал:

— Позволь дать тебе маленький совет, сынок. Не надо прыгать выше головы. Ты большего добьешься в жизни, если чуть-чуть расслабишься.

Робо Бой вспыхнул и, чтобы скрыть это, усердно заметался по комнате. Первым делом он поставил в ряд четыре стула. Затем разложил складной стол. Последним штрихом стали стаканы и графин с водой, которую предварительно охладили, подержав канистру около кабины.

Совещание проводили на складе, потому что там было во много раз прохладнее, чем снаружи. Временной туннель действовал как поглотитель тепла, высасывая его из окружающего воздуха и

отправляя в темноту неизвестности между станциями. Никто точно не знал, куда оно исчезает. Туннель смоделировали в виде многомерной трещины в пространстве, и никто еще не сообразил — как можно выйти за его стены.

Пока Гриффин аккуратно раскладывал документы, а Сэлли наливала себе воды, Робо Бой вернул канистру на ее обычное место рядом с маячком времени. Этот маячок был одной из важнейших частей механизма по управлению временем. Именно он привязывал определенный туннель к определенному месту на временной шкале и, таким образом, ориентировал путешественников. Без него никто не смог бы попасть на станцию. Она бы просто потерялась — маленький островок человеческой жизни в бесконечном океане времени. Часто Робо Бой ловил себя на желании раздавить маячок и отсечь всех присутствующих от мира людей. Его останавливала лишь мысль, что он будет обречен провести остаток своих дней среди неверующих дарвинистов.

Хлопнула дверь, ведущая наружу.

— Ау! — Кто-то стоял, хлопая глазами, в ворвавшемся вместе с ним облаке жаркого, влажного воздуха. — Есть здесь кто-нибудь?

Это оказался Лейстер. Он закрыл за собой дверь

и повесил на крючок плащ. Повернулся, заметил Сэлли.

— Привет, Лейстер. — На ее лице появилась и тут же исчезла дразнящая улыбка. Она демонстративно отвела глаза. Лейстер в свою очередь пробормотал нечто любезное и, глядя в сторону, со скрипом отодвинул стул.

Что-то здесь происходит, отметил Робо Бой. Такое, о чем определенно знают все присутствующие. И этих двоих очень тяготит присутствие друг друга, их взгляды бродят по комнате, стараясь не встречаться. А все чувствуют возникшее напряжение, даже не отдавая себе в этом отчета.

— Вы прекрасно знаете друг друга, — сказал Гриффин. — Но, несмотря на это, вы согласитесь, что Основной Проект настолько важен, что надо отбросить в сторону все личные чувства... — Он запнулся и обратился к Робо Бою: — Ты почему еще здесь?

— Я провожу инвентаризацию. — Робо Бой махнул расписанием в сторону полок.

— А нельзя заняться этим в другое время?

— Можно.

— Тогда проваливай.

Робо Бой аккуратно сложил листочки, на которых было зафиксировано расписание прибытий,

в конверт. Конверт запихал в специальный ящик. Снял с крючка плащ. Ирландец задумчиво наблюдал за ним, прислонившись к полкам и сложив руки на груди.

Внезапный спазм страха прошил тело Робо Боя. Неужели вычислили? Да нет, если бы это случилось, его бы давным-давно арестовали. Он принял свой обычный упрямый вид, который его мать называла поросячьей рожицей, и вышел наружу, под дождь. Но перед этим Робо Бой отпустил дверь так, чтобы она хлопнула за его спиной.

Он не оглянулся, будучи уверен, что Ирландец уже забыл о его скромной персоне. Робо Бой по опыту знал, что большинство людей не обращают на него внимания, считая непроходимым тупицей.

— Привет, Робо Бой, — услышал он чей-то приветливый голос.

С ним поравнялась Молли Герхард, кузина Лейстера. Девушка была в плаще с капюшоном, надетом поверх обычного наряда палеонтолога: рубашка, шорты цвета хаки, помятая шляпа.

— Мое имя Раймонд, — сухо отозвался он. — Я понятия не имею, почему все упорно называют меня этой дурацкой кличкой.

— Не обижайся, она тебе просто идет, вот и все.

А я хочу спросить твоего совета.

— Моего совета? Никто здесь не спрашивает моего совета.

— Все говорят, что тебя часто переводили с место на место. Поэтому ты лучше всех знаешь, как это делается. Кстати, ты слышал последнюю сплетню?

— Какую сплетню?

— Насчет Сэлли, Лейстера и Основного Проекта.

Робо Бой считал Молли не хуже и не лучше других. Легкомысленная болтушка, только и всего. Но даже ей он боялся показать свою заинтересованность в Основном Проекте. Поэтому Робо Бой глубоко вздохнул и, махнув рукой в сторону разбросанных в грязи палаток и подсобных помещений лагеря, спросил:

— Скажи на милость, что ты делаешь в этой дыре?

— Мне просто нравятся динозавры.

— Тогда ты попала не по адресу. Карнийский век — это...

Они подошли к палатке, где размещалась столовая. Собственно, туда Робо Бой и направлялся с самого начала.

— Слушай, — предложил он, — давай зайдем

внутрь, там все и обсудим.

— Хорошо, — лучезарно улыбнулась Молли и, тряхнув рыжими кудряшками, вошла первой. Робо Бой последовал за ней, косясь на ее ягодицы. Он подозревал, что она не носит бюстгальтер, но ее рубашка была слишком свободной, чтобы Робо Бой мог проверить свою догадку.

— Карнийский век — не место для любителей динозавров, — объяснял Робо Бой, прихлебывая чай. — Они очень редки, потому-то все так и сходят с ума от сегодняшней удачи. Основные обитатели здесь — архозавры[27] и синапсиды[28]. Они борются между собой за выживание, а ранние динозавры не представляют собой ничего серьезного. Но впоследствии случится забавная вещь: синапсиды получат сокрушительный удар в эволюционной лотерее, большинство видов вымрет окончательно и бесповоротно. Единственные, кто доживет до юрского периода, это млекопитающие, и то только потому, что займут нишу мелких животных. В ней они и застрянут до

---

[27] notes: 27

Архозавры — «правящие рептилии», наиболее обширная и многообразная группа пресмыкающихся мезозойской эры.

[28] notes: 28

Синапсиды — зверообразные ящеры, предположительно предки млекопитающих.

конца мезозоя и начала кайнозоя. Пока понятно?

Молли утвердительно кивнула.

— Прекрасно. Архозавры тоже начнут терять позиции, хотя крокодилы, например, будут чувствовать себя вполне неплохо. Но победителями выйдут динозавры. От триаса до мезозоя вся Земля будет принадлежать им. Однако важно осознавать, что динозавры — существа неконкурентоспособные.

— Как это?

— Они не завоевали свое место в борьбе с конкурирующими видами, стараясь приспособиться лучше, чем другие. Всего-навсего вулканические процессы, образовавшие Атлантический океан, изменили среду обитания так, что динозавры возвысились над своими соперниками. Им просто повезло.

Робо Бой самодовольно сложил руки на груди. Можно гордиться отличным представлением. Он отбарабанил весь этот бред на одном дыхании, без ошибок и даже с ноткой снисходительности в голосе. Его удивило, как внимательно слушала Молли.

И вдруг она неожиданно спросила:

— Как ты думаешь, а меня могут взять на такую работу, как у тебя? На складе? Ведь для нее не

требуется специальных знаний — знай управляй себе подъемником, верно?

— Нет, не верно. — Робо Бой даже не попытался скрыть раздражение. — Подъемники используются на том конце туннеля, там у них полно энергии, а здесь я таскаю все на себе.

Посылки приходили в виде тюков, привязанных к специальным щитам-поддонам. В этих поддонах он и измерял свою работу. Три поддона — легкий день, десять — надо звать на помощь.

— Гружу и разгружаю без всякой техники.

— Тяжко. И как же ты попал на эту должность?

— Перевелся.

Легко переходить с места на место, если ты усердный работник и готов вкалывать там, куда никто особо не стремится. Робо Бой старательно портил отношения со всеми окружающими, поэтому они и не расстраивались, когда он подавал заявление о переводе. Вот так Робо Бой вроде бы бесцельно перескакивал с одной станции на другую. А в итоге оказался здесь, в глубоком триасе, имея полный доступ ко всем прибывающим и отбывающим грузам и своей главной цели — временному туннелю.

— А как ты вообще начал работать в прошлом?

— Я получил степень магистра геологии. Есте-

ственно, с хорошими оценками. Написал работу, в которой сделал кое-какие предложения по достаточно важным вопросам. Начальству понравилось.

— Да, на это я не гожусь, — со вздохом признала Молли.

— Нет, наверное. Так что там по поводу Лейстера и Сэлли? — спросил Робо Бой, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. Он всем своим видом стремился показать, насколько мало его интересуют подобные проблемы.

Молли легкомысленно хихикнула.

— Их назначили руководителями экспедиции Основного Проекта. Вместе. Можешь вообразить себе, что из этого получится!

— С трудом... Подожди минутку! Это же проект третьего поколения!

— Их обоих продвигает Гриффин. Во всяком случае, он это предложил, а кто же ему откажет! Лейстер жил до 2034-го, поэтому ему придется перепрыгнуть в будущее. Бедняге будет нелегко: в своем времени у него много друзей-палеонтологов.

— Я представить не могу, как эти двое поладят друг с другом. Кстати, кого назначат главой экспедиции?

— Никого. Точнее — обоих. Один будет отвечать за лагерь, а второй — за исследования. К счастью для них, остальную часть группы составят недавние выпускники, такие зеленые, что даже не в курсе их дурацких взаимоотношений.

— Угу, — буркнул Робо Бой.

Про себя он удивился — откуда Молли так досконально знает всю подноготную этой истории. Вряд ли от вечно молчаливого Лейстера. Неужели у нее есть знакомые в администрации? Можно спросить напрямую, но это не будет соответствовало его образу туповатого зануды.

Через три дня, во вторник, состоялся праздник в честь окончания тренировок на выживание. Развели огонь, зажарили большого ринхозавра, пиво лилось рекой. Все уселись вокруг костра, хотя ночь и оставалась пока теплой. Лейстер поднялся, произнес коротенькую речь и представил всем собравшимся приехавшую с лекцией исследовательницу.

Сильвия Дэйвенпорт входила в число ученых третьего поколения. Она прибыла с Кольцевой станции, находившейся на сотни лет вперед. Сильвия встала, освещенная бликами огня, и начала рассказывать новичкам о метеоритной

теории вымирания[29]. Робо Бой, сидя поодаль, презрительно слушал.

Верхний триас был влажным и грязным. Особенно — тренировочный лагерь. Но Робо Бой не расстраивался. Где бы он ни работал, он все равно не покидал территории лагеря, исполняя привычную роль интенданта.

— Мы видим, — говорила Дэйвенпорт, — что во время События выжило количество динозавров достаточное, чтобы в течение следующего тысячелетия вновь заселить Землю. Но уже через десяток лет мы наблюдаем резкое сокращение числа особей, а еще через столетие они вымирают окончательно. Почему? Ведь другие животные адаптировались! Более того, адаптировались даже родственные динозаврам птицы! Почему того же не сделали наземные виды? Нелетающие динозавры смогли пережить самые тяжелые времена. Что же сгубило их позже?

Робо Бой подался вперед и прищурил глаза.

---

[29] notes: 29

В 1980 году Луис Альварес из Калифорнийского университета в Беркли выдвинул теорию о том, что 65 миллионов лет назад с нашей планетой столкнулся астероид диаметром 10 километров. Результатом столкновения стал катаклизм, уничтоживший почти все живые существа, населявшие Землю, в том числе и динозавров. Считают, что следы от удара этого метеорита находятся в районе полуострова Юкатан. Здесь обнаружен кратер Чикксулуб — самый большой ударный кратер, образовавшийся за последний миллиард лет.

Этот трюк он освоил еще в школе. Создавалось впечатление, что Робо Бой полностью поглощен лекцией и жадно впитывает каждое слово. На самом же деле его мысли бродили далеко отсюда.

Он «выключил» голос выступающей. Прямо за его спиной Лейстер бормотал что-то сидящей подле него женщине — словно повторял то, что сказала Дэйвенпорт. Робо Бой «выключил» его тоже и с наслаждением погрузился в уютный мир своих собственных мыслей.

Он презирал ученых за их болтливость, за то, что они легко перескакивают от предположения к предположению, спрашивают, обсуждают, фантазируют, в то время как истина лежит буквально у них под ногами — прочная, нерушимая, неизменная. Робо Бой никогда этого не понимал. Если бы он хотя бы на секунду допустил, что их несерьезный и полный соблазнов образ жизни может быть оправдан, из него улетучилась бы вся уверенность, оставив лишь растерянность и хаос. Подобные убеждения Робо Бой приобрел еще до своего третьего рождения в качестве полночного христианина. Теперь он привык относиться к ученым с иронией, общаться с ними, надев маску — маску недалекого и бесполезного человека, каким когда-то был на самом деле. Так его про-

шлая жизнь получила хоть какую-то ценность. Маскировка помогала двигаться к главной цели его новой жизни.

Робо Бой вспомнил момент, когда впервые услышал зов ангелов, а затем начал представлять себе, в каком месте и времени может находиться их лагерь. На самом деле, а не по расчетам его атеистических руководителей. Ориентируясь на собственные догадки, он прикинул, что они заброшены примерно на шесть тысяч лет в прошлое и сейчас находятся где-то посередине между Изгнанием из Рая и Великим Потопом. Географически лагерь лежал к востоку от Эдема, в бесплодной земле.

Как удивительно жить во времена патриархов!

Содом и Гоморра — все еще цветущие города. Великаны бродят по Земле. Где-то неподалеку Мафусаил наслаждается своей тысячелетней жизнью. Тубал-Каин открывает металлургию. Юный Ной, возможно, именно сейчас ищет свою будущую жену. Робо Бой чувствовал трепет при мысли о том, в какое время он попал, и благодарил Господа за этот дар и за обстоятельства, приведшие его сюда.

За то, что в жизни ему встретилась книга, а

в книге — единственная фраза, которая перевернула все его представления о мире. Книга называлась «Антихрист Дарвин», и купил он ее просто чтобы посмеяться, а фраза звучала так: «Если путешествия во времени — реальность, почему мы не нашли человеческих следов среди следов динозавров?»

Если путешествия во времени — реальность...

Ему никогда не приходило в голову сомневаться в официальной версии происхождения мира и человека — до того самого мгновения. А стоило усомниться, и — слой за слоем — заблуждения стали отваливаться, подобно луковой шелухе, пока весь мир не стал пустым и черным.

«... почему мы не нашли человеческих следов среди следов динозавров?»

Конечно! Он был слеп, как Павел по дороге в Дамаск, взгляд его метался по странице, жадно поглощая объяснения, ведущие сквозь лабиринт его собственного бессмысленного существования наружу, к свету.

К Богу.

До этого Робо Бой мало задумывался о Боге. Портрет седовласого старца, сидящего на троне среди облаков, висел над доской в воскресной школе, вот и все. Теперь же он осознал, что Бог

— это что-то более тонкое, сложное, какая-то вездесущая энергия, наполняющая сиянием сердце, душу, тело и делающая его нечувствительным к презрению и насмешкам. Робо Бой не спрашивал, почему любящий Господь создал фальшивые ископаемые, скрывая от людей истину. Он просто принял это как должное.

После перерождения Робо Бой метался от одной религиозной организации к другой, не находя в них ни самоотречения, ни религиозного рвения, к которым так стремился. И наконец наткнулся на глубоких креационистов с их идеей третьего рождения. Первый раз ты рождаешься физически, второй раз — во Христе и третий раз — как божий воин. Глубокие креационисты прекрасно осознавали, что защита христианства порой требует экстремальных методов, и шли на это сознательно, с открытыми глазами. Под их руководством Раймонд расстался со смехотворными идеями молитв на ночь и церкви по воскресеньям — обрядов, с которыми он рос и которые вели лишь к жалкому прозябанию. До знаменательного перерождения он был греховен и слаб, его постоянно влекло к женщинам. Теперь же, уверовав в необходимость праведной жизни, полной очищения и воздержания, Робо Бой чув-

ствовал себя совершенно другим человеком.

Вооруженный силой убеждений и сознанием собственной правоты, он не мог не осуждать неверующих, погрязших в собственных заблуждениях, скептицизме, дарвиновской ереси. Робо Бой хотел спасти их и собирался это сделать, несмотря на то, что за спасение пришлось бы отдать несколько человеческих жизней. Речь шла о судьбе всего мира, и погибли бы, в конце концов, лишь тела, а не души.

Дэйвенпорт закончила свое выступление. Кто-то зааплодировал, остальные подхватили. Робо Бой хлопал громче всех.

Следующий денек обещал быть горячим. Сначала Робо Бой отправлял в будущее подарок для Пекинского палеозоо-парка — детеныша хаджиразавра. Знаменитый доктор Ву лично привез группу неоперившихся выпускников, которые с восторгом поедали обеды из картонных коробочек и постоянно хихикали, ненадолго успокаиваясь под строгим взором руководителя. Оторвавшись на минуту от суматошной проверки и перепроверки экспедиционного снаряжения, прибежал Лейстер, пожал знаменитости руку и получил в ответ пару-тройку любезностей. Потом появился директор тренировочного лагеря, и все

трое принялись обсуждать заточенного в клетку детеныша. Практиканты, не дыша, выстроились позади и внимали речам небожителей.

Теропод был необыкновенно красив. Кожа цвета молодых листьев, испещренная золотистыми пятнышками, живые и настороженные желтые глаза. Места в клетке не хватало, и животному приходилось стоять не двигаясь. Но спокойствие его оказалось обманчивым: когда одна из практиканток необдуманно оперлась рукой о решетку, хаджирозавр чуть не отхватил ей пальцы. Девчонка отскочила назад под дружный смех товарищей.

Под клетку подвели металлические листы и погрузили ее во временной туннель. Китайская делегация аккуратно разместилась рядом. Робо Бой проверил имена по списку и рванул за рычаг.

Кабина исчезла.

Десять минут спустя зажужжал сигнал прибытия, и ему пришлось вытаскивать два поддона всевозможных припасов. Лейстер стоял рядом и разрывал свертки, проверяя содержимое. Туалетная бумага, картонные коробочки с едой, зубочистки, ружейные патроны, видеокамера с пультом управления, брезентовые мешки для во-

ды, порошковое мыло, крем-антисептик, ватные тампоны, банджо и пачка научных журналов. Ничего интересного или необычного. Но все должно быть пересчитано, зарегистрировано и аккуратно запаковано вновь.

В конце концов начали собираться участники экспедиции Основного Проекта. Они входили по двое-трое и, весело смеясь, бросались помогать Робо Бою с упаковкой. Некоторые приветствовали его по имени. Он отвечал сквозь зубы, как делал всегда, если не получалось просто промолчать. Робо Бой имел стойкую репутацию нелюбима, что помогало ему держать людей на расстоянии.

Это пригодилось. Никто не глядел на него, когда он, пакуя очередной сверток, уложил сверху маячок времени и крепко привязал его нейлоновым шнуром. Никто не заметил, как сильно Робо Бой нервничал.

Чужие руки с готовностью помогли ему задвинуть поддон в кабину. Робо Бой отступил назад, пробормотав:

— Ну, вот и все.

— Вперед, мои пираты! — завопил Лейстер и первым прыгнул в туннель. — Ричард Лейстер, глава и руководитель! — отрапортовал он.

Робо Бой проверил имена по списку, одного за

другим, по мере того, как участники заходили в кабину. Кто-то отпустил шутку по поводу задохнувшихся в телефонной будке, другой заметил, что здесь задохнуться все равно приятней, чем в животе у тираннозавра, остальные с готовностью засмеялись. Робо Бой старался не встречаться ни с кем глазами, боясь выдать себя.

— Все на борту, — объявил Лейстер. — Можете отправлять нас, Гридли[30].

— Минутку, — встревоженно произнес Робо Бой. — А где же Сэлли?

— Так она же не участвует в экспедиции!

— Как же не участвует, — раздражаясь, возразил Робо Бой, — если я вчера видел ее имя в списке?

— Планы изменились. Вместо нее едет Лидия Пелл. Робо Бой удивленно посмотрел на список, который он до сих пор держал в руке, и впервые за сегодняшний день осознал, что там действительно не было Сэлли. А Лидия Пелл была. Какое-то страшное чудо, самые настоящие происки дьявола!

Его охватил страх. Ловушка! Молли впарила ему ложную информацию, чтобы заставить дей-

---

[30] notes: 30

Герой одного из романов Э. Берроуза о Тарзане. Организовывал экспедицию в вымышленный мир внутри Земли — Пелюсидар.

ствовать так, как нужно ИМ! Теперь все понятно. Робо Бой поверил ей, сделал необдуманный шаг и будет схвачен. Через секунду сюда ворвутся люди Гриффина в униформе, и ему конец.

— Эй... Если у тебя все в порядке, то мы готовы, — осторожно напомнил Лейстер.

Робо Бой положил ладонь на рычаг, полностью сознавая всю бесполезность этого жеста. Потянул.

Кабина испарилась.

Робо Бой стоял в ожидании. Наступила невыносимая, оглушительная тишина. Он надеялся, что арестовывать его придет пожилой Ирландец. Ходили слухи, что молодой отличается более крутым нравом. Поговаривали даже, что он переломал кому-то все кости.

Но шло время, а никто не появлялся. У Робо Боя забрезжила робкая надежда, что изменение в списке было не ловушкой, а непредвиденным и несчастливым для него стечением обстоятельств, заскоком бюрократической машины Гриффина. Это значило — и он с трудом мог поверить в случившееся, — что задание все-таки выполнено! Да, он упустил Сэлли, но зато имел в плюсе Лейстера и одиннадцать остальных. И это не сможет не вызвать последствий там, вдали, в его родном

времени. Такое невозможно скрыть! Даже если они (под словом «они» Робо Бой обычно подозревал ученых) попытаются замолчать случившееся, начнут просачиваться слухи. С Божьей помощью его братья смогут выставить дарвинистов с их путешествиями во времени дьявольскими прихвостнями и лжецами, коими они на самом деле и являются.

Робо Бой нанес удар во имя Бога. Теперь они могут арестовать его, пытать, даже убить, и это не будет иметь ни малейшего значения. Робо Бой станет мучеником во имя веры. Небеса, которые раньше не приняли бы такого грешника, распахнутся. Он спасен.

Робо Бой, тяжело дыша, привалился к стене.

Вскоре за окном раздался восхищенный свист.

— О, бэби, — радостно крикнул кто-то, — ты ли это? Я балдею!

— А что тебе еще остается делать? — кокетливо отозвался женский голос, и на склад влетела Сэлли. Она оделась в красное шелковое платье, волосы тщательно уложены в высокую прическу. Серебряные сережки в виде зубов тираннозавра покачивались в такт ее шагам.

— Я отправляюсь на станцию Ксанаду помогать Гриффину вытрясать денежки из богатеев, — про-

возгласила она, предъявляя пропуск. — Заводи свою машину, и вперед!

Сердце Робо Боя все еще стучало, как паровой молот. Однако он состроил свою обычную поросячью рожицу и проверил пропуск неторопливо, тщательно. Играть так играть.

— Я-то думал, вы участвуете в экспедиции Основного Проекта, — сказал он.

— Должна была, но планы поменялись, — беззаботно ответила Сэлли. Она ступила в кабину, дверь за ней хлопнула. Робо Бой автоматически проверил коды авторизации, идентифицировал внешность и в который раз за сегодняшний день потянул за рычаг.

Буквально через тридцать секунд Сэлли вновь влетела в комнату. Она оказалась на добрых двадцать лет старше, и в углу ее рта Робо Бой заметил маленький шрам в виде полумесяца.

— Эй, — возмутился он, — вам нельзя здесь находиться! Это против правил!

— А ты так печешься о соблюдении правил, да, маленький мерзавец? — прошипела женщина. Ее глаза сверкали яростью.

Робо Бой, не в силах справиться со страхом, отшатнулся.

— Двадцать лет назад я, юная и полная сил,

вместе с Ричардом Лейстером возглавила первый вариант экспедиции Основного Проекта. Мы выполняли не очень трудное, но невероятно важное задание. Попав в последнее тысячелетие мелового периода, мы должны были составить карты, сделать записи и собрать образцы. Состояние атмосферы, средняя температура, характерные виды животных и так далее. Затем нам надо было перескочить на миллион лет назад и повторить там то же самое. Семь недель в маастрихтском веке, пять — в кампанском. Я случайно не утомила тебя, Робо Бой?

— Я... Я слышал об этом...

— Ни секунды не сомневаюсь. Но вот беда — в наших вещах оказалось взрывное устройство. Несколько человек погибли. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Я вас не понимаю!

Губы Сэлли презрительно изогнулись.

— Да? Я почему-то так и предполагала!

Она резко повернулась на каблуках, влетела во временной туннель и, оказавшись в кабине, захлопнула за собой дверь.

— Вы никуда не поедете! Я сейчас же звоню Гриффину! У вас будут большие неприятности!

Женщина вынула из сумочки пластиковую

карту и приложила к стенке кабины.

— Прощай, Робо Бой, мелкий подонок, — с ненавистью произнесла она.

Кабина унеслась, и вместе с ней — Сэлли.

Первое правило, которое Робо Бой узнал, обучаясь управлять временным туннелем, гласило, что ни при каких обстоятельствах кабина не отправится в прошлое или будущее, пока он не нажмет на рычаг. Ему никогда не приходило в голову, что это может оказаться неправдой.

Выходит, может. Некоторое время Робо Бой стоял неподвижно, обдумывая случившееся. Но так и не нашел ответа.

Необходимо продолжать игру в ученого. Он должен подражать манере речи, поведению и даже образу мышления своих врагов и быть все время настороже. Он — воин. Он — трижды рожденный. Не зря его тренировали.

Раймонд Бойз. А девчонки всегда звали его Робо Бой. Он никогда не понимал — почему.

8
ЧЕРТОВ РУЧЕЙ

Холмы затерянной экспедиции: мезозойская эра, меловой период, сенонская эпоха, маастрихтский век. 65 млн. лет до н. э.

Возбужденно вопя, они вынырнули из временной дыры в солнечный день, под ярко-голубое небо. Группу высадили на небольшой холм над бойким извилистым ручьем, который тут же решили назвать Чертовым.

Лейстер пошептался с Лидией Пелл, и они решили дать ребятам порезвиться, прежде чем приступить к работе. Ведь вчерашние студенты впервые были в прошлом одни, совершенно самостоятельно, без преподавателей. Нужно время, чтобы они могли рассмотреть все кругом, показать друг другу стада титанозавров, солидно бредущих через долину по одним им известному маршруту, надышаться ароматным воздухом, походить на руках, заглянуть под коряги и перевернуть парочку камней — просто чтобы посмотреть, что там, под ними.

Потом, когда Пелл решила, что они уже доста-

точно выпустили пар, Лейстер сказал:

— Ну все, давайте-ка распаковывать вещи.

И продолжил, указав на каменистый утес над Чертовым ручьем:

— Вот здесь мы поставим палатки.

Все бросились работать. Джамал достал из первого свертка пусковую установку.

— Когда мы запустим картографический спутник?

— Да хоть сейчас! — отозвался Лейстер. Он мысленно провел пальцем по списку участников экспедиции, вспоминая, кто обладает необходимыми знаниями. — Ты и Лай-Цзу отнесете его на безопасное расстояние, а Нильс может дотащить пусковое устройство.

— А кто нажмет на кнопку?

— Сыграйте в камень-ножницы-бумагу, — ухмыльнулся Лейстер.

Двадцать минут спустя спутник поднялся в небо. Все бросили работу и наблюдали за мерцающей булавочной головкой, ввинтившейся в небо и оставившей после себя дымный хвост.

— Только что вы запустили летательный аппарат, — раздался вдруг чересчур громкий размеренный голос. — Его электромагнитное излучение уловил детектор, присоединенный к

этой записи.

Лейстер обернулся в недоумении. — Что?

— Через шестьдесят секунд взрывное устройство уничтожит маячок времени. Во избежание несчастного случая просьба не приближаться.

Голос принадлежал Робо Бою.

Мистическое появление человека, который должен был находиться в миллионах лет отсюда, на миг парализовало Лейстера. Остолбенев, он следил, как Лидия Пелл терьером вцепилась в один из свертков, расшвыривая коробки и упаковки, пока не выдернула маячок времени.

— У вас осталось пятьдесят секунд.

Голос доносился из маячка. В руках Пелл появился армейский нож, лезвие воткнулось в шов на корпусе прибора, корпус открылся.

— У вас сорок секунд.

Верхняя половина маячка отлетела в сторону. Лидия копалась в нижней части. На взгляд Лейстера все содержимое устройства выглядело одинаково: чипы, транзисторы, разноцветные проводки. Но Лидия Пелл явно знала, что ищет. Лейстер вспомнил, что перед тем, как получить ученую степень, Лидия служила офицером флота. Интересно, она участвовала в подрывных работах?

— У вас тридцать секунд. Пожалуйста, отнеситесь к предупреждению серьезно.

Лидия вырвала что-то из недр маячка, нижняя часть полетела на землю. Пелл повернулась к остальным спиной и крикнула:

— Ложитесь! Я бросаю...

— У вас двадцать секунд, — провозгласило устройство. И взорвалось у Лидии в руках.

Джиллиан что-то говорила, но Лейстер не понимал ни слова. После взрыва в голове стоял оглушительный звон.

Он первым добежал до тела Лидии Пелл.

Самое ужасное, что она не погибла. Одну руку разорвало в клочья, другая висела на остатках мышц. Лицо серое, в алых кровяных капельках. Обрывки блузки быстро налились багровым. Но она была жива.

Лейстер рванул с себя ремень и закрутил его вокруг руки Лидии повыше торчащей кости. «Меня замучают кошмары, — думал он, изо всех сил затягивая ремень, — я никогда не забуду эту картину». Джиллиан присела на корточки с другой стороны и накладывала повязку на то, что осталось от второй руки.

Осколки бомбы впились в лицо Лидии. Один, побольше, проделал дыру в щеке; чуть повыше

— и женщина лишилась бы глаза. Далджит опустилась на колени за головой Лидии и начала аккуратно удалять осколки пинцетом.

«Спокойно, — уговаривал себя Лейстер. — Вспоминай, что надо делать. Она наверняка контужена. В шоке. Надо держать ее в тепле. Поднять повыше ноги. Проверить, есть ли другие травмы. Не паникуй».

На то, чтобы остановить кровотечение, ушло немало времени, но в конце концов им это удалось. Потом они поудобней уложили голову Лидии и подняли ей ноги, промыли и перевязали мелкие раны. Соорудили носилки, бережно переложили ее и отнесли в палатку.

К тому времени как Лейстер начал слышать, все возможное было уже сделано.

Сеял мелкий дождик.

Лейстер карабкался на вершину холма, к следам дромеозавра. Лай-Цзу пыхтела рядом. Сначала они обсуждали скудость местной фауны и тот факт, что после ухода титанозавров они не видят никаких ящеров вообще. Когда же Дымная лощина осталась позади и они решили, что их никто не подслушает, то перешли на более серьезные темы.

— Маячок времени можно починить? — спро-

сил Лейстер.

— Бог его знает, — мрачно отозвалась Лай-Цзу.

— Только ты здесь имеешь хоть какие-то познания в электронике.

— Вот именно, что какие-то! Я развинтила на части несколько компьютеров, спаяла парочку материнских плат, предложила несколько новых схем. Этого страшно мало для того, чтобы отремонтировать прибор, созданный в далеком будущем. В смысле — в нашем настоящем. В третьем тысячелетии.

— Ты имеешь в виду... Только не говори мне, что починить его невозможно.

— Говорю, что я не умею. Конечно, я постараюсь изо всех сил, но Пелл вырывала детали с мясом, спеша добраться до взрывного устройства. Даже если я восстановлю его, это займет чертову уйму времени.

— Слушай, — сказал Лейстер. — Если кто-нибудь из наших будет спрашивать, говори, что все в порядке, что починка займет неделю-две. В крайнем случае — месяц. Я не хочу, чтобы все зациклились на мысли, что мы застряли навсегда. Настроения в команде и так самые плачевные.

Лай-Цзу издала короткий звук, что-то среднее между смешком и фырканьем.

— Да уж, хуже некуда! Все готовы друг другу глотки перегрызть. Нильс и Чак чуть не подрались сегодня утром из-за того, чья очередь идти к ручью мыть посуду. Джиллиан не разговаривает с Тамарой, Мэтью не разговаривает с Кати, а Далджит не разговаривает ни с кем. И, конечно, Джамал — он уже всех достал. Единственные, кто еще сохраняет спокойствие, это мы с тобой. И то насчет тебя я уже сомневаюсь.

Она подождала, затем добавила упавшим голосом:

— Эй, это была шутка. Ты бы хоть из вежливости посмеялся.

— Я все думаю о Лидии, — грустно отозвался Лейстер. — Если б она хоть не стонала так. Если бы не кричала. На нее уходит весь наш морфий, хотя это не очень-то помогает. Порой я думаю, что для нас всех было бы лучше, если б она...

Некоторое время они шли молча. Потом Лай-Цзу сказала:

— Скажи мне кое-что, Ричард. Мы не выберемся отсюда?

Лейстер надул щеки и с шумом выдохнул.

— Ну, если ты не починишь маячок и никто не придет нам на помощь... то... да.

— А каковы шансы, что кто-нибудь нас спасет?

— Если бы они могли нас спасти, то уже сделали бы это. Вынырнули бы здесь в тот момент, когда еще и дым бы от взрыва не рассеялся. Лидия бы оказалась в больнице, с пришитой рукой, и врачи колдовали бы над тем, как вырастить ей вторую.

— А! — отозвалась Лай-Цзу и замолчала. Они дошли до развилки.

— Здесь мы расходимся, — сказала девушка. — Вон там, к востоку, растет дерево гингко, на котором полно плодов. Я наберу полный рюкзак к тому времени, как ты вернешься, и ты поможешь мне их почистить.

— Гляди в оба, здесь могут быть дромеозавры.

— Ерунда! Ты бы видел, как я умею лазить по деревьям.

— Дроми, к сожалению, тоже. И достаточно неплохо.

Лай-Цзу отмахнулась.

— Передавай привет землеройкам.

Лейстер рассеянно карабкался дальше, на самый верх Лысого холма. Он нес с собой съедобные растения, собранные за день, чтобы рассыпать их перед норами зверьков с латинским именем Purgatorius. Правда, все звали зверей просто землеройками. На самом деле это были древние млекопитающие, никакого отношения к земле-

ройкам не имеющие, но очень похожие на них внешне. Несмотря на то что их зубы напоминали зубы насекомоядных, поедали пургаториусы почти все, что им приносили.

Каждый день Лейстер ходил из Дымной лощины к Лысому холму, чтобы высыпать перед любимым деревом зверьков новую порцию корешков, грибов и ягод. Землеройки оказались единственными животными в мезозое, метаболизм которых хоть как-то напоминал человеческий. Поэтому Лейстер считал, что все, от чего не откажутся зверьки, вполне подойдет и людям.

С чем проблем не возникало, так это с мясом. Ребята ловили лягушек, черепах, рыбу, собирали пресноводных моллюсков, пару раз даже заарканили довольно крупных ящериц. В чем они будут нуждаться больше всего после того, как запасы подойдут к концу, так это в зелени и фруктах.

Красный гриб землеройки съели, то же случилось и с четырьмя принесенными вчера клубнями. А вот пятый валялся нетронутым. Лейстер мысленно сделал заметку — не собирать таких в будущем.

Палеонтолог высыпал под дерево очередные подношения, повернулся и оглядел долину.

Чертов ручей стальной полоской просвечивал сквозь завесу дождя, он неторопливо бежал по направлению к реке Стикс. Берега ее, еще недавно догола вытоптанные стадами титанозавров, вновь поросли папоротниками и травами. В здешней жаре все вырастало буквально за ночь, можно бросить в землю камешек и с утра найти на его месте булыжник.

Даже сквозь пелену дождя долина казалась прекрасной, было в ней что-то неповторимое, привлекающее взгляд.

Лейстер никогда не чувствовал одиночества. Ему пришло в голову, что, если бы не остальные, он бы ощущал себя здесь абсолютно счастливым. Или скорее если бы не его ответственность за остальных. Палеонтолог вспомнил случившуюся несколько дней назад ссору с Джамалом. Тот без всякого предупреждения решил строить бревенчатую хижину так, как учили их в тренировочном лагере. Ни с кем не посоветовавшись, он начал рубить деревья.

— Не велики ли дрова? — поинтересовался тогда Лейстер.

— Это не дрова, это для дома, — раздраженно ответил Джамал. — Неизвестно, когда мы отсюда выберемся, надо же где-то жить.

— Да, но не рановато ли? Что сейчас более необходимо, так это туалет и корзины для продуктов. А еще надо найти растения, из которых можно будет изготовить ткани. Я думаю, что ты должен...

Джамал в гневе отшвырнул топор.

— Кто дал тебе право решать, что я должен?! — закричал он. — Это больше не научная экспедиция, это вопрос жизни и смерти! Почему мы должны выслушивать твои приказы?! Просто потому, что ты на пару лет старше?

— Это не приказы. Это здравый смысл.

— Чей смысл? Твой? А мой говорит совсем другое! Я считаю, что нам срочно необходим дом, и собираюсь его построить.

— В одиночку? Вряд ли удастся. Ты можешь срубить бревна, но кто поможет тебе сложить из них стены? — поинтересовался Лейстер. — Раскрой глаза, Джамал, только вместе мы сможем что-нибудь сделать. Весь этот детский эгоизм и упрямство совершенно ни к чему.

— Ты считаешь мой поступок детским?

— Это не я считаю, это так и есть.

— Эй, эй, чего вы не поделили? — спросил подошедший Чак.

— Чак, — оживился Джамал, — ты ведь не откажешься помочь в постройке дома?

— Нет, конечно. Что за вопрос?

— Но у нас есть более важные дела, — вновь запротестовал Лейстер. — У нас...

Он осекся. Чак смотрел на него как на пустое место. Усталый и раздраженный Лейстер махнул рукой и сказал со злостью:

— Хорошо, хорошо! Делайте что хотите! Что мне, в самом деле, больше всех нужно?

Лейстер повернулся и ушел. Уже тогда он понимал, что совершил ошибку.

С того момента команда раскололась на два лагеря. Вернее — на три, если считать Далджит и Мэтью, которые ухаживали за умирающей Лидией и мало интересовались охватившими экспедицию дрязгами. Джамал, Кати, Джиллиан, Патрик и Чак образовали группу строителей, Лейстер, Тамара, Лай-Цзу и Нильс — собирателей еды.

Растущая напряженность пугала Лейстера. Тем более что он оказался главой одной из групп — кстати, меньшей, — и не знал, как уладить дело миром. Ситуация была совершенно дурацкой.

Лейстер вздохнул, невидящим взглядом уставился в даль и простоял так какое-то время, ни о чем не думая. Странное чувство охватило его. Какая-то восторженная дрожь, он показался себе

ребенком, который воскресным днем в церкви ощутил за плечами присутствие Бога.

Лейстер медленно обернулся и похолодел.

На самой вершине холма стоял тираннозавр.

Он закрывал собою небо.

Шкура чудовища была зеленой с золотом, как будто солнечный луч пробивался сквозь молодую листву. Это в сочетании с его неподвижностью и рассеянным состоянием Лейстера и привело к тому, что тот не сразу заметил появление зверя.

«О черт!» — беззвучно произнес Лейстер.

Как будто услышав, тираннозавр медленно повернул массивную голову. Маленькие злобные глазки уставились на Лейстера. Несколько секунд, показавшихся ученому бесконечными, они внимательно изучали его.

Затем, надменно и презрительно, динозавр отвернулся и вновь уставился в долину.

Лейстер не двигался, потрясенный. Бесчисленное множество раз стоял он в музеях перед скелетами тираннозавров и представлял, каково это — стать жертвой подобного чудища. Он рисовал в своем воображении стремительную атаку зверя, гигантскую башку, наклоняющуюся, чтобы с хрустом перекусить его надвое, чувствовал, как трещат кости под невероятных размеров зубами.

Действительность оказалась в тысячу раз страшнее самых смелых его фантазий.

Лейстер переводил взгляд от зубастой морды, парящей над ним в высоте, на огромные когтистые лапы. Весь мир расстилался перед чудовищем, будто оно являлось венцом и смыслом творения. Все вокруг существовало лишь для его удобства и удовольствия. Долина покорно обращала к нему свое лицо, как бы ожидая приговора. Тираннозавр держал мир в своих челюстях.

Лейстер не мог с уверенностью сказать, к какому полу принадлежит животное, но, вспомнив свой первый скелет тираннозавра, абсолютно ненаучно решил, что первый встретившийся ему живой экземпляр тоже является самцом.

Спокойствие зверя внушало ужас, это было спокойствие убийцы, не знающего ни жалости, ни сомнений. Ящер, спокойный как буддист, смерть и дитя смерти, воплощал одновременно суд и приговор. Он стоял здесь, и ему это нравилось.

Это был его мир, бесконечный и безвременный. Тираннозавр не позволил бы ему измениться. Сейчас и навечно он являлся его королем.

Как можно тише Лейстер пополз в сторону. Если тираннозавр и заметил его маневр, то не подал виду. Глаза оставались безучастными,

голова — неподвижной. Лишь, пульсируя, двигалось горло.

Лейстер отползал все ниже. Вот уже верхушки деревьев закрыли чудовище, вот не видна и вершина холма. Он повернулся и, постоянно оглядываясь через плечо, понесся вниз по склону. Только у подножия палеонтолог смог перевести дух.

Он видел Tyrannosaurus rex! И все еще жив!

Будь животное голодно, без сомнения, получилась бы совсем другая история. Теперь же Лейстера переполнял странный кровожадный восторг. Ему хотелось петь от счастья, хотя остатки разума подсказывали: самое умное, что можно сейчас сделать, — это оставить несколько десятков миль между собой и новым «товарищем».

Придется ли им теперь избегать Лысого холма? Вопрос, конечно, интересный. Динозавры не обладают таким количеством желез, как млекопитающие, но, несомненно, имеют свой запах — сухой и едкий, этакую смесь ароматов жабы и корицы. Будь вершина холма постоянным местом пребывания тираннозавра, Лейстер учуял бы его еще несколько дней назад. Запаха не было, следовательно, перед ним предстал пришелец. Но осторожность все же не помешает. Хозяину

долины может понравиться удобное место, и тогда он начнет появляться здесь регулярно. Теперь Лейстеру придется некоторое время ходить по другому маршруту, так, чтобы он мог заметить зверя до того, как они окажутся слишком близко друг от друга. Лучше всего, конечно, будет две-три недели избегать Лысого холма. После этого запах или его отсутствие покажут, как складываются дела.

Палеонтолог поспешил домой, чтобы поделиться новостью с остальными. Теперь все должны соблюдать меры предосторожности. И, кстати, придется искать новую колонию землероек.

Когда Лейстер ворвался в лагерь, мурлыча под нос «Оду к радости», там никого не оказалось. Выстроенные двумя линиями палатки были тихи и беззвучны. Одинокая стрекоза пролетела мимо. Вдалеке пронесся тоскливый хохот какого-то животного и замер, сделав тишину абсолютной. Вдоль лагеря тянулся ряд магнолий, в воздухе висел сладкий тяжелый запах.

— Ау! — неуверенно окликнул Лейстер.

С резким хлопком отворился вход одной из палаток, и навстречу ему вылетела Далджит. Рыдая, она бросилась к Лейстеру и уткнулась лицом в его плечо.

— Ричард! Лидия умерла!

— Мы сделали все, что смогли, — пробормотал он в ответ, неуклюже обняв девушку и гладя ее, как ребенка, по голове.

— Она б-была героиней, она всех нас спасла! К-когда я услышала запись, я просто с-стояла и хлопала глазами! Я н-ничего не сделала!

— Ну хватит, хватит, — успокаивал ее Лейстер. — Никто ничего не сделал. Наверное, это легче — воображать, что бы мы могли сделать, вместо того, чтобы осознать, что сделала она.

Он понимал, что его слова звучат напыщенно, но ничего умнее придумать не смог.

— З-знаешь, что самое страшное? Если бы Робо Бой б-был более опытным террористом, она б-была бы жива! Подонок! Если б-бы у нее б-были эти двадцать секунд!..

— Ну перестань.

— Мне не было так плохо с тех пор, как м-моя мама умерла, — плакала Далджит. — Мне кажется, я буду рыдать целыми днями, как тогда...

Она выпрямилась. Ее лицо покраснело и распухло. Слезы прекратились, но под глазами залегли круги, девушка выглядела измученной и истощенной. Мэтью и Далджит нелегко дались эти несколько дней. Они единственные в лагере

имели познания в медицине, но только сейчас до Лейстера дошло, что столь тяжкую ношу можно было разделить более честно.

— Я разбужу Мэтью, — сказала Далджит. — Он отдыхает. Ты скажешь остальным?

— Конечно. Где они?

— Кто не ушел на поиски еды, те с Джамалом строят дом. Надо как-то прекратить это идиотское противостояние, — вдруг без всякого перехода заявила она.

— Я знаю.

— Это глупо.

— Согласен.

— Хватит стоять тут и тупо соглашаться со мной! Сделай что-нибудь! Ведь можно же как-то... Я сейчас опять заплачу. Иди! Беги!

Всхлипывая, она кинулась к палатке Мэтью и исчезла внутри. Поколебавшись, Лейстер вошел в соседнюю. Постоял, пока глаза не привыкли к темноте, и приблизился к кровати, на которой лежала Лидия. Вокруг ее головы кружили две мухи. Одна попыталась сесть, он согнал ее.

После смерти лицо Лидии стало серьезным и спокойным. Тем лицом, которое все они так хорошо знали и любили. Простое, круглощекое, оно могло быть необыкновенно подвижным,

выражая то радость, то удивление. Лейстер как сейчас видел ее, поднявшую глаза от неизменного вязанья и всем своим видом говорившую: «Ну, можете вы это представить?» А потом: «Что за люди...»

— Уйди, муха, — рассеянно прошептал Лейстер. — Уйди. В течение последних десяти дней это лицо искажала боль.

Лейстер был рад, что оно вернуло свой прежний вид. Еще больше он обрадовался тому, что Далджит закрыла Лидии глаза, и ему не пришлось встретиться с взглядом с той стороны жизни.

— Прощай, Лидди, — ласково сказал он. — Видит Бог, я хотел, чтобы ты была с нами. Ты бы гораздо лучше управилась с этой бандой, чем я. Мне тебя не хватает. Но по крайней мере я рад, что тебе уже не больно.

Одна из мух села и начала прохаживаться между носом и губами Лидии. Лейстер поднял руку, чтобы согнать насекомое, и вдруг осознал, что это не имеет смысла. Лидия умерла. Ей теперь все равно, что будет с лежащим здесь телом.

— Я соберу их вместе, я обещаю. Не знаю как, но я сделаю это.

Лейстер вытер глаза и вышел.

В одиночку Лейстер брел вверх по Дымной

лощине к месту нового лагеря. Растительность вокруг становилась гуще, магнолии уступали место кедрам. Молоденькие деревца росли достаточно близко друг к другу, чтобы служить естественным барьером для крупных динозавров. Несмотря на это, имело бы смысл соорудить забор из заостренных бревен для защиты от хищников поменьше. А может быть, посадить тут терновник? Он вздохнул. Впереди столько дел! Вероятно, им придется прожить здесь всю жизнь, а это вам не месячная экспедиция.

Палеонтолог подошел к вырубке вокруг дома. Тоненькая струйка дыма поднималась ввысь над костерком, который колонисты поддерживали постоянно, чтобы сэкономить неуклонно тающий запас спичек.

— Эй! — позвал Лейстер. — Есть здесь кто-нибудь?

Джамал радостно помахал ему рукой откуда-то сверху.

Голову он повязал носовым платком.

— Мы заканчиваем крышу! — закричал Джамал. — Я как раз устанавливал спутниковую антенну! Поднимайся и погляди! Остальные пошли за листьями.

При всех своих недостатках Джамал оказался

прекрасным организатором. Его группа работала четко и слаженно. Хижина была почти готова, крытая пальмовыми листьями крыша выглядела надежной защитой от дождя, и, глядя на новое жилище, Лейстер наконец-то осознал — они застряли здесь на веки вечные. К добру ли, к худу — это теперь их дом.

Лейстер снял очки, вытер лицо рукавом и надел их снова.

— Спускайся! — крикнул он Джамалу. — Мне надо кое-что тебе сказать!

Джамал шагнул на самый край крыши и глянул на Лейстера сверху вниз. — Что?

— Это лучше сообщить с глазу на глаз, — сказал Лейстер. — Честно.

Озадаченный Джамал нагнулся и взялся за один из столбов каркаса. В это время дождь полил сильнее, и, спасаясь от струй, Лейстер быстро шагнул в недостроенный дом. Небеса разверзлись, дождь хлынул как из ведра, но внутри оказалось сухо. Команда Джамала хорошо знала свое дело.

Затрещали сухие листья, раздался глухой стук — Джамал спрыгнул с крестовины. Моментальный восторг, который он испытал, увидев Лейстера сверху, прошел, его лицо было измученным и угрюмым.

— Ну, — недоверчиво спросил он. — В чем дело?

9
СЛЕДЫ

Вашингтон, округ Колумбия: кайнозойская эра, четвертичный период, эпоха голоцена, современный век. 2045 год н. э.

Они вскрыли бумаги в конференц-зале, точной копии всех конференц-залов, когда-либо виденных Молли Герхард.

Люди Гриффина получили разрешение работать в здании Эдгара Гувера на авеню Конституции. Выделенные им офисы были неудобны, их явно не хватало, но даже эту площадь с трудом выбили у министерства торговли. Кто-то откровенно хотел держать Гриффина подальше от Пентагона и реального руководства путешествиями во времени. Для того чтобы воспользоваться конференц-залом, пришлось получить специальное разрешение отдела экспорта. Пришлось повозиться, но только там висела новая шикарная японская доска, которая была совершенно необходима для сегодняшнего совещания.

— Особо ни на что не надейся, — предупредил Том Наварро. — Материал у нас хлипковат.

— Не так уж и хлипковат. Держу пари, они это проглотят, — возразила Молли Герхард, раскладывая документы в строго хронологическом порядке: от свидетельства о рождении Робо Боя — в левом верхнем углу, до своего отчета — в правом нижнем. Это напомнило ей, как Лейстер однажды, будучи в добром расположении духа, показал ей ископаемые останки птерозавра, застывшие в илистом дне неглубокого озера. На взгляд Молли, это была всего лишь кучка бесформенных обломков, но ученый решил продемонстрировать ей, как работали палеонтологи до наступления эры путешествий во времени и сколько может рассказать даже самый маленький отпечаток. Он показал ей, где животное, плавая в мелкой воде, задевало лапами дно, оставляя параллельные полоски. Небольшие ямки были отпечатками клюва, разрывающего илистое дно в поисках беспозвоночных. Как живых представила она себе птерозавров: маленьких, не больше утки, кувыркающихся в теплой воде, ныряющих за добычей, дерущихся друг с другом из-за удобного места. Лейстер потратил не меньше часа на объяснения, но за этот час он умудрился воссоздать целый мир.

Сегодня подошла очередь Молли творить

миры, и тут, на своем поле, она была столь же компетентна, как Лейстер или его коллеги — на своем. Имея необходимые документы, она могла реконструировать целую жизнь, вытащить на свет самые потайные секреты. Для кого-то эти бумажки были не более чем обломками в грязи, для нее — бесценными ископаемыми.

В комнату вошел Гриффин. За ним Джимми Бойли и Эми Чо в кильватере. Непонятным образом остальные при Гриффине всегда походили на его свиту. Он придержал дверь и пропустил Эми вперед, затем помог ей сесть. Ни он, ни Бойли садиться не стали.

— Ну что, — заявил Гриффин. — Поразите меня. Молли начала со свидетельства о рождении.

— Раймонд Лоуренс Бойз. Родился 14 февраля 2019 года, в 9 ч. 17 мин. в Экронской городской больнице, Экрон, штат Огайо. Отец: Чарльз Раймонд Бойз. Мать: Люсинда Вильяме Бойз, урожденная Финли.

Она подошла к доске, нарисовала длинную линию и в начале ее поставила дату: «14. 02. 19».

— Типичное детство ребенка из пригорода. Катался на газонокосилке, посещал местный бассейн.

Затем наступила очередь школьных докумен-

тов. Зачитывая их один за другим, Молли делала отметки на линии времени. За каждой бумагой стояли свои, глубоко спрятанные события. Если же событие не оставило следа, ничего не поделаешь, оно утеряно. Приходилось работать с тем, что есть.

— Обратите внимание на отметки. Мальчик отнюдь не глуп.

— Проблемы с поведением? — спросил Гриффин.

— Небольшие. Ничего примечательного. Теперь посмотрим сюда. Старшие классы. Пришла юность, и отметки резко ухудшились. Он проваливает предмет за предметом, не интересуется общественной работой. Это тянется до выпускного класса, когда парень наконец соображает, что для поступления в колледж нужно нормально окончить школу. В панике он берется за ум. Осенью 2036-го поступает в университет штата Иллинойс.

— Сумел, значит, собраться.

— С первого же семестра за ним тянутся сплошные хвосты. В конце года Раймонд понимает, что еще немного — и он вылетит. Не дожидаясь этого, переводится в Экронский университет.

— А они так легко берут отстающих студентов?

— Мать Раймонда работает химиком в местном научно-исследовательском институте полимерных материалов. Судя по всему, она замолвила за него словечко.

— Ах вот как.

— Его оценки и там оставляют желать лучшего. Пару раз Раймонда в нетрезвом состоянии задерживала полиция кампуса. Один раз — за то, что мочился на улице, второй — за то, что схватил за грудь симпатичную однокурсницу. Девица обиделась.

Несколько аккуратных отметок появилось на доске.

— Ни в одном из случаев не был оштрафован. Надеюсь, вы составили четкое представление о том, как наш Робо Бой выглядел в юности. Слабый. Бесхарактерный. Ни определенных целей, ни попыток чего-то добиться. Неплохие способности, но он даже не пытается их реализовать. Не вылетел только потому, что родители хорошо платили за обучение, и руководство университета закрывало глаза на недостатки. Однако все понимали, что диплом он не получит никогда. Парень медленно катился по наклонной плоскости. А теперь поглядите сюда.

Она повесила на доску увеличенную копию

очередного документа и показала на обведенные кружочком цифры.

— Невероятным образом нерадивый студент превращается в отличника. Высший балл по французскому! Я не представляю, как Раймонд умудрился добиться этого в рекордно короткий срок. Судя по всему, он должен был не спать ночами вообще. Откуда такая сила воли?

Молли нанесла на доску дату волшебного перерождения, но оставила перед ней достаточно пространства и поставила большой красный вопросительный знак.

— На свете не так много вещей, которые могут заставить человека переродиться. Армия. Женитьба. Вера.

— Он увидел Бога, — мягко произнесла Эми Чо. Она встала со стула и стукнула тростью, чтобы усилить впечатление от своих слов. — Он познал любовь и силу Господа.

— Совершенно верно. Вероятно, мы никогда не узнаем, что послужило причиной столь внезапной вспышки духовности. Однако она, несомненно, случилась, потому что в тот момент, когда улучшаются его отметки, Раймонд вступает в университетское религиозное общество. На шесть недель. Затем внезапно покидает его.

Эми Чо навалилась на стол и глядела на документ, будто это была религиозная святыня.

— Они были для него слишком миролюбивы! Некрепкий чаек — не более того. А мальчик горел священным огнем! Он жаждал служения, искал возможность показать все, на что способен, и даже больше. А они предлагали ему молитвенные собрания и проторенные пути.

Никто из присутствующих не сомневался, что Эми знает, о чем говорит.

— Тем летом Раймонд подрабатывал на мебельной фабрике, — продолжила Молли. — Никаких прогулов, никаких опозданий. В свободное время писал статьи для религиозного Интернет-журнала. Большинство из них уже не восстановишь, но одну пиратским манером поместил посторонний сайт, и она сохранилась. В ней Раймонд подсчитал, сколько воды потребовалось, чтобы покрыть всю Землю во время Великого Потопа, и сделал несколько предположений по поводу того, куда ушли излишки этой воды впоследствии. Статья резко отличается от других текстов на ту же тему, где авторы пытаются привязать библейские факты к современной науке. В конце Раймонд отмечает, что все его предположения не подтверждаются конкретными цифрами, и

делает вывод, что Господь сотворил чудо. Третий курс. Он поменял специализацию с английской литературы на геологию.

— Как глубоко к тому времени он вовлечен в круги креационистов?

— Раймонд все еще надеется дискредитировать официальную науку своими собственными силами и пока не связан с активистами из ранчо «Святой Спаситель». Мы можем судить об этом по тому, что он не присутствовал на похоронах отца.

Молли добавила на доске: «02. 14. 39».

— Нигде не зафиксировано, что он присутствовал, — поправил ее Том.

— Да, нигде не зафиксировано, что он присутствовал, — послушно повторила Молли. — Если бы ребята с ранчо уже заграбастали Бойза, то строго бы проследили, чтобы он посетил похороны и подписал соответствующие справки.

— Он все еще в пути, — прокомментировала Эми Чо. Она смотрела на документы с таким видом, как будто видела там что-то свое, другим недоступное. — Раймонд движется от традиционного креационизма к глубокому. И наконец находит братство трижды рожденных, где быстро понимают, как его можно использовать.

— Вы можете подтвердить это документально? — спросил Гриффин у Молли.

— Нет, конечно. Церковь отделена от государства. Религиозные организации не регистрируют списки своих членов. Эти чертовы фундаменталисты даже не подозревают, насколько они неорганизованны.

— Значит, в этой части ваш рассказ построен на догадках?

— Ну-у... В общем, да. Но вот тут, — она метнулась к следующей стопке документов, — тут есть чеки, и мы можем судить по почтовому адресу, что в течение выпускного курса оплаченные счета за обучение отправлялись из квартиры, находящейся неподалеку от университета. А не из дома матери Раймонда, как было ранее.

— Это значит...

— ... что она попросту выгнала его из дома. Он не особенно переживал — оказался слишком поглощен своим новым состоянием. Но вот интересный вопрос: откуда взялись эти деньги? Не от мамочки — в чеке указан собственный банковский счет Бойза. Заработать такую солидную сумму во время летних каникул Раймонд никак не мог. Более того: никаких подтверждений тому, что он где-то работал, мы не нашли вообще.

Молли поставила еще один красный вопросительный знак.

— Итак, где же он был тем летом? — сказала она.

— И где же?

— Мы знаем только одну хорошо обеспеченную группу, не так ли? — вновь вмешалась Эми Чо. — Огромное количество богатеев стремятся пролезть сквозь игольное ушко. Капиталистические львы, пока не поздно, пытаются лечь рядом с ягнятами. Нет, ранчо «Святой Спаситель» не испытывает недостатка в средствах.

— Это все? — осведомился Гриффин. — Подозрения, намеки и никаких доказательств?

— Но посмотрите, что вырисовывается, сэр! — Молли стремительно покрыла доску оставшимися датами и расставила среди них целый ряд темно-красных вопросительных знаков. — Провалы в жизни нашего мальчугана явно ведут к небезызвестному ранчо! Каждое лето, каждые праздники или каникулы он исчезает, не оставляя никаких следов. Вы представляете себе, как это трудно? Раймонд не пользуется кредитной картой. Не выписывает чеки. Где он и на что живет?

— Он в своем убежище, — взволнованно ска-

зала Эми Чо. — После девяти месяцев в утробе Великой Сатанинской Академии, где душа его в смертельной опасности, где он может проникнуться идеалами гуманизма и научного мышления. Первое, что должны делать на ранчо, это возносить благодарственные молитвы в честь его счастливого возвращения. Забивать упитанного тельца, а потом, напротив, устраивать пост. Представьте, как ужасно бедный мальчик чувствовал себя в университете, притворяясь дьявольским орудием, каковым, несомненно, является любой ученый. А после очищения и отдыха...

— ... несколько ребят, вероятно, должны были взять его на вылазки, побороться с Сатаной, — подхватил Джимми Бойли. — Например, пересчитать ребра парочке торговцев наркотиками, нескольким гомикам. Побить стекла в клинике, где делают аборты. Так, по мелочи, чтобы держать его в тонусе.

— Это, я полагаю, тоже не задокументировано, — подал голос Гриффин.

— Это то, что сделала бы я, работай с ним. То, что сделал бы любой, — вновь подала голос Молли.

Теперь она держала их всех. Всех, кроме Гриффина. К сожалению, она подходила к концу своего расследования и ступала на зыбкую почву. У

Молли не было допуска к документам о недавнем прошлом Робо Боя, о его жизни после вербовки в качестве участника Основного Проекта.

Она поставила жирную черту, перечеркнувшую линию времени.

— Вот здесь мы вербуем его. Иначе просто не получается. Он тщательно подготовлен. Обладает необходимыми нам знаниями. Отличный кандидат на работу в прошлом. Вы спрашиваете — что же дальше? Незаметный и тихий Раймонд Бойз получает серьезную, но неинтересную работу. (Это, собственно, и требуется руководителям ранчо.) Потом он переводится на Карнавальную станцию, где некоторое время трудится в качестве регистратора животных, а оттуда — на станцию Богемия, где заведует птичьей колонией. Далее следует станция Мьёлльнир[31] и работа по подготовке скелетов к выставкам. Тоскливое дело. Затем перевод на Основную станцию и препарирование различных видов динозавров. Еще тоскливее. Следующим номером идет станция Солнечная и должность техника. За ней — Тренировочная, где он и по сей день служит интендантом, получив доступ ко всем прибыва-

[31] notes: 31
Мьёлльнир — волшебный молот Тора, скандинавского бога грома

ющим грузам и непосредственно к временному туннелю. Много перемещений и много ненужных трудов. Но за два года личного времени они приводят Раймонда именно туда, где он стремился оказаться. А теперь — самое главное. — Молли набрала в грудь воздуха. — Сэр, мы просим разрешения...

Гриффин предостерегающе поднял руку.

— Не выйдет, — заявил он. — Ни одно официальное лицо не выдаст мне ордер на арест на основании столь расплывчатых доказательств.

— А мы и не просим ордер. Мы просим лишь разрешения провести соответствующее расследование. Пусть ФБР организует за ним слежку во время летних каникул, когда он скрывался неизвестно где. Мы уверены, что Раймонд Бойз и есть наш «крот». Я только прошу дать мне возможность это доказать.

— Боюсь, я этого не сделаю.

— Но почему?

— Потому что, согласно нашим записям, я этого не сделал. Джимми, если тебя не затруднит...

Пока Молли собирала бумаги, Бойли положил перед каждым из присутствующих по черной папке, затем, почти ритуально, помог Эми Чо устроиться на стуле.

Гриффин взял у Молли маркер и, стерев с доски ее записи, нарисовал новую линию времени.

— Вот два года и три месяца личного времени Робо Боя. За этот период он перепахал весь мезозой, но сейчас важно не это. Слева точка отсчета — момент его вербовки хорошо знакомой нам веселой бандой маленьких проказников. Справа — дата появления на станции Хиллтоп того законсервированного парня. Тубал-Каина, или как его там. Робо Бой так и не приблизился к нему. Мы организовали слежку, но что-то его спугнуло. А вот здесь, незадолго до его перевода на Хиллтоп, мы положили нашу вторую приманку: организовали экспедицию с участием Лейстера и Сэлли. В данный момент Бойз лелеет планы оставить их там навсегда. Мы, в свою очередь, планируем понаблюдать за ним. Правда, сначала не будет никаких доказательств. А вот три месяца спустя мы выручим экспедицию, и у нас появятся показания ее участников. Их вполне хватит для обвинения.

— Подождите, — с недоумением произнес Том. — А почему вы устроили вторую ловушку прямо перед первой? Неудивительно, что вы его спугнули..

— Потому что к тому времени мы знали, что

первая ловушка не сработала, — раздраженно ответил Гриффин, — и закинули удочку так близко, как только возможно. Чтобы не дать ему времени на новые проказы. Мы хотели избавиться от этого паразита как можно быстрее.

Молли пробежала глазами материалы папки, проглядывая заголовки и подзаголовки. На последнем листе был список потерь. Она подняла глаза.

— Пять смертей?!

— Ужасно, — согласился Гриффин. — Но неизбежно.

– *Пять*?!Это неизбежно?!

— Они знали, какому риску подвергаются. — Гриффин перевернул страницу. — Том, Молли, ваша роль в операции...

Молли вскочила, в ярости перевернув стул.

— Я не для того нанималась на работу! Я отказываюсь принимать участие в подобном деле!

— Согласно моим документам, вы выполнили свою часть работы так, как полагается, — нетерпеливо постучал по папке Гриффин. — И попрошу вас прекратить этот театр.

Джимми Бойли стоял с каменным лицом. Эми Чо взволнованно переводила взгляд с одного на другого. Том делал Молли знаки руками и махал

головой, призывая угомониться. Она не обратила на него внимания.

— Вы не можете управлять мной, как вам захочется. И вам не удастся меня запугать! Все ваши байки типа «Ах, у меня есть записи, и я не имею права переделывать прошлое» ничего для меня не значат. Я не буду участвовать в этом идиотском проекте. Если надо, я стану действовать через вашу голову. А если и это не получится, я просто уволюсь! Вот и выходит, что ваши документы врут. Что так — что этак: врут!

Со скучающим лицом Гриффин указал ей на дверь.

— Попробуйте. Посмотрим, что у вас выйдет.

Вне себя от гнева Молли выскочила из конференц-зала.

Вихрем она пронеслась по коридору к кабинету Старикана. Обычно дверь была заперта, в кабинете царила темнота. Но в первый день ее работы здесь Старикан пообещал, что для нее дверь будет открыта. «В любое время, когда вы захотите видеть меня».

И она действительно оказалась открыта.

Молли вошла.

Старикан взглянул на нее, оторвавшись от бумаг, лежащих на столе. Странно, он невероятно

походил на Гриффина внешне и вместе с тем производил впечатление совершенно другого человека. Более независимого. Волка-одиночки, израненного временем и невзгодами.

Пальцы левой руки мягко поглаживали череп, который он всегда держал на столе. Ходили слухи, что это череп одного из врагов Старикана.

— Входи, — пригласил он. — Закрывай дверь, присаживайся. Я ждал тебя.

Молли повиновалась.

Она словно оказалась в пещере орка. Плотные занавеси скрывали солнечный свет, поверхность тяжелого деревянного стола загромождали бумаги и фотографии в рамках. Старикан как будто сидел внутри своей собственной памяти.

— Сэр, я...

Он предостерегающе поднял руку.

— Я знаю, зачем ты здесь. Разреши мне... — Старикан подавил зевок. — Разреши мне сказать это за тебя. Ты надеешься, что прожитые годы смягчили мой нрав. Если же нет, ты собираешься уйти с работы. Увы, все не так просто, как тебе кажется. Это ведь по моему приказу Гриффин предложил план, который тебе так не нравится. Открою секрет: ему он не нравится еще больше. Но он понимает — другого выхода нет.

У Молли екнуло сердце. Она гордилась своим умением читать по лицам, однако в этом лице не могла разобрать ничего. Святой он или дьявол? Молли не знала. Смотреть ему в глаза было все равно что безлунной ночью вглядываться в пустынную дорогу. Никто не мог бы сказать, что ждет его впереди. Эти глаза видели что-то, чего она не могла даже вообразить. Молли глубоко вздохнула.

— Боюсь, что в таком случае я вынуждена подать в отставку. Немедленно.

— Сначала разреши мне кое-что тебе показать. Старикан достал из ящика стола лист бумаги.

— Это, разумеется, копия. Я только что вернулся с церемонии, где тебе вручили оригинал.

Листок скользнул к ней по гладкой поверхности стола. Глазам Молли предстала выдержка из большого документа. Дата закрашена черным маркером, впрочем, как и большая часть текста, но наверху готическими буквами стояло имя Молли Герхард. Оставшиеся несколько фраз ей и предлагалось прочесть. Одна из них звучала так — «За проявленную доблесть».

— Я не могу сказать тебе, что ты совершила — что ты еще совершишь — и когда все это произойдет. Но двадцать человек остались живы и

здоровы только благодаря твоим будущим действиям. Ты хочешь спасать людей? Так знай: я видел, как пожилая женщина поцеловала твою руку в благодарность за то, что ты сохранила жизнь ее единственному сыну. Ты смутилась и обрадовалась. А позже сказала мне, что ради одного этого стоило жить.

— Я вам не верю!

— Веришь, конечно.

Старикан взял листок из ее рук и спрятал обратно в ящик.

— Ты просто не можешь представить, как я уговорю тебя остаться.

— Не могу.

Он смотрел на нее со странным блеском в глазах. «Наслаждается, — подумала Молли. — Видимо, это последнее удовольствие в жизни подобных людей — заставить кого-то погрузиться в пучину лжи и грязи вместе с ними». Она уже забыла, зачем пришла. Теперь Молли хотелось как можно скорее покинуть эту комнату, пока она окончательно не испачкалась в чем-то невероятно мерзком.

— Ты когда-нибудь задумывалась над тем, откуда взялись путешествия во времени? — спросил Старикан.

— Конечно, — осторожно ответила Молли.

— Ричард Лейстер сказал мне однажды, что эта технология не может быть человеческой. Потому что никто не смог бы изобрести машину времени, обладая нашими сегодняшними познаниями в физике. Более того, это не будет возможно в течение ближайшего миллиона лет. Как обычно, он прав. Хотя и слишком консервативен. Действительно, путешествия во времени не будут открыты еще в течение 49 миллионов лет.

— Сэр? — Его слова прозвучали для Молли бессмыслицей.

— То, что я скажу тебе сейчас, является государственным секретом: путешествия во времени изобрел не человек. Это — дар Неизменных. А Неизменные — не люди.

— Кто... Кто же они тогда?

— Если у тебя когда-нибудь появится право узнать об этом, тебе сообщат. Сейчас же я могу сказать, что эта технология дана нам как бы взаймы. И как всегда в таких случаях, существует ряд ограничений. Одно из них заключается в том, что мы не можем предотвращать даже трагические последствия ее применения.

— Почему?

— Не знаю. Некоторые физики объясняли мне,

что, если не состоится хотя бы одно из уже случившихся событий, время и пространство придут в возмущение. Меняться начнет не только будущее, но и прошлое. Мы дестабилизируем все существующее вокруг, от альфы до омеги, от Большого Взрыва до Вечной Темноты. Другие физики, правда, им возражают. Где истина? Истина в том, что Неизменные приказали нам этого не делать. Предупредили, что, если мы хоть раз нарушим их указания, они тут же вернутся в момент до передачи технологии путешествий и ликвидируют свое предложение. Подумай об этом! Все, над чем мы работали и чего добились за эти годы, превратится в ничто. Наши достижения, да и просто наши жизни сгинут в бесконечной временной петле. Проект испарится, как будто его никогда и не было. И еще. Ты видела этих людей — палеонтологов. Если ты скажешь им, что ценой путешествий во времени будут пять смертей, что они тебе ответят? Решат ли *они,* что цена слишком высока?

Лицо Старикана поплыло перед глазами Молли. На мгновение она зажмурилась изо всех сил. Открыв глаза, девушка почувствовала непреодолимое желание встать и уйти. Взгляд ее упал на одну из фотографий. На ней был запечатлен

момент открытия секции динозавров в Национальном зоопарке. Гриффин и будущий спикер палаты представителей улыбались деланными улыбками, стоя у огромной кости тираннозавра.

— Я не желаю принимать в этом участие. Вы не заставите меня отвечать за пять смертей вместе с вами.

— Ты уже в ответе.

— Что? — вскинулась Молли.

— Помнишь ту неделю, что ты провела на Тренировочной станции? Том приказал тебе разболтать Робо Бою, что Лейстер и Сэлли возглавят экспедицию Основного Проекта. Том получил приказание от Джимми, а тот действовал в соответствии с распоряжением Гриффина, которое он пишет прямо сейчас. Ты уже сыграла свою роль.

Старикан вздохнул.

— Можешь ли ты вернуться туда и отменить вес, что сделала и сказала? Вот и я не могу отменить эти пять смертей.

— Все равно я увольняюсь! Вы не сможете больше меня использовать!

— Тогда двадцать человек умрут. — Гриффин грустно улыбнулся и развел руками. — Это не угроза. Позже, гораздо позже ты окажешься в нужное время в нужном месте. Подай сейчас в от-

ставку — и ты не сможешь им помочь. Двадцать человек погибнут. Из-за тебя.

Молли беспомощно вытерла полные слез глаза.

— Вы — злой человек, — пробормотала она.

Он издал неясный звук, похожий на сдавленный смешок.

— Я знаю, девочка. Поверь, знаю.

10
БРАЧНЫЕ ИГРЫ

Холмы затерянной экспедиции: мезозойская эра меловой период, сенонская эпоха, маастрихтский век. 65 млн. лет до н. э.

Они похоронили Лидию Пелл на холме над Чертовым ручьем. Некоторые споры вызвал вопрос, какого она была вероисповедания. Кто-то даже вспомнил, что однажды Лидия назвала себя дао-еретиком. Но позже Кати, перебирая ее вещи, наткнулась на карманное издание Нового Завета и самодельный нательный крест, сделанный из трех плотницких гвоздей. Это и решило дело.

Пока те, кто дежурил у тела ночью, спали, Лейстер коротал утро, просматривая Библию Джиллиан в поисках подходящего отрывка. Сначала он колебался между «на Земле жили великаны» и притчей о Левиафане. Но потом ему пришло в голову, что такие откровенные намеки на динозавров сводят значение и смысл всей жизни Лидии только к обстоятельствам се смерти. А это неправильно. В конце концов Лейстер остановился на двадцать третьем псалме.

«Господь, пастырь мой...» — начал он. Вокруг не паслось ни одного агнца. Они и не появятся в течение еще десятков миллионов лет. Но слова все равно казались ему подходящими, они приносили успокоение.

День был пасмурным и тоскливым. К счастью, дождь лишь тихонько моросил и не мешал церемонии. Первую половину дня они угрюмо таскали камни с вершины холма на свежую могилу, чтобы оградить тело Лидии от посягательств хищников. Когда они закончили, выглянуло солнце. Лай-Цзу подняла голову.

— Слышите? — спросила она. — Слушайте же!

Отдаленный бормочущий звук доносился с дальнего берега реки. Он чуть-чуть напоминал гусиное гоготание. Все бросились к высокому краю поляны, где просветы между деревьями позволяли увидеть долину. Перед ними открылась невероятная картина. Пространство вокруг реки Стикс пришло в движение. Тамара вскарабкалась на дерево и завопила:

— Это какое-то наводнение! Стада прибывают со всех сторон! Большинство с запада и с востока. Вижу несколько видов гадрозавров и трицератопсов!

— Я не взял фотоаппарат! — стонал Патрик.

Тамара вела репортаж с верхушки дерева.

— Они пересекают реку! Господи Боже мой, это невероятно. Они подняли столько пыли, что я почти ничего не вижу! И реку взбаламутили.

Еще несколько человек полезли на деревья.

— Можно оценить их количество? Хотя бы примерно? — крикнул вверх Лейстер.

— Нет! Они теряются вдали! В лесах и в реке. Их сотни, а может, и тысячи!

— Тысячи гадрозавров или тысячи трицератопсов?

— И тех, и других!

— Что они делают, достигнув этого берега?

— Трудно сказать. Просто топчутся, некоторые гадрозавры разделяются на группы помельче, трицератопсы держатся вместе.

— Как тебе кажется, наши малыши мигрируют?

— Похоже, они собираются здесь остаться.

— Они не могли бы выбрать для этого лучшего времени, — откомментировала Кати. — Вся эта юная поросль, от души удобренная пометом титанозавров, — настоящий рай для травоядных.

— Черт. — Лейстер подумал немного и решительно произнес: — Я сбегаю к реке, хочу посмотреть на них поближе.

Он явно преуменьшал. Лейстер не просто хотел, он *должен* был посмотреть на них поближе.

— Кто со мной?

Тамара слетела с дерева так быстро, что Лейстер испугался, что она упала.

— Я! Я! Я!

— Кто-то должен остаться здесь, — нерешительно сказал Джамал, — приглядеть за лагерем. И стены нужно достраивать.

— Пойдем с нами, — соблазнял его Лейстер. — Ты с лихвой выполнил свою часть работы.

Джамал заколебался, но потом потряс головой:

— Нет. Как я могу ожидать хорошей работы от других, если не буду работать сам?

К разочарованию Лейстера, группа состояла в основном из «собирателей». К ним присоединилась Далджит, не принимавшая ничьей стороны, а от «строителей» пошел только обвешанный фотоаппаратами Патрик.

Они двигались очень осторожно, след в след, как отряд десантников в джунглях двадцатого века. Лай-Цзу шла первой, держа одно из четырех ружей экспедиции. Лейстер здорово сомневался, будет ли от ружья хоть какой-то толк, если им придется столкнуться с динозавром действительно крупных размеров. Однако он надеялся, что

хищника по крайней мере напугает грохот. В это хотелось верить.

Они были в центре долины, когда наконец увидели вблизи первых животных — группу гадрозавров, деликатно поедающих нежные юные побеги.

К глазам взлетели бинокли.

Динозавры не обратили на людей ни малейшего внимания. Время от времени то один, то другой вставал на задние лапы и настороженно оглядывался вокруг. Яркие оранжевые метки, расположенные на щеках животных, сгустком пламени взлетали в воздух и вновь опускались в траву. Хотя бы один из гадрозавров постоянно находился на страже.

— Кто они? — шепотом спросила Далджит. — То есть я понимаю, что это гадрозавры, но вот какой вид?

Гадрозавры составляли довольно большую группу динозавров, включавшую в себя десятки видов, широко рассеянных по позднему мелу. Назвать животное просто гадрозавром так же нелепо, как назвать какое-то млекопитающее кошачьим, не уточнив, кто это: леопард или домашняя Мурка.

— Не забывай, что я — спец по костям, — ото-

звался Лейстер. — Мне мешают кожа, мышцы и так далее.

От чего бы он сейчас не отказался, так это от «Карманного указателя мегафауны позднего Маастрихта» Петерсона с подробными иллюстрациями и маленькими черными стрелками, указывающими на все части тела.

— Давайте изучим их головы. Это, несомненно, гадрозавры. Судя по длине и ширине морды — анатотианы. А вот какой вид анатотианов, я затрудняюсь сказать.

— Смотрите, как эротично они скачут вверх-вниз, — фыркнула Далджит.

Пригибаясь к земле, исследователи подползли поближе. Анатотианы, разумеется, были травоядными, но слишком уж большими. Животное величиной с пол-автобуса может представлять опасность для человеческой жизни и не будучи хищником.

Когда люди приблизились на расстояние около тридцати ярдов, какой-то незаметный сигнал встревожил животных. Они дружно и быстро заспешили прочь. Гадрозавры не умели бегать. Они удалились подскакивающей походкой, смешной, но достаточно быстрой, чтобы через несколько секунд от них осталось лишь воспоминание.

— Пойдемте, — сказал Лейстер. — Нам надо...

Тамара потянула его за рукав.

— Гляди!

Он посмотрел в указанном направлении.

Вверх по реке шагал Хозяин Долины. Лейстер узнал тираннозавра по шрамам. Перед ними предстал его старый знакомец с Лысого холма. Самый страшный хищник Земли не торопясь скользил среди низкой растительности. Чудовище не спешило, но длинные ноги позволяли ему двигаться потрясающе быстро, с молчаливостью акулы преследуя анатотианов. Проходя мимо исследователей, тираннозавр не удостоил их даже взглядом.

— Черт побери, — бесцветным голосом произнес Патрик.

— Пойдемте, — махнул рукой Лейстер. — У нас непочатый край работы. Надо исследовать местность.

Они двинулись на запад, параллельно медлительному течению Стикса, стараясь держаться поближе к лесу на случай встречи со стадами. На ходу Лейстер рассказывал остальным все, что он помнил о гадрозаврах. Ребята, конечно, знали, что гадрозавры были самой разнообразной и пестрой по составу группой больших позвоноч-

ных Северного полушария в конце позднего мела, и что именно они составляли основную группу орнитоподов, которые эволюционировали в мезозое. Но палеонтолог хотел донести до них мысль, что гадрозавры стали предшественниками более поздних динозавров, которые, хорошо адаптируясь к разным экосистемам, могли бы просуществовать до наших времен, если бы не упавший на Землю астероид.

— И что же в них такого особенного? — спросил Патрик. — Они не выглядят особенно жизнеспособными. Почему они начали доминировать?

— Может быть, потому, что они — идеальная жратва для тирексов. — неожиданно сказала Тамара. — Посмотрите повнимательней. Ростом почти с тираннозавров, никаких защитных приспособлений и длинная мягкая шея, которую так удобно перегрызать. Сплошная ходячая закусь. Если бы я была тираннозавром, то хорошенько заботилась бы о таких удобных соседях.

— Нет, серьезно, — нахмурился Патрик.

— Если серьезно, — отозвался Лейстер, — они похожи на нас, людей. Мы тоже не имеем каких-то специальных приспособлений — ни рогов, ни клыков, ни копыт. Но при этом способны адаптироваться везде, куда бы ни попали. То же самое и

с гадрозаврами. Они...

— Тише! — прошептала Лай-Цзу. — Я что-то слышу. Вон там, впереди.

В отдалении из леса высунулся одинокий трицератопс. Он осторожно вышел на открытое пространство и остановился. В поисках возможного врага массивная голова повернулась в одну сторону, в другую. Убедившись в отсутствии опасности, зверь три раза хрюкнул.

Пауза. Затем показался второй трицератопс. Третий. Четвертый. Нестройными рядами животные высыпали из леса и устремились к цветам и травам долины. Их «воротники» были яркими, как крылья бабочек. Особенно четко выделялись два оранжевых, с черным ободком круга — как глаза.

— У трицератопсов есть вожаки! — воскликнул Нильс. — Прямо как у домашнего скота!

— Мы не можем утверждать этого с уверенностью, — охладил его пыл Лейстер. — Нужны долгие и кропотливые наблюдения, чтобы установить, так ли это на самом деле.

— Посмотрите на их воротники! Брачная окраска, да?

— Похоже.

Лай-Цзу надела очки и, указывая на предпола-

гаемого вожака, спросила:

— А что это с ним?

Морда животного будто распухла. С обеих сторон центрального рога у него находились симметричные носовые мешки, которые сейчас раздувались, как щеки у лягушки. Внезапно они исчезли. Кронк!

Все захохотали. Тамара так просто согнулась пополам, подвывая:

— О Господи, поверить не могу! Ну и звук! Похоже на новогодние хлопушки!

— Тихо! Они что-то замышляют, — шикнули на нее Нильс и Лай-Цзу.

Трицератопсы затоптались. Патрик, с фотоаппаратом на изготовку, заметался, выискивая подходящий угол съемки. Мешки на морде животного вновь начали надуваться. Тряся головой, оно сделало несколько глубоких, судорожных вдохов.

— Это зачем? — спросила Лейстера Лай-Цзу.

— Не знаю. Похоже, так он надувает... Кронк!

Тамара зажала рот ладонью, превратив взрыв хохота в сдавленное повизгивание.

— Посмотрите-ка туда, — сказал Нильс. — Кто-то еще желает к нему присоединиться.

Второй трицератопс медленно и значительно

приближался к первому.

— Агрессия, как думаете? Демонстрация силы? Они собираются драться?

Первый трицератопс опять раздул мешки. Второй застыл на некотором расстоянии от него, наклонив голову. Медленно и тяжеловесно он завалился на бок.

— Не думаю, что речь идет об агрессии, — усмехнулся Лейстер. — Это больше похоже на брачные игры.

— Это же девочка! — завопила Тамара. Кронк!

Лежа на земле и подняв одну ногу в воздух, самка задрожала.

— Она его соблазняет!

— Ко мне, мой мальчик!

— Я знаю, пупсик, ты хочешь меня!

С неспешной уверенностью и чувством собственного достоинства самец пристроился к самке: передние лапы по обеим сторонам ее хвоста. Затем остановился, явно сбитый с толку. Самка издала игривый звук, и он сделал шаг назад, потом опять вперед, пытаясь занять необходимую позицию. Ничего не получилось. Наконец с третьей попытки самец сумел совместить тела нужным образом и тяжело опустился на самку.

— Ну, парень, — прошептал Патрик, — вперед.

Солнце уже садилось, когда они наконец вернулись в лагерь и обнаружили, что команда Джамала перетащила содержимое палаток в новую хижину и натянула освободившийся брезент на рамы, соорудив, таким образом, стены. Экспедиция заспешила вверх по склону.

Внутри дом выглядел невероятно уютно. Конечно, их фонари, даже при наличии солнечных батарей, не проживут долго. Тем более приятно было увидеть их свет сейчас. «Зажигай свой фонарь, пока можешь», — подумал Лейстер.

— Снимайте обувь! — весело закричала Кати. — Ставьте ее вон там, у двери!

Внутри смешивались ароматы трав, которые целыми охапками рассыпали по полу, и черепахового супа, сваренного в чайнике снаружи, во дворе. Лейстер и остальные вошли и сели.

— Приветствую вас, бесстрашные охотники на динозавров! — провозгласил Чак. — Вы как раз к ужину! Входите же, садитесь и поведайте все о своих подвигах.

Пока Чак доставал миски, а Кати разливала суп, Патрик пустил по кругу фотоаппарат с лучшими сегодняшними кадрами.

— А чем занимаются эти двое? — озадаченно

спросила Джиллиан, рассматривая фотографию трицератопсов.

— Именно тем, о чем ты подумала, — ответил Патрик.

— Ну и ну! — Джиллиан погрозила ему пальцем. — Что за озорные фотки?

— Динопорно! Ух, как бы это продавалось! — чуть не зарыдал Джамал.

— И ты думаешь, был бы спрос? — удивился Чак. — Не представляю, кто бы мог польститься и зачем?

— Ты что, смеешься? Это секс, это забавно и это то, чего никто никогда не видел! Да на одних календарях...

Все грохнули. Джамал вспыхнул, но пробормотал упрямо, не поднимая глаз:

— Я вам точно говорю...

За едой рассказ о событиях сегодняшнего дня продолжался.

— Значит, вы потеряли ружье, — неодобрительно заметил Мэтью, когда участники похода поведали о том, как трицератопсы, закончив заниматься любовью, заметили людей и ринулись на них.

— Я растерялась от неожиданности, — объяснила Лай-Цзу. — Точнее, мы все растерялись.

Но, черт побери, это неудивительно: в тренировочном лагере нас учили, что выстрел из ружья отпугнет любую живность. Естественно, выстрелив, я меньше всего ожидала, что зверь кинется на меня. А он понесся прямо на нас, и мы все бросились наутек. Если бы он был хоть чуть-чуть быстрее, я бы здесь не сидела.

Она потрясла головой.

— С этим другом что-то не в порядке.

— Вы бы хоть потом вернулись, поискали.

— Так мы и вернулись! Но они перемесили всю землю так, что все оказалось бесполезно — как искать иголку в стоге сена.

— Я бы лучше потерял все четыре ружья, чем один-единственный армейский нож, — заявил Джамал. Он повернулся к Лейстеру. — И все же этот парень не должен был так себя вести. Наш инструктор рассказывал, что он десятки раз отпугивал трицератопсов выстрелом из ружья. Почему же этот не убежал?

Лейстер пожал плечами.

— Когда я учился, доктор Шимура не уставал повторять: «Организм всегда прав». Живые существа не всегда ведут себя так, как мы от них ожидаем. Иногда песчаные блохи атакуют медуз, а минога набрасывается на акулу. Когда такое

случается, ваша задача — хорошенько все записать и надеяться, что когда-нибудь ваши записи обретут смысл.

Проходили часы, а они все сидели и тихо беседовали. Этого так давно не случалось, и каждый хотел, чтобы мирные часы длились как можно дольше. Было очень приятно снова стать друзьями.

— Эй, смотрите, что у меня есть, — сказал Чак. Он нырнул в темный угол и выкатил на середину комнаты череп молодого трицератопса. — Его уже выбелило солнцем, когда я на него наткнулся. Знали бы вы, каких трудов стоило притащить его сюда.

— Зачем, ради всего святого, он тебе понадобился? — спросила Тамара.

Чак пожал плечами.

— Я всегда хотел такой. Теперь он у меня есть.

Он поднял череп вверх и, держа перед собой, покрутил им из стороны в сторону, подражая движениям трицератопса, зазывающего подружку.

— Как он там говорил?

— Кронк!

— Нет, больше похоже на «гронк»! И немножко тянул, там где «он-н-нк»!

Чак, с самого начала взявший на себя роль

экспедиционного шута, запел: «Дорогая, когда ты рядом...»

— ... я весь горю от любви... — подхватила Кати.

Чак замолчал, но Кати продолжала петь, и один за другим остальные подхватили старую романтическую балладу. Затем они исполнили парочку других, не менее сентиментальных.

Когда репертуар иссяк, Чак, сидящий на корточках за своим трофеем, застучал по нему ладонями, как по барабану. Чистым высоким фальцетом он запел:

В зое – в зое, в мезозое
Мы посеяли ружье!..
... А кругом ужасно злое
И зубастое зверье, —

подхватила Тамара.

Остальные затянули припев:

О-ви-и-и, о-ви-и-и, о-вим, о-вим, о-вей,
О-ви-и-и, о-ви-и-и, о-вим, о-вим, о-вей!

И

А-вима-вей, а-вима-вей, а-вими-вима-вей!

Музыка наполнила хижину теплом и радостью. Снаружи ночь была темна, слышался тихий топот мелких млекопитающих. Внутри же царило бесшабашное веселье. Ребята импровизировали, на ходу сочиняя куплет за куплетом. Когда Далджит запела:

Ты не хочешь ли, дружочек, В армии служить?..

Лай-Цзу отозвалась:

... Зарплата, пенсия, страховка – Живи и не тужи!

Там опасно, нет, уж лучше Я останусь здесь... —

чуть замешкавшись, продолжил Чак.

... Ведь меня, с моим дипломом Динозавр не съест! —

закончила Тамара.

Все, хохоча, повалились на пол и перевели дух только через несколько минут.

Лейстер как раз собирался завести новый куплет, когда Кати внезапно сорвала с себя блузку и швырнула ее в воздух. Патрик восторженно заорал и захлопал в ладоши, а остальные как по

сигналу начали стягивать одежду, выскакивать из брюк, лихорадочно развязывать шнурки.

Лейстер открыл рот, собираясь что-то сказать. Но сидевшая сзади Тамара, дотронувшись до его руки, сказала голосом таким тихим, что больше никто не услышал:

— Пожалуйста. Не надо все портить.

На мгновение Лейстер застыл, не зная, что ответить. А потом нерешительно расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Когда он освободился от нее, кто-то уже стянул с него брюки. Лейстер поцеловал Джиллиан — поцелуй был долгим и страстным, — и она положила его руку себе между ног. Там было очень влажно. Он глубоко засунул в нее палец.

Это было странно. Странно и забавно — внезапно оказаться так близко с кем-то, на кого ты никогда не обращал особого внимания. Сбоку вынырнул Патрик, пробормотал что-то вроде: «Извиняюсь», и Джиллиан направила его голову туда, где только что находилась рука Лейстера. А тот вдруг почувствовал, как рот Тамары обхватил его член, и, не в силах сдержаться, тихо застонал. Откуда-то появилась Кати и прижала свою грудь к губам Лейстера. Он начал ласкать ее сладкий сосок.

А потом все смешалось. Было очень стыдно и очень приятно.

На следующее утро за завтраком Лейстер заметил, как вокруг обеденного стола гуляют кокетливые, чуть стеснительные улыбки и легкие, почти незаметные прикосновения. Это удивило его. Сам он проснулся смущенным, виноватым из-за того, что вытворял вчера. Лейстер никогда не был особо религиозен, но такие вещи все равно казались ему неправильными, несовместимыми с нормальным положением вещей.

Остальные вроде бы не испытывали ничего подобного. Ну что же: они молоды, только что из института. Собственная сексуальность оставалась для них чем-то непознанным, неизведанным, манящим. Они экспериментировали с открытостью, на которую он, практически их ровесник, никогда бы не осмелился.

Но Лейстер постарался не показать своего смущения. Наконец-то в группе наступил мир, а мир был важнее всего на свете. Он должен притворятся таким же довольным, как и все остальные. Ложь во спасение.

Поэтому, когда Далджит погладила его по плечу, Лейстер прижался к ней в ответ, а увидев, что Нильс и Кати взялись за руки, положил сверху

и свою ладонь. Палеонтолог старался казаться спокойным и улыбаться окружающим, не отводя глаз. Он выжидал, пока не решил, что пришел нужный момент.

Мысленно глубоко вздохнув, Лейстер произнес:

— Я тут думал по поводу руководства группой...

Некоторые заметно напряглись, а Джамал сказал:

— Да я в общем-то не хотел... — Голос его увял.

— Нет, нет, вы не поняли. Я не о том, кто будет главным. Я предлагаю обойтись без руководства вообще.

Все внимательно, не моргая, смотрели на Лейстера.

— Когда мы были экспедицией, нам, несомненно, был нужен кто-то, кто распределял бы обязанности и давал задания. Но теперь все по-другому. Нас всего одиннадцать. Почему мы не можем собираться вместе — вот как сейчас — и решать проблемы по мере их поступления?

— Голосованием, что ли? — уточнила Лай-Цзу.

— Нет. Я считаю, мы должны делать только то, с чем будут согласны все до единого. Никаких недовольных, никаких воздержавшихся.

— А получится? — спросил кто-то.

— Моя подруга писала как-то работу по лингвистике, — сказала Далджит. — Изучала язык индейцев сиу. Так вот она рассказывала, что сиу просто свихнулись на консенсусах. Собираются, например, чтобы написать какое-то сообщение для прессы, и пока каждый из присутствующих не выразит свое согласие с формой конверта и цветом бумаги, ни слова не будет сказано по поводу содержания документа. Подруга говорила, что чужаков это может довести до безумия. Но при этом у сиу почти не происходит серьезных конфликтов.

— Это вызовет сплошные разговоры, — с сомнением сказал Патрик.

— А нам и некуда спешить, — парировала Далджит.

— Если нужно, я готов поменьше смотреть телевизор, — подал голос Чак.

Вокруг стола пробежал смешок.

В конце концов все согласились с идеей Лейстера. Затем стали обсуждать расписание работ. Обиды развеялись, компромиссы оказались достигнуты, договоренности установлены. Наконец Джамал, хлопнув в ладоши, заявил:

— Я не знаю, как остальные, а у меня полно

работы. Поэтому если на повестке дня больше ничего не стоит...

— Еще один вопрос, — перебил его Лейстер. — Я думаю, нам нельзя забывать о науке. Мы так увлеклись проблемами выживания, что совсем забыли, зачем приехали. Мы здесь, чтобы проводить исследования, и мне кажется, пора их начать.

На секунду воцарилась тишина. Затем:

— Я все ждал, когда же кто-нибудь скажет это, но...

— И я!

— Я уже готова была предложить это сама!

— Итак, — сказала Тамара, — все согласны. Прекрасно. И что мы будем делать? Что мы будем искать?

Все повернулись к Лейстеру.

Он смущенно закашлялся. Авторитет самого опытного был приятней, чем авторитет главы экспедиции, однако палеонтолог все же смутился, принимая его.

— Вопрос поставлен немного некорректно, — ответил он. Конрад Лоренц не говорил себе: «Я хочу открыть импринтинг у новорожденных утят» и не начинал искать конкретные доказательства. Он просто очень тщательно собирал

данные и изучал их, пока не получил результат. Нам нужно сделать то же самое. Наблюдать, записывать, обсуждать, анализировать. Рано или поздно мы что-нибудь да выясним.

Патрик чуть улыбнулся.

— Да, но ведь должно быть что-то, на что мы надеемся. Чтобы впереди маячила какая-то идея.

— Да ради Бога! Самая простая идея — от чего вымерли динозавры.

— Большой метеорит. Приливные волны, ураганы, ядерная зима, пищи нет. Конец.

— А крокодилы выжили. Некоторые из них стали огромными. Птицы выжили. А ведь, строго говоря, они тоже динозавры. Что сделало наземных ящеров такими чувствительными к последствиям падения метеорита? Я, например, не могу отделаться от мысли, что это связано с утерей ими разнообразия на протяжении последних миллионов лет мезозоя.

— Но здесь же полно динозавров! — запротестовала Кати.

— Полно отдельных особей. Но по сравнению с предыдущими эпохами совсем немного видов. И те, что остались, очень чувствительны к изменениям окружающей среды.

— Я этого не замечаю, — сказал Патрик. — Они

кажутся такими здоровыми, выносливыми. По-моему, они прекрасно адаптированы к окружающей среде.

— Может быть, даже слишком адаптированы. Чаще всего вымирают как раз те виды, которые занимают четко определенную нишу. Они не в состоянии выжить, если эта ниша внезапно меняется или пропадает вообще. Именно поэтому столько видов исчезло в двадцатом веке, несмотря на то, что поголовное истребление животных, практиковавшееся в веке девятнадцатом, свелось практически к нулю. Когда люди уничтожают среду обитания, животному становится некуда идти.

Они проговорили до полудня, потому что могли себе это позволить. Хижина построена, еды хватит на неделю, можно даже не залезать в привезенные из дома запасы. А главное — так хотелось вновь почувствовать себя студентами, пусть и вдали от университета. Учеба придавала уверенности в себе, лекции и обсуждения — забытое чувство сотрудничества. Все становилось на свои места.

Тут кто-то сообразил, что время к обеду, а посуда не мыта. И все бросились убирать и готовить, согласно утвержденному только что расписанию.

Тамара задержалась, чтобы перемолвиться словечком с Лейстером.

— Снимаю шляпу. Ты собрал всех воедино. Я уж и не думала, что это возможно.

Лейстер взял ее руку, легонько поцеловал один из пальцев и не отпустил. Он чувствовал себя мошенником. Лейстер и в палеонтологи-то подался частью из-за того, что общаться с динозаврами легче, чем с людьми. Притворяться было очень неприятно.

— Я думаю, мне помогла прошлая ночь.

— Прошлая ночь прошла чудесно, — улыбнулась она, — но она просто случилась, вот и все. А это утро ты явно продумал.

— Ну, может быть, немножко, — согласился палеонтолог. — Проблема в том, что, когда ты начинаешь просто выживать, мир вокруг становится ледяным и враждебным. Нам необходима цель, чтобы перестать чувствовать себя горсткой человеческого тепла среди первобытной дикости. Тоненькой свечкой посреди ночи.

— Ты действительно считаешь, что научные исследования могут стать такой целью?

— Да. Во всяком случае, для меня. Может быть, потому, что в детстве я был очень одинок, и учеба являлась единственным, что держало меня на

плаву. Поиск истины — прекрасный повод жить.

— Не слишком ли напыщенно?

— Возможно. Но я настаиваю на том, что знание лучше неизвестности.

Лейстср помолчал.

— Однажды я побывал в Уппсале, в Швеции. В кафедральном соборе я нашел надгробный камень Линнея.

— Ты имеешь в виду Карла Линнея? Создателя биологической классификации?

— Точно. Это был очень красивый надгробный камень: с ископаемыми белемнитами, перечеркнувшими его поверхность подобно двум кометам. Сам Линней даже не знал, что такое ископаемые. В его время Вольтер совершенно серьезно предполагал, что это — окаменевшие остатки еды пилигримов. И все же они находятся там, как два стража, поставленных самой Природой в благодарность за то, что Линней сделал для нее.

Он отпустил руку девушки.

— Почему меня это успокаивает? Не знаю. И все же это так.

После обеда Лейстер остался, чтобы поработать в коптильне, а Кати возглавила группу, отправившуюся делать первые наблюдения. Уходя, они смеялись и болтали, как дети. Беспечные

и бесшабашные. Глядя им вслед, Лейстер почувствовал щемящую тоску, какую, наверное, чувствуют родители, впервые отправляя ребенка в самостоятельную поездку.

Он так хотел защитить их и не мог. Всех взбодрила вчерашняя ночь, но ни веселье, ни близость друг к другу не спасут от окружающих опасностей. Нужно постоянно быть настороже. В этом мире ночь принадлежит млекопитающим, но днем по-прежнему правят динозавры.

11
ЧУДЕСНЫЙ МЕЛ

Станция Ксанаду: мезозойская эра, меловой период, галльская эпоха, туронский век. 95 млн. лет до н. э.

Зал заседаний выстроили внутри утеса на берегу моря Тетис. Обычно одного вида через стеклянную стену было достаточно, чтобы поднять настроение и успокоить душу. Поэтому, несмотря на солидные расценки на использование зала, его бронировали на каждый божий день, вплоть до запланированного демонтажа. Но сегодня здесь царила пасмурная погода. Тоскливый дождь стучал в стекло, океанская вода казалась серой.

Гриффин сидел в кожаном кресле, размышляя о меле.

Только свойственный млекопитающим шовинизм заставлял людей считать динозавров важнейшими существами древности. Начиная с середины мелового периода и до наших дней, в реальности самым значимым и разнообразным было семейство известковых водорослей.

Несмотря на микроскопические размеры, эти шарообразные растения украшали себя искусно построенными защитными пластинками из кальция. Теплые моря наполняли миллиарды известковых водорослей, которые жили тихой размеренной жизнью и, умирая, оставляли после себя свои маленькие щиты. Осколки их вместе с растительным и животным планктоном постоянно опускались на дно: непрерывный снегопад, каждую тысячу лет образующий на океанском дне шестидюймовый слой превосходнейшего мела. Белые скалы Дувра возникли в результате прилежной работы миллиардов поколений маленьких существ, ведущих спокойный, даже буржуазный образ жизни. Расчерченные классики и наивные, выполненные мелом копии «Тайной вечери» на асфальте, грамматические конструкции и математические уравнения на школьной доске, уверенный удар бильярдного кия по шару и крепкая хватка гимнаста на брусьях — все зависело от анонимных и безвозмездных пожертвований безымянных малюток.

Гриффин часто думал о них. Мысль о том, что столь незаметные жизни служили на редкость разнообразным потребностям высших форм, забавляла его. Он задавался вопросом — будет

ли людское наследие хоть вполовину столь же ценным. Обычно подобные размышления успокаивали.

Но не сегодня.

Сегодня все оказалось испорчено. Все, чему Гриффин посвятил жизнь, катилось в тартарары. Сказочный замок, построенный из игральных карт и пустых надежд, рушился на глазах. Все жертвы, которые он принес, все жесткие, а иногда и жестокие решения, которые принимал, оказались напрасны. Победы обернулись поражением.

Сзади тихонько открылась и закрылась дверь. Он не оглянулся, зная, что в комнату вошла Сэлли. Она остановилась у Гриффина за спиной, обвила руками его плечи и начала массировать закаменевшие мышцы.

— Итак, — осведомилась она. — В чем дело?

Гриффин мог бы дать ей множество ответов. Почти в ярости он проговорил:

— Я никогда не бил женщин.

В стеклянной стене маячило ее призрачное отражение, Сэлли была высока и стройна, как королева. Гриффин же, сгорбленный в своем кожаном кресле, казался поверженным королем, ожидающим, когда в замок ворвутся орды варва-

ров. Их глаза встретились в стекле.

— Сегодня я чуть не ударил тебя.

— Объясни почему.

Гриффин пробыл вдали от Сэлли целую неделю, прежде чем вернулся в свой кабинет на Ксанаду. Для нее же прошло не более получаса. Он знал это точно, потому что, уходя, оставил себе записку.

Гриффин планировал всего лишь короткое прощание. На следующее утро Сэлли отправлялась в экспедицию Основного Проекта, и, зная о том, как трудно ей там придется и как не скоро прибудет спасение, Гриффин собирался сказать ей что-нибудь ободряющее. Возможно, сделать некий намек, подарить тайную надежду, которая не даст ей почувствовать себя потерянной навеки.

Но, как только он попытался выговорить тщательно заготовленные слова, Сэлли закрыла ему рот поцелуем, обвила ногой, одновременно подтолкнув в грудь, и повалила на кровать. Потом схватила его рубашку обеими руками и рванула так, что пуговицы фонтаном брызнули во все стороны. Случившееся после могло бы оказаться восхитительным, не хуже, чем в их первый раз.

Однако не оказалось.

Гриффина охватило чувство вины, которое он не мог подавить, как ни старался. Что он мог

поделать? Отказать ей сейчас было бы еще хуже. Выходит, он ее использовал? Но, черт возьми, это Сэлли его соблазнила! Будь все наоборот, он бы стыдился, а так это целиком ее решение.

Гриффин женился дважды. И оба раза на женщинах, которые рано или поздно заставляли его защищаться и оправдываться. Эти женщины внесли хаос в его размеренное существование, но даже сейчас он вспоминал о них со смешанными чувствами.

Поэтому Гриффин не любил серьезных отношений.

При всем своем опыте он не умел отказывать Сэлли, уж очень темпераментной особой та оказалась. Она не просила, а требовала, полностью овладевая им; казалось, что в теле плавится каждая косточка. Когда она довела дело до конца, у него не было сил даже на то, чтобы сесть.

Сэлли, напротив, секс тонизировал, она просто светилась. Склонившись над Гриффином, Гертруда улыбнулась и покрыла его лицо легкими поцелуями.

— Не вздумай вставать, — сказала она. — Я уйду сама.

— Но я же должен проследить, чтобы ты вовремя вернулась на Тренировочную и успела как

следует собраться.

— А я уже собралась, мне нужно только одежду сменить. Я попаду туда за полтора часа до отправления экспедиции.

— Нет, серьезно, я не могу...

— Ш-ш-ш, — прошептала она. — Ни слова больше. Перед уходом я хочу посмотреть, как ты засыпаешь.

Не испытывая ни малейших подозрений, он благодарно закрыл глаза.

И утром открыл их, чтобы увидеть Сэлли, одетую в одну из его рубашек и расхаживающую по кухне с кофейником в руке. Когда она тянулась за чем-то, рубашка поднималась, обнажая круглые ягодицы. Гриффин, немедленно проснувшись, взметнулся на постели.

— Сколько времени? Ты почему до сих пор здесь?

Он схватил часы и, не веря своим глазам, надел их на руку. 8:47 утра.

— Расслабься. — Сэлли вошла в комнату с двумя чашками кофе, протягивая одну ему. — В списках изменение. Вместо меня отправилась Лидия Пелл.

Она поставила свою чашку и порылась в сумочке.

— Вот. Я привезла тебе копию.

Гриффин развернул сложенный лист бумаги и уставился на него, не в силах поверить. Лист, несомненно, существовал. Но он не мог существовать! Гриффин видел его раньше на своем столе (тонкие синеватые листки не дублировались, каждый имел свой идентификационный номер), и имя «Сэлли Г. К.» красовалось во главе списка! Теперь же оно отсутствовало, уступив место Лидии Пелл.

— Ты должна была принять участие в той экспедиции. Черт побери, да ты *была* в той экспедиции! Это задокументировано! А значит — несомненно. Я сам подписывал все документы. Это уже случилось!

Он положил руку на запястье и сжал его так сильно, как только мог.

— Ты только что создала парадокс первого класса.

— Знаю, — улыбнулась Сэлли.

— Объясни почему, — повторила Сэлли.

Так он и сделал. Это заняло много времени, и Гриффину пришлось многое упрощать. Но он смог. Гриффин рассказал ей кое-что про Неизменных, и чуть больше про ранчо «Святой Спаситель», и в деталях про то, почему он, зная,

кто виноват, все-таки не арестовал «крота», подложившего бомбу.

Гриффин был уверен: Сэлли разозлится, узнав, что он собирался послать ее в заведомо обреченную экспедицию. К его удивлению, этого не случилось. Она внимательно выслушала каждое слово.

Наконец он догадался, что, сам того не подозревая, открывает ей настоящую Страну Оз, где Волшебник, включая таинственную машину, управляет космосом. Гриффин давал ей туманные сведения о том, какие рычаги к каким механизмам относятся.

— Экспедиция потеряна навсегда, — подытожил он. — В первый раз Неизменные дали нам оборудование для вашего спасения. Но они никогда не сделают этого вновь.

Он не упомянул, что, согласно окончательным докладам, спасены было всего семь человек. Трое умерли от ран, полученных в результате взрыва бомбы, двое — позже, от несчастных случаев. Все эти события теперь не имели значения. В нынешних обстоятельствах они просто не случились.

— На худой конец, это доказывает, что наша мышиная возня не разрушит мир, — с горечью заключил Гриффин.

— Думаю, не стоит волноваться по этому поводу, — сказала Сэлли. — И еще мне кажется, что Неизменные едва ли закольцуют сами себя во временную петлю, чтобы не дать нам путешествий во времени. Судя по тому, что мне сказано, жизнь идет своим чередом, несмотря на парадоксы.

— Сказано! Кто это тебе сказал?

Он уже овладел собой настолько, что мог задавать подобные вопросы. И это после того, как, яростно натянув одежду, вылетел из комнаты и промчался в кабинет. Он даже был в состоянии выслушать ее ответы.

— Кто вбил эту чушь тебе в голову?

— Я.

— Что?

Она издала веселый, самоуверенный смешок.

— Забавная история. В тысячах кинофильмов герой видит самого себя входящим в комнату и тут же узнает. Но когда это случилось со мной, я просто удивилась. Я не поняла, что за женщина залезла в мою палатку. И не понимала, пока она не вынула зеркальце и не попросила меня сравнить наши лица. Только тут стало ясно, что это я, но много старше. Она рассказала мне...

Гриффин впервые посмотрел на Сэлли.

— И ты поверила ей?

Ну конечно, Сэлли поверила. Незнакомка все-таки была ею. Какой резон обманывать саму себя? Поэтому она тут же согласилась выйти из состава экспедиции, взяла измененный список и пообещала соблазнить Гриффина после благотворительного бала. Затем Сэлли должна была убедиться в том, что он слишком устал, чтобы проследить за ее возвращением в тренировочный лагерь, и утром вручить ему листок.

Никто из близких знакомых Гертруды Сэлли, зная ее как невероятную врунью, не сделал бы и половины из перечисленного. Только она сама не представляла, как опасно ей верить.

— Теперь не важно, как это получилось, — сказала Сэлли. — Важно, что мы будем делать. Я считаю, что мы должны слетать в будущее и заключить сделку. В конце концов, все заключают сделки.

Он помотал головой.

— Путешествия во времени даны нам на достаточно строгих условиях. Мы нарушили чуть ли не все правила.

— Ну, нарушили и нарушили! Значит, нет теперь никаких правил! Мы с твоими Неизменными договоримся. Всегда можно договориться. Не бывает, чтобы нельзя.

— Исходя из моего опыта — бывает.

Гриффин осознал, что они находятся с разных сторон великой границы, разделяющей тех, кто занимается научными фактами, и тех, кто имеет дело с последствиями человеческих поступков. Или, проще говоря, тех, кто верит в рациональное устройство мира, и тех, кто знает, что с появлением в этом мире человека ни о какой рациональности не может идти и речи.

— Мы принадлежим к абсолютно разным вселенным, ты знаешь об этом?

— Ну так иди ко мне, — мягко сказала она, — потому что твоя вселенная больше не существует.

И это была правда, Бог свидетель. Гриффин чувствовал, как что-то шевельнулось в его душе. Не надежда (он никогда не лелеял надежд), но какая-то цель.

— Скажи мне кое-что, — попросил он. — Чего ты добивалась? Я имею в виду, та, вторая ты? Что она тебе сказала, что ты тут же принялась выполнять ее условия?

Неожиданно Сэлли покраснела.

— Она сказала мне, что я тебя люблю.

* * *

Закончив составлять приглашения, Гриффин

взглянул на часы. До совещания осталось две минуты. Он заполнил пустые места и положил бумаги в «дипломат», чтобы позже отдать их курьеру.

Кто-то стукнул в приоткрытую дверь.

— Нас всего трое? — осведомился Джимми. Он кивнул Сэлли, она ответила ему фальшивой улыбкой.

— Ждем четвертого и последнего, — ответил Гриффин. — Он придет... прямо... сейчас.

Вошел Джимми. Увидев себя, он встал как вкопанный.

— Не нравится мне это, — сообщил он.

Его более пожилой вариант выглядел не на шутку встревоженным.

— Не помню я ничего подобного. А ведь такое я бы не забыл.

Он не сказал: «Я вижу, вы рискуете», но Гриффин понял его. Они работали вместе столько лет, что давно разучились говорить друг другу подобные вещи. Каждый так хорошо знал другого, что высказывал вслух только самое необходимое.

— Садитесь оба.

Гриффин взял кусок мела. Канцелярское оборудование в двадцать первом веке менялось часто — от белых электронных досок до специальных

экранов, от панелей, понимающих человеческую речь, до других, реагирующих на жесты. Поэтому никто не мог в совершенстве овладеть всеми вариантами. Но пользоваться мелом и обычной черной доской умели все. Гриффин нарисовал три параллельные линии.

— Итак, вот соответствующие периоды маастрихтского, туронского и карнийского веков.

Большинство публикаций Гриффина относилось к хронокибернетике. Они имели разную степень сложности. Гриффин подозревал даже, что некоторые никто, кроме него, и прочитать не в состоянии. Но его главным вкладом в науку было изобретение схемы, использовавшейся для разбора различных событий. Она помогала не перепутать причины и следствия.

Порывистыми движениями он нарисовал поверх линий несколько соединенных между собой окружностей, представляющих основные зоны действия. Затем перечеркнул их разветвляющимися линиями последствий. В законченном виде схема представляла собой огромную аномалию, вызванную действиями Сэлли. Молодой Джимми втянул воздух сквозь сжатые зубы, пожилой угрюмо откинулся на спинку стула.

— Вот наша проблема, — сказал Гриффин. —

Комментарии?

Джимми смерил Сэлли ледяным взором.

— Как, черт возьми, она пролезла в свою собственную историю? У нас же везде охрана?

— Она... Так, давайте-ка назовем старший вариант Гертрудой, чтобы избежать путаницы. Вот ее вектор. И чтобы ты, — кивнул он сияющей Сэлли, — не смела считать ее собой. Теперь вы — разные люди. Так вот Гертруда должна была иметь специальный допуск, который можно получить только у Старикана. Как она смогла это сделать, остается для нас загадкой.

— А мы не можем...

— Нет. Не можем. Гертруда испарилась на дальнем конце аномалии. Любой вектор под названием «Сэлли» будет линейным отображением действий от этой сидящей среди нас особы, которая ни в чем не виновата.

Пожилой Джимми прочистил горло.

— Вы уверены?

— А вы что-то имеете против? — тут же отреагировала Сэлли.

Гриффин поднял руку, призывая к миру.

— Это справедливый вопрос. Да, я уверен. Гертруда приложила немало усилий, чтобы обмануть Сэлли. Зачем? Мы не знаем и даже не

догадываемся о ее мотивах. Поэтому не будем тратить время на догадки.

— Короче, что мы делаем сейчас? — спросил пожилой Джимми. Молодой вариант нетерпеливо подался вперед.

— Что бы ни случилось, надо спасать экспедицию. Мы должны поговорить с нашими спонсорами.

— Невозможно. Общение с Неизменными находится под юрисдикцией военных. Даже Старикан вынужден испрашивать у них разрешение.

— Знаю. Поэтому мы должны совершить бросок. Встретиться с ними на их территории. — Гриффин многозначительно помолчал. — Все вместе.

— Будет легче, шеф, — сказал Джимми, — если она с нами не пойдет.

— Это не обсуждается.

Гриффин давно не делал ничего, выходящего за пределы разрешенного, предпочитая действовать в рамках системы. Теперь же, делая рывок за границы дозволенного, он хотел иметь рядом и Сэлли, и Джимми. Каждый был незаменим в чем-то своем, оба прекрасно дополняли друг друга. И Гриффин собирался использовать их на полную катушку.

— Откуда мы стартуем?

Молодой Джимми встал, подошел к доске и стер схему. Вместо нее он нарисовал ломаную зубчатую линию.

— Подземные ходы богов, — улыбнулся он своей акульей усмешкой. — Локальные станции. Согласно вашему распоряжению, я приволок список слабых мест.

— Слабых мест? — переспросила Сэлли.

— Когда мы нанимали охрану, — объяснил Гриффин, — мы подсуетились и нашли нескольких ребят, мягко скажем, не блещущих умом. Как раз на такой случай. Ни один из них не продержался долго на своем месте. Только мы, наниматели, помним — кто когда работал.

— Вот здесь, — Джимми постучал по рисунку, — в 2103-м, великолепный вариант. Офицер охраны Манкалита Харрисон. Самонадеянная, амбициозная, худшая представительница своей породы. Заменяла Сью Браудер на два дня. Никогда не встречалась со Стариканом. А удачней всего, что те дни у нас практически не задокументированы. В этот тихий омут можно впихнуть что угодно. Но нам понадобится специальный допуск. Вы можете завладеть идентификационной картой Старикана?

Еще с подросткового возраста Старикан был

человеком привычек. Остро заточенные карандаши на строго определенном краю стола, деловые бумаги в одном и том же ящике. Гриффин знал, где тот должен хранить документы. Он даже не сомневался, каким будет шифр.

— Могу.

Пожилой Джимми в очередной раз прочистил горло.

— Полагаю, Старикан не станет нам подыгрывать?

— Ни в коем случае.

— Если вы достанете карту Старикана, я возьму на себя остальное. Нам нужна документация на...

Он посмотрел на Сэлли. Гриффин повернулся к молодому Джимми и сказал:

— Хорошо. Мы предусмотрели и эту ситуацию. Позаботься о бумагах и скажи ребятам на складе, что нам нужен ящик. Они в курсе. Отправляемся через пятнадцать минут.

— Ящик? — удивилась Сэлли. Гриффин проигнорировал вопрос.

— Кстати, нам необходим еще один человек для охраны. Кого предложите?

— Мне нравится Молли Герхард.

— Прекрасно. Она уволилась в возрасте сорока с чем-то, начав собственное дело. Забери ее неза-

долго до этого. Чем старше, тем лучше.

— Будет сделано. Молодой человек вышел.

Гриффин повернулся к оставшемуся Джимми.

— Итак, — сказал он, — в чем дело?

— Я не уверен, что могу... — Он повел бровью на Сэлли.

— Говори. У меня нет от нее секретов. Джимми вздохнул и покачал головой.

— Когда вы доживете до моих лет, вы потеряете вкус к его играм.

При слове «его» он кивнул головой на дверь.

— Гарри, я почти на пенсии. Я купил бар на Лонг-Айленде. Завтра — мой последний рабочий день.

— Так подари мне этот день. Найди Старикана и продержи его вдали от меня до тех пор, пока мы все не утрясем. Подпои его. Займи разговорами о прежних временах.

Джимми выглядел измученным.

— Я понимаю. Но не могу.

Гриффин молча смотрел на Джимми. Он сосредоточил на нем всю силу своего взгляда, сделал его центром вселенной, полностью исключив остальное. Потом произнес:

— Помнишь тот случай в техасском баре недалеко от Сан-Антонио?

Джимми прищелкнул языком. Разумеется, он помнил. Дешевый бар с долларовыми бумажками, прилепленными к потолку в качестве украшения. В городе неподалеку проходила выставка драгоценных камней и самоцветов, на которой геолог из поколения-один собирался продать частному коллекционеру пучок разноцветных перьев каудиптерикса. Это было в 2034-м, за неделю до знаменитой пресс-конференции Сэлли, и путешествия во времени оставались строгой тайной. Когда геолог зашел в отель, где остановился, там его уже поджидал Гриффин — Джимми за спиной, — готовый обрушить на ослушника громы и молнии. (Конфискованные перья они потом просто выкинули из окна машины.)

По дороге из города Гриффин и Джимми притормозили около упомянутого бара, чтобы выпить пива и сыграть партию в бильярд. Оба играли ужасно, но каждый надеялся, что другой играет еще хуже. Там к ним привязался пьяный, пытаясь затеять драку. «Эй, — орал он, — вы случайно не гомики?»

Пьяный был небрит, толст, неопрятен, одет в клетчатую рубашку и заляпанные брюки. Но под его пузом, похоже, скрывались мускулы.

— Потому что выглядите-то вы как пара занюханных гомиков!

— Выпей-ка лучше пива, — предложил Гриффин. — Я плачу.

Глаза у пьяного полезли на лоб. Он глядел на Гриффина, покачиваясь из стороны в сторону.

— Ты хочешь, чтоб я разрешил гомику платить за мое пиво? Все решат, что я сам гомик!

Джимми с кием в руках наклонился над бильярдным столом.

— У меня нет на тебя времени, — сказал он обидчику, не поднимая глаз, — но вон там, на бортике, — моя бутылка. Возьми ее и засунь себе в задницу.

Пьяный заморгал, не веря своим ушам, а потом взревел и бросился на Джимми. Джимми выпрямился и аккуратно опустил кий на голову нападавшего.

Тот упал как подрубленный.

Гриффин посмотрел на лежащего человека. Тот не двигался, из уха вытекала струйка крови. Не похоже было, чтобы он дышал.

«По-моему, нам пора», — сказал Гриффин.

Джимми достал кошелек, положил на сукно стола несколько двадцатидолларовых купюр и прижал их той самой бутылкой.

«Это плата за кий», — пояснил он. Народу в баре находилось немного, но взгляды всех присутствующих следили за ними.

Когда они вышли, никто не сказал ни слова.

Некоторое время они ехали молча. Потом Джимми произнес:

— Боюсь, вам это не понравится.

— Что?

— Я оставил в баре водительские права. Отдал их в залог, чтобы поиграть на бильярде.

— Думаешь, сейчас самое время за ними вернуться? Мимо проехала полицейская машина с включенными мигалками. Она направлялась в сторону бара.

— Не думаю.

Джимми и Гриффин поехали в аэропорт, где нашли пилота, который за две тысячи доставил их обратно в Вашингтон, не задавая лишних вопросов. В столице они рванули прямо в Пентагон и прыгнули на день назад, чтобы Джимми мог сообщить в полицию об украденных правах. После чего оба направились в бар в Джорджтауне, проведя там шумную ночь. Джимми даже поломал кое-какую мебель.

— Это не было частью плана, — рассказывал Гриффин Сэлли, — но, когда появилась полиция,

Бойли вдруг оказался у меня за спиной, схватил за ремень и швырнул прямо на копов. Все смешалось, настоящая куча мала!

Гриффин и Джимми захохотали.

— Я просто подумал, что в компании мне будет веселей даже в участке, — пояснил Джимми, утирая слезы. — В любом случае это обеспечило нам отличное алиби.

— Старикан вызвал нас на ковер на следующий день. Чуть живьем не сожрал!

— Ну, он же должен был изобразить строгость!

— Так-то оно так, да вот какая штука. — Гриффин дождался, пока стихнет хохот. — Выходя, я обернулся и подмигнул ему. Он не подмигнул в ответ.

Гриффин помолчал.

— Становясь старше, мы становимся осторожней. Консервативней. Так всегда бывает. Старикан забыл, каково это быть молодым и бесшабашным, но мы-то помним. Ты и я. Пока.

Джимми долго не произносил ни слова. Затем кивнул.

— Хорошо. В последний раз.

Он медленно поднялся и вышел, не удостоив Сэлли ни взглядом, ни словом. Как будто ее здесь и не было. Когда он ушел, Сэлли спросила:

— Он умер?

— Кто умер?

— Тот мужчина в баре. Пьяный.

По ее глазам Гриффин понял, что история не показалась ей забавной. Он пожал плечами.

— Это было сто лет назад. Мы не проверяли.

Минуту спустя вернулся молодой Джимми, уже успевший переодеться. Он втащил в комнату здоровый деревянный ящик и открыл его.

— Вот как вы будете путешествовать, — обратился он к Сэлли. — У нас тут, знаете, все по-простому, без удобств. Внутри, как видите, обивка. Эта полочка — сиденье. Здесь и здесь — ручки, можете держаться. А вот на этом зажиме крепится лампочка, если захочется книжку почитать.

На боку ящика красовались две большие оранжевые наклейки: «Верх» и «Осторожно: хищник!»

— Не понимаю, — сказала Сэлли, — почему я должна лезть в этот гроб?

— Боюсь, ответ тебе не понравится, — стараясь не встречаться с ней взглядом, пробормотал Гриффин.

— Только не надо объяснять, что мне понравится, а что — нет!

— Дело в том, — сказал Джимми, — что мы готовились к такого рода происшествиям. В документах Старикана есть пункт, разрешающий мне проходить с ним в качестве охраны. Ваше имя, к сожалению, там не упомянуто. Вас просто не пустят.

— И что из этого? — осведомилась Сэлли.

Гриффин чувствовал, что Джимми перегибает палку. Он видел, как Сэлли закипает, и опыт подсказывал ему, что она вот-вот закатит сцену. Но если пожилого Джимми смягчили прожитые годы, то управляться с молодым было так же трудно, как и с Сэлли.

Акулья улыбка. Кивок в сторону ящика. Он просто садист какой-то, этот юный Джимми!

— А то, что вы путешествуете в качестве подопытного животного.

12
МОЛОДНЯК

Холмы затерянной экспедиции: мезозойская эра, меловой период, сенонская эпоха, маастрихтский век. 65 млн. лет до н. э.

Анатотианы соорудили гнездо на Яичном острове. Пара анкилозавров охраняла кусты на берегу реки. А сама Хозяйка переживала нелегкие деньки, карауля свой буйный молодняк. Детеныши уже начали покидать гнездо и бродить по окрестностям, поэтому она сбилась с ног, собирая их обратно.

Юные тираннозавры в отличие от родителей оказались на редкость любопытными существами. Они исследовали все, что им попадалось, и атаковали все, что двигалось. Смертность среди детенышей была необычайно высока, но зато те, кто достигал зрелости, вырастали опытными и закаленными хищниками.

Высоко на деревьях Джамал выстроил платформы для наблюдений: одну на краю Дымной лощины, вторую — с другой стороны долины, на Лысом холме. Это давало возможность наблюдать

за всем, что происходит вокруг. Платформа на Лысом холме считалась интересней, потому что с нее открывался замечательный вид на логово тираннозавров.

Лейстер отбывал свое дежурство. Внезапно ветви дерева затрещали и затряслись — поднималась Кати. Ее голова вынырнула из-за края платформы, а рука подала Лейстеру жареную рыбу, завернутую в листья.

— Привет, дружок. Вот твой ленч. — Она чмокнула его в щеку. — Как ведут себя детишки?

— Посмотри сама. — Лейстер передал ей бинокль. — Опять один потерялся. Шрам.

На этот момент у тираннозавров осталось шестнадцать отпрысков из родившихся двадцати. Все они были страшны, точно горгульи. Рост детенышей не превышал двух метров, и у них еще не закончилась линька. Неопрятные пучки мохнатых серых перьев торчали из кожи в самых неожиданных местах, больше всего напоминая грибковую инфекцию.

— А вон и кормилец, — сказала Кати.

Хозяин Долины неуклюже перелезал через барьер из бревен и вырванных из земли кустов, который он и его супруга расположили по окружности у своего жилища. Окровавленный

эдмонтозавр безжизненно свисал из его пасти.

Детеныши бросились к отцу, поквакивая от возбуждения. Они подпрыгивали, жадно глядя на добычу (взрослые особи прыгать не могли по причине изрядного веса), и пытались схватить ее зубами. Хозяин с ворчанием опустил ношу на землю.

Детеныши сгрудились вокруг туши и начали рвать ее на части столь свирепо, что их морды тут же перепачкались кровью. Злючка преградила путь Адольфу, который тут же укусил ее за хвост. Она взвизгнула, как поросенок, и вновь ринулась к мясу, грубо оттолкнув Аттилу[32] и Лиззи Борден[33].

— Неаппетитное зрелище, — поморщилась Кати. — Как можно смотреть на них и есть самому?

Лейстер с удовольствием вгрызался в рыбу. Теперь, когда запасы сушеной и замороженной пищи иссякли, члены экспедиции целиком зависели от того, что они сумеют поймать или подстрелить. Досыта ели не всегда. Это научило

---

[32] notes: 32

Аттила (? — 453) — вождь племени гуннов, возглавлявший опустошительные военные походы на территории Римской империи, Ирана и Галлии

[33] notes: 33

В августе 1892 года учительница воскресной школы Лиззи Борден зарубила топором отца и мачеху, с которыми не могла ужиться

Лейстера ценить моменты, когда охота оказывалась удачной.

— Голод — лучшая приправа, — прожевав, ответил он. Лейстер не признался, что наблюдение за трапезой юных чудовищ рождало в его душе мысль о том, что изрядное расстояние между ним и тираннозаврами — несомненная удача. Не опуская бинокля, Кати сказала:

— Знаешь, о чем я все время думаю?

— О чем?

— Почему у динозавров нет наружного уха? Оно бы им пригодилось. Мне кажется, это гораздо легче — получить в процессе эволюции уши, чем, скажем, клюв. Или крылья. Почему же эти детеныши не имеют больших, серых слоновьих ушей?

— Не знаю, но вопрос хороший. А вот тебе другой. Куда, мигрируя, уходят динозавры? То смотришь — они везде. На следующее утро просыпаешься — нет никого. А четыре месяца спустя обнаруживаешь тираннозавра, пересекающего долину, и через» секунду соображаешь, что все, оказывается, вернулись. Надо проследить за стадами в следующий сезон дождей. Сопровождать их, я имею в виду.

Прошлой зимой они попытались отследить

миграции животных с помощью спутниковых наблюдений. Но система «Птолемей» разрабатывалась в основном для составления карт местности. Снимки были нечеткими, а во время облачности вообще не получались. К сожалению, в сезон дождей облачность царила повсеместно. Наблюдатели могли проследить лишь основное движение стад в глубь суши. Далее те разбивались на небольшие группы и исчезали из виду.

Всем своим сердцем Лейстер рвался за ними. В сезон дождей в долине оставались только мелкие пернатые динозавры, разбавляя сообщество лягушек, млекопитающих, рыб и ящериц. Растительность по берегам реки становилась пышной и буйной — настоящие джунгли, — но Лейстеру эти джунгли казались пустыми и безжизненными. В них не хватало больших динозавров.

— Мы никогда не поймем наших гигантских друзей, пока не изучим пути миграции. Этот пункт должен стоять первым в повестке дня.

— Вторым. Чак обнаружил, что у нас кончаются овощи, и ты назначен главой экспедиции по сбору болотных клубней.

— Я?! Почему я? Я собирался провести день, плетя веревки и перечитывая «Много шума из ничего».

Он кивнул на корзину с лыком и томик Шекспира, лежавший рядом с блокнотом для записи наблюдений. Кати ласково улыбнулась.

— Так ведь ты нашел клубни. Больше никто не знает, где они растут.

Она подвинула к себе корзину и книжку.

— Я буду счастлива заменить тебя на посту.

Лейстер взял себе в помощь Патрика и Тамару, направляясь к Кислому болоту. Несмотря на ворчание, он обрадовался, что выбрали его. Это, конечно, не тот ленивый, размеренный день, который палеонтолог запланировал, но сбор пищи — работа нетрудная, включающая в себя длинную, приятную прогулку по интересным местам. А если повезет, можно и что-нибудь новенькое увидеть.

Поскольку ружья уже давно было нечем заряжать, они несли с собой импровизированные дубинки для защиты от дромеозавров. Лейстер тащил лопату, а Патрик — пистолет, который нельзя использовать по прямому назначению. Дроми оказались единственными хищниками, равнодушными к запахам, и поэтому они без опаски атаковали людей. От остальных животных путников надежно защищал аромат дыма, пропитавший волосы и одежду. Оставались,

правда, крокодилы, но те практически не выходили из воды.

Тамара несла свое копье. В сезон дождей она потратила не меньше месяца, усердно вытачивая наконечник в форме листа из металлической скобки, скреплявшей когда-то ящик с продуктами. Она приклеила его смолой к рукоятке из твердого дерева да вдобавок крепко-накрепко примотала сухожилием гадрозавра.

Результатом явилось смертоносного вида оружие, которое тут же окрестили Тамариным Уродом. Тамара носила его с собой повсюду и каждый день не менее часа упражнялась в искусстве метания. Это, объясняла она, помогает ей чувствовать себя в безопасности.

Несмотря на вооружение, путешественники двигались с осторожностью, ставшей уже привычной. Среди прочих вещей за это время они научились тому, что ничто не дается даром. Единственное, на что они осмеливались, — тихонько разговаривать на ходу. Лейстеру страшно нравился этот аспект их нынешней жизни, он будто присутствовал на никогда не кончающемся семинаре. В таких условиях учитель не может, сидя на Парнасе, снисходительно скидывать свои знания собравшимся внизу. Ему тоже приходит-

ся учиться у своих студентов, засыпающих его вопросами и предположениями, на пользу идут даже ошибки. А эта группа была зубастой, не расслабишься.

— А не кажется ли вам, — спросила Тамара, — что огромное количество биомассы здесь относится именно к мегафауне? Я имею в виду количество не только видов, но и просто отдельных экземпляров. В долине гораздо больше динозавров, чем можно представить.

— Ага! — поддержал ее Патрик. — Как их только земля носит? Они постоянно уничтожают новую поросль и давно должны были бы съесть всю растительность подчистую. Но этого почему-то не происходит. Как так получается?

— Иногда маленькие группы покидают долину, — указал Лейстер. — Мы наблюдали это неоднократно.

— Да, причем уходит именно столько животных, сколько необходимо для поддержания баланса. Странно, — подхватила Тамара. — Почему эти тупоголовые громадины способны поддерживать такое тонкое равновесие, а истинно интеллектуальные виды вроде человека — нет?

— А кто его знает! — отозвался Лейстер.

— Не в обиду будет сказано, — заметила Тамара, — но ты вроде этим всю жизнь занимаешься.

— Понимаешь, — задумчиво ответил тот, — если страдание есть суть жизни человеческой, то незнание — суть жизни ученого. Любая экосистема представляет собой своеобразный танец потребностей. Когда мы не имели возможности работать с живыми динозаврами, мы стремились найти как можно больше ископаемых и как можно лучшего качества. Теперь же наша главная задача — усердные и тщательные наблюдения. Вы, ребята, даже и представить не можете — как легко вам все достается.

Он шлепнул комара, севшего ему на руку, и добавил:

— Кстати, мы почти пришли.

Они копали клубни, царапая руки в кровь, пока мешки не наполнились доверху. Перед тем как пойти обратно, сделали небольшой привал. Привалившись головой к бревну и лениво наблюдая за сновавшими в воздухе стрекозами и Тамарой, вплетавшей в волосы белые цветы, Лейстер решил, что сейчас он больше, чем когда-либо в своей жизни, близок к счастью.

Тамара и Патрик лениво и привычно переругивались, обсуждая функции маленьких двупалых

передних лапок тираннозавра. Патрик нащелкал массу кадров Хозяйки Долины, бродящей вокруг холмика засохшей грязи, служившего гнездом, и аккуратно переворачивающей лапками яйца. Он считал свои фотографии неоспоримым доказательством. Тамара же возражала, что это мог быть лишь эпизод, а основное назначение лапок — служить сигнальным устройством в брачный период. По ее мнению, ими тираннозавр мог объяснить партнеру — в настроении он заняться любовью или сегодня не тот случай.

Лейстер как раз собирался влезть со своим мнением, когда зазвонил телефон.

— Он у меня, — сказала Тамара. Она расстегнула карман рюкзака, достала тщательно замотанный в листья аппарат и аккуратно развернула.

Лейстер встал, чувствуя насущную необходимость отлучиться в ближайшие кусты.

— Я на минуту, — сказал он.

Когда он вернулся, Тамара и Патрик улыбались от уха до уха.

— Хорошие новости? — осведомился Лейстер.

— Лай-Цзу звонила, — ответил Патрик. — Хотела подождать до вечера, когда все соберутся, но не выдержала и проболталась. Она беременна.

— Она... Что?! Беременна?! Каким образом?!

Патрик хрюкнул и иронически вздернул бровь.

— А может, сам сообразишь каким? — раздраженно сказал Тамара.

Лейстер в растерянности сел на бревно.

— Боже, поверить не могу! Она же предохранялась!

Об этом Лейстер знал не понаслышке, как руководитель группы он видел медицинскую карту Лай-Цзу. Все женщины экспедиции предохранялись новейшим способом, который могло прекратить только вмешательство врача.

— А кто отец ребен... — Он осекся. — Ну да, дурацкий вопрос.

— На редкость дурацкий, — подтвердила Тамара. — Вы все — отец. Каждый в ответе. Мы все — родители.

— Не похоже, что ты рад новостям, — задумчиво отметил Патрик.

— Рад?! Чему ты хочешь, чтобы я радовался? Кто-нибудь вообще думает, что за жизнь мы можем предложить этому ребенку?

— У нас нет выбора...

— Имея одиннадцать родителей, он наверняка будет избалован донельзя, — сказала Тамара. — Ну и подумаешь! Дети приспосабливаются.

— А что будет, когда он вырастет?

Никто не ответил.

— Представьте себе девочку-подростка в мире, целиком заполненном ее родителями. Подружек нет, мальчишек нет, нет прогулок, свиданий, даже поболтать не с кем! Это будет одинокий, затюканный ребенок. Когда в ней проснется сексуальность, ей захочется принять участие в наших веселых сеансах групповой терапии. И что мы ей ответим?

— Я вовсе не думаю, что... — начал Патрик.

— Ответим мы: «да» или «нет». И то, и другое будет одинаково плохо.

— Я не понимаю, почему ты предпочитаешь видеть все в черном цвете, — возмутилась Тамара.

— Идем далее. Так или иначе, дитя вырастает. Вот она, молодая и энергичная, в лагере, полном пожилых людей. Все, что она хочет осуществить, слишком порывисто, слишком необдуманно, слишком тяжело для окружающих. Ее предложения постоянно отвергаются. А мы продолжаем стареть. Все больше и больше работы по уходу за нами ложится на ее плечи. Она безумно устает, но не может ничего изменить. Куда же ей деваться? Она угрюмо и безрадостно влачит свою жизнь. Пока наконец-то мы не начинаем

умирать. Сначала девочка чувствует некоторое облегчение. Ей, конечно, стыдно, она понимает, что это плохо, но ведь она всего-навсего человек. Девочка будет рада нашей смерти. Затем, по мере того как человеческий мир начнет становиться меньше и меньше, она поймет, как ей будет одиноко. И вот он придет, день, когда она окажется единственной женщиной на Земле. Подумайте об этом! Единственной! Абсолютно, невероятно, бесконечно одинокой. А впереди еще лет двадцать такой жизни. Скажите мне, насколько нормальной она будет к тому времени? Будет ли она вообще человеком?

Патрик медленно втянул воздух сквозь сжатые зубы.

— Да, но... какова альтернатива?

— Боюсь, что Лай-Цзу придется...

Стремительным движением Тамара воткнула Лейстеру под дых свой крепкий кулак. Сильно.

Он согнулся пополам. А она, побелев от гнева, крикнула:

— Это не альтернатива! А если и так, не тебе решать! «Она же предохранялась!» Господи Иисусе, ты хоть десять секунд подумал, прежде чем засунуть в нее свой конец? Ни один способ предохранения не дает стопроцентной гарантии

— женщины всегда должны принимать это во внимание, почему же мужчины не могут?

Тамара схватила рюкзак и копье.

— И между прочим, — добавила она через плечо, — мы все, возможно, будем мертвы лет через пять. Поэтому предсказания твои не имеют никакого значения.

Она сердито зашагала прочь.

— Ничего себе! — смущенно улыбнулся Патрик. — Это было жестоко. Даже если — прошу прощения за эти слова — немного заслуженно.

Он помог Лейстеру выпрямиться.

— Как ты?

Тот только потряс головой.

Так вышло, что по дороге домой они были менее осторожны, чем обычно. Тамара вела их небольшой отряд быстро, не оглядываясь, и скоро превратилась в маленькую фигурку далеко впереди. Патрик и Лейстер спешили за ней как могли.

Они шли вдоль берега реки и, достигнув Чертова ручья, повернули в глубь суши. Лейстер лениво следил глазами за троодонами, ловящими мидий, когда услышал вскрик Патрика.

— Что? — Лейстер повернулся и в некотором отдалении увидел детеныша тираннозавра. Это

оказался Шрам, тот самый, что сбежал сегодня утром. Он стоял практически неподвижно, следя глазами за Тамарой.

— Тамара! — завопил Патрик и бешено замахал руками в сторону хищника. Девушка обернулась, заметила тираннозавра и закрутила головой, выбирая, куда бежать. Берег реки был пустынным, ни деревца, ни кустика. Спрятаться негде.

— Терновник! Терновник! — кричал Патрик, обеими руками показывая на отдаленные заросли. Если бы Тамара добежала туда, у нее появился бы шанс спрятаться в гуще кустов, куда юный тираннозавр с его тонкой кожей не рискнул бы забраться.

Тамара вскинула копье и рванулась в указанном направлении. Шрам, наклонившись вперед, ринулся за ней.

Тамара бежала, как спринтер, высоко поднимая колени. Копье сверкало в такт взмахам рук. Но ее скорости не хватало, детеныш двигался гораздо быстрее.

Она не добежит до терновника. Не успеет.

Как будто со стороны Лейстер увидел, как он несется наперерез хищнику, пытаясь вклиниться между ним и Тамарой. Поступок был инстинктивным и невероятно нелогичным, но палеонтолог

слишком испугался, чтобы соображать, что делает. Как ученый он, конечно, знал, что преследующий жертву тираннозавр не отвлекается ни на что другое. Стада анатотианов могут пастись вокруг, чуть не залезая ему в рот, но он не обратит на них ни малейшего внимания, потому что ему нужен этот гадрозавр. И не вон тот, а именно вот этот. Без вариантов.

И все же Лейстер надеялся, что даже такой упертый недоумок, как тираннозавр, предпочтет убегающей жертве ту, которая вырастет у него прямо перед носом. В любом случае он ничего больше не мог придумать.

Как в кошмарном сне остановился он перед надвигающимся на него Шрамом. Пасть тираннозавра открылась, демонстрируя ряд острых зазубренных зубов, словно выточенных самим дьяволом. Колени Лейстера ослабли, тело затряслось от дикого желания повернуть назад. «Беги!» — кричало все его существо.

Но он остался на месте.

Тираннозавр форсировал ручей в два прыжка. Он приближался к человеку, увеличиваясь в глазах, до тех пор, пока для Лейстера в мире не осталось ничего, кроме нависшей над ним уродливой, чудовищных размеров головы, на которой

он мог бы сосчитать каждую серебристую полоску. Внезапно голова поднялась и резко мотнулась вбок, Лейстер полетел в сторону. Чувство такое, словно его лягнул першерон: чудовище просто сшибло преграду со своего пути. Лейстер врезался в Патрика, который схватил его за плечи, пытаясь оттащить от тираннозавра. Оба рухнули, не удержавшись на ногах.

Что ж, его отвергли. Шрам хотел только Тамару и больше никого на свете.

Лейстер ощутил странную смесь разочарования и радости. Не его вина, если Тамара погибнет, он сделал все, что в человеческих силах. Тут палеонтолог осознал, что все еще держит лопату, которую забыл выпустить из рук, бросившись к тираннозавру. В отчаянии, из последних сил Лейстер обрушил ее на ногу звереныша. Тираннозавры созданы для быстрой ходьбы, кости их полые, как у птиц. Если удастся сломать хищнику бедро...

К сожалению, лопата не принесла Шраму особого вреда, он просто споткнулся об нее, ничего не сломав. Шагнув, тираннозавр с невероятной силой вырвал ее из рук Лейстера, так что тот, кувыркаясь, покатился по земле. Неожиданно рядом раздался пронзительный крик.

С трудом приподнявшись на локте, Лейстер увидел, что Патрик, истерически вопя, колотит детеныша ручкой пистолета. Это было глупо, тот даже ничего не почувствовал. Зверя скорее озадачило, чем рассердило их неуклюжее нападение.

И тут неизвестно откуда возникла Тамара — вся ярость и порыв, настоящая богиня битвы. Она высоко подняла копье, держа его обеими руками прямо перед мордой Шрама. Костяшки ее пальцев побелели.

Собрав все силы, Тамара метнула свое оружие прямо в центр звериной морды.

Чудовище задергалось и испустило дух.

Наступила оглушающая тишина.

Лейстер поднялся, постанывая.

— У меня, по-моему, сломано ребро.

— У тебя, по-моему, сломана голова! — напустилась на него Тамара. — Что ты вытворял? На тираннозавра — с лопатой! Идиот!

— Я... — Все вокруг казалось нереальным. — А ты как здесь очутилась? Ты же бежала... — он махнул рукой в сторону кустов терновника, — ... туда...

— Вернулась! Глянула через плечо, увидела ваш дурдом и побежала расхлебывать!

Внезапно Патрик согнулся от смеха.

— Ричард, — простонал он, — ты видел морду этого монстра?

— Когда ты лупил его ручкой пистолета?

— Он просто обалдел! Я думаю, никто, кроме меня...

Они бросились обнимать друг друга, хлопать по спинам, рыдать и хохотать — все одновременно. Годовой запас эмоций бурлил у них внутри, требуя выхода.

— Прямо сквозь предглазничное окно![34] — кричала Тамара. — В центр черепа, где нет костей, а только мягкие ткани! Копье воткнулось ему в мозг! Вот так! Лейстер, ты был прав — практическая анатомия действительно наше спасение!

Она достала нож и склонилась над трупом тираннозавра.

— Что ты делаешь? — спросил Лейстер.

— Вырезаю зуб. Я прибила этого монстра и имею право на трофей, черт меня дери!

Патрик вытащил фотоаппарат.

— Встань около туши, — скомандовал он. — Поставь ногу ему на голову. Ага, вот так! Юбочку задери. Ой! Эй! Нет! — Он захохотал и увернулся от Тамары, замахнувшейся на него древком

---

[34] notes: 34

Предглазничное окно — одно из отверстий, облегчающих черепную коробку у рептилий, делающих ее менее массивной

копья. — Я тебе добра желаю: капелька эротики пойдет на пользу карьере.

Он снова заставил ее позировать и сделал несколько кадров.

— Будь уверена, эти фотографии прогремят на весь мир. Теперь все вместе... Лейстер, подними лопату вверх!

Патрик установил треногу.

— Нам лучше побыстрей отщелкать снимки, вырезать зуб и делать отсюда ноги, — сказал Лейстер. — Я не хочу дожидаться, пока мамаша появится здесь в поисках своего дитятки.

По дороге домой Хозяйка и Хозяин Долины чудились Лейстеру за каждым кустом. Путь оказался свободным, и все же, увидев впереди Дымную лощину, огни хижины и последние блики заходящего солнца на пролетающем спутнике, он вздохнул с облегчением. Возвращение было приятным. Ему хотелось послушать, как Тамара расписывает свои подвиги. Посмотреть на Лай-Цзу и на ее еще плоский живот. Разделить общую радость.

«Это мой дом, — подумал он. — Мой народ. Моя стая».

13
УТРАЧЕННОЕ ЗВЕНО

Терминал-Сити: телезойская эра, эогнотский период, афразийская эпоха, орогенианский век. 50 млн. лет н. э.

Бродя по крутым обрывам над ручьем, впадавшим в реку Эджин, Сэлли углядела кое-что интересное. В изъеденном эрозией утесе таилось небольшое вкрапление темного материала, напоминающего асфальт. Она немедленно вскарабкалась туда — такие вкрапления часто хранили в себе интересные ископаемые. Сэлли отковырнула кусочек и понюхала, пытаясь обнаружить керогены[35]. Зеленоватая полоска коррозии указывала на что-то маленькое, глубоко внедрившееся в плоть скалы. Она открыла перочинный ножик и выковыряла предмет, чтобы идентифицировать его.

---

[35] notes: 35

Захороненное вместе с минеральными осадками рассеянное ОВ (органическое вещество) претерпевает сложную биохимическую трансформацию, приводящую к созданию своеобразного нефтяного «полуфабриката», получившего название «кероген». Основную компоненту керогена составляют липиды, а также дезинтегрированные остатки наземной растительности

Объект был плоским и имел форму диска. Гертруда тронула его языком. Медь. Вероятно, пенни.

На миг Сэлли почувствовала головокружение, осознав, как далеко находится от своего дома и своего времени. Пласт, который она исследовала, сформировался из видоизмененной миллионами лет щебенки, дорожного покрытия, сплющенного и искореженного постепенным слиянием Африки и Европейского континента. В результате возникли Средиземные горы, возвышающиеся на горизонте. Когда-то эта дорога несла на себе туристов в арендованных машинах и полные детей школьные автобусы, стремительные мотоциклы и тяжелые фургоны, огромные платформы, полные новехоньких автомобилей, несущиеся на бешеной скорости спортивные кары и развалюхи, полные беженцев...

Теперь же только острый глаз ученого и тщательный анализ могли определить, что человеческая раса действительно когда-то существовала.

Сэлли аккуратно завернула кусочек металла в носовой платок, чтобы потом исследовать тщательней. Затем открыла блокнот, намереваясь описать находку, и с раздражением обнаружила, что в ручке кончились чернила.

— Доктор Сэлли!

Она обернулась.

Ирландец. Он стоял около ручья и махал рукой, призывая ее спуститься. Сэлли отрицательно качнула головой и показала вдаль, туда, где ручей впадал в реку. Несколько платибелодонов плескались и ныряли в ярко-зеленой воде. Это были забавные существа с хоботом и большими клыками, торчащими из широкой, похожей на лопату челюсти. Им явно нравилось в воде, они зачерпывали полные рты водорослей и поедали их с большим аппетитом. Золотистые блики играли на шеях животных.

— Поднимайтесь! Отсюда прекрасный вид!

Недовольно скривив рот, Джимми полез наверх.

Сэлли неосознанно тронула свой ошейник. Она не доверяла Джимми Бойли. Он словно состоял из уверенности в себе и холодного расчета. Даже в улыбке — сплошной лед.

— Вот и я.

Джимми плюхнулся на склон рядом с ней, ожидая ответа. Он никогда никуда не спешил. Джимми всегда имел в запасе столько времени, сколько ему хотелось.

— Разве вы не должны быть с Гриффином? —

наконец отозвалась она.

— Хотел спросить у вас то же самое.

Бойли подождал. Она не отвечала.

— Он переживает из-за вас. Мы все переживаем.

— Со мной все в порядке.

— Тогда почему вы не в Терминал-Сити, на переговорах?

— Потому что здесь я принесу больше пользы.

— Каким образом?

Сэлли пожала плечами. За рекой один из Неизменных перегонял небольшое стадо индрикотериев на новое пастбище. Эти млекопитающие, самые огромные из когда-либо существовавших, были очень спокойны и даже ласковы. Высотой около четырнадцати футов в холке, они напоминали смесь жирафа, слона и лошади. Сэлли влюбилась в них с первого взгляда.

Она подняла бинокль, чтобы рассмотреть Неизменного. Высокий и невозмутимый, он шагал впереди стада. Неизменные тоже обладали странной красотой: тонкие, как ангелы Эль Греко, и бесплотные в своей асексуальности. Но при взгляде на них сердце Сэлли не билось сильнее: они были слишком идеальны. В них отсутствовали греховность и непредсказуемость, вечные

спутники биологической жизни.

Солнце рассыпало золотые искры по шее одного из индрикотериев. Сэлли опустила бинокль и снова поднесла руку к своему ошейнику. Джимми заметил ее движение.

— Гриффин не использует контроллер, если это вас беспокоит, — сказал он. — Это не в его стиле.

— Помолчите, — раздраженно сказала Сэлли. — Лучше послушайте.

С первых же секунд телезойская эра впечатлила Сэлли тишиной. Оглушающая тишина правила миром, даже когда пели птицы и перекликались друг с другом насекомые. Что-то непоправимое случилось в природе за последние несколько миллионов лет. Судя по всему, большие животные исчезли, млекопитающие полностью вымерли. Не существовало тысячи привычных звуков.

Исключением стала долина реки Эджин. Сюда Неизменные импортировали множество животных из разных эпох, организовав своего рода хит-парад млекопитающих. За небольшим исключением (вроде любимцев Сэлли — платибелодонов, которым дозволялось свободно плавать вверх-вниз по реке), каждый вид располагался на собственной территории, строго в порядке появления на Земле, и прогулка вниз

по реке напоминала путешествие сквозь время. Сэлли потратила пару дней, пройдя по берегу мимо глиптодонов и мегатериев плейстоцена, грациозных кинтоцериев плиоцена, шансетериев миоцена, пока не дошла до олигоцена с его бронтотериями и индрикотериями. Тут у нее кончилась еда, и ей пришлось повернуть обратно.

— Я ничего не слышу, — сказал Джимми.

— Вы слышите все, что нужно. Просто не понимаете, что это значит.

Она не знала, как глубоко выборка животных уходит во время. Оканчивается она на мелких — не больше барсука — млекопитающих, переживших падение метеорита, перебравшихся в ранний палеоцен и, таким образом, заселивших Землю? Или дальше по берегу начинается царство динозавров? Сэлли знала, что предпочла бы она. Но даже с первого взгляда заметно, что логика Неизменных не имеет ничего общего с ее собственной.

— Поразительно, — произнес Джимми. — Миллионы лет эти животные вымирали, и вот они снова тут.

— Утраченное звено, — согласилась Сэлли. Джимми поднял голову.

— Это что еще за штука?

— Иногда ископаемые останки какого-то вида, начиная с определенного периода, будто испаряются, а потом, через миллионы лет, неожиданно «выскакивают» вновь. То есть в течение этого интервала вид выглядит вымершим, а много позже появляется животное, по всем статьям являющееся его потомком. В таких случаях ученые делают предположение о существовании между ними нескольких поколений эволюционировавших животных. Это и есть утраченное звено.

— Доктор, — сказал Джимми, — давайте-ка напрямую. На мой взгляд, вы здесь только мешаете, но Гриффин считает иначе. Он хотел бы видеть вас рядом с собой в Терминал-Сити. Его нервирует ваше отсутствие.

— Если это так важно, почему он не сказал мне об этом прошлой ночью? Мы спали в одной кровати.

Джимми отвел глаза.

— Он не может рассуждать здраво, когда дело касается вас.

— Ага. Значит этот разговор — не его идея?

— Мужчина в постели думает не головой, — смущенно сказал Джимми. — Но на то и существуют друзья, чтобы о нем позаботиться.

Сэлли встала.

— Если я действительно нужна Гриффину, он сможет легко притащить меня к себе. — Она опять дотронулась до ошейника.

Джимми тоже поднялся, отряхивая брюки.

— Он не играет в эти игры, доктор Сэлли. Честно.

— Ой, подождите, — спохватилась она. — Дайте мне вашу ручку. Моя не пишет.

Джимми заколебался.

— Она принадлежала еще моему отцу.

— Не беспокойтесь, я верну.

Джимми неохотно вытащил из кармана ручку фирмы «Монблан» и протянул ее Сэлли.

— Хотелось бы получить ее назад в целости и сохранности, — сказал он.

— Обещаю быть аккуратной.

Когда Джимми ушел, Сэлли спустилась к ручью. Она собиралась направиться вверх по склону, к подножию Средиземных гор, но нескончаемый день, жара, послеполуденное солнце расслабили ее и лишили воли. На берегу стоял клен, словно дожидаясь, когда кто-то под него сядет. Именно это и сделала Сэлли.

Разморенная на солнце, она закрыла глаза и погрузилась в фантазии, которые приходили к ней время от времени и которых она научилась

не стесняться, считая просто частью работы человеческого мозга.

Ей казалось, что она раскапывает склон горы где-то в Патагонии, осторожно обнажая череп гигантозавра. Череп на добрую треть крупнее всех найденных до сих пор, что автоматически превращало гигантозавра в самого большого хищника из когда-либо живших на Земле. Мысленно Сэлли тут же оказывается на ежегодной встрече Палеонтологического общества в Денвере, где и представляет свою невероятную находку. И, разумеется, поскольку череп полностью и окончательно опровергает все теории Лейстера, он стоит перед ней на коленях — спутанный веревками, с повязкой на глазах и совершенно обнаженный.

Общество вручает ей медаль Ромера-Симпсона[36], Сэлли по спутниковой связи произносит по этому случаю речь.

В мечтах вместо привычных брюк на ней широкая джинсовая юбка. Одной рукой Сэлли поднимает ее выше колен, другой берет Лейстера за волосы и засовывает его голову себе между ног.

---

[36] notes: 36

Медаль Ромера-Симпсона — награда за высшие достижения в области палеонтологи позвоночных

Белья на ней, конечно же, нет.

— Вылижи меня, — шипит она в момент, когда ее речь прерывается бурными аплодисментами. И добавляет искушающе: — Если мне понравится, возможно продолжение.

Это, конечно, ложь, но ей хочется, чтобы он наизнанку вывернулся, ублажая ее.

Лейстер невероятно возбужден. Сэлли чувствует это по тому, как истово он водит языком. По тихим стонам, которые он издает, целуя ее, пока она не становится влажной. По едва сдерживаемому пылу, с каким он ласкает ее клитор.

Но по мере того как Лейстер доставляет ей удовольствие (а она произносит речь, имеющую оглушительный успех), его движения меняются. Они становятся мягче, томительней... может быть, романтичней... Это уже — и Сэлли может позволить себе такую выдумку в собственной фантазии — не просто похоть, но настоящее чувство. В порыве возбуждения он начинает против своей воли влюбляться в нее. Внутренне Лейстер восстает против этого, однако он бессилен перед собственной страстью, перед потоком всесокрушающего желания.

В этот момент она достигает оргазма.

Фантазируя, Сэлли вцепилась в нежную кожу

на внутренней стороне бедер — она гордилась своим умением не касаться самых интимных мест даже в такие моменты — и с силой сжала ее, глубоко впиваясь в тело ногтями, пока боль не стала удовольствием, а удовольствие — облегчением.

Отдышавшись, она откинулась назад, размышляя. Сэлли понимала всю иронию происходящего, но не считала, что фантазии с Ричардом Лейстером в главной роли хоть в какой-то степени нечестны по отношению к Гриффину. Если любишь мужчину, это отнюдь не значит, что нельзя помечтать о ком-то еще.

А она любила Гриффина. Сэлли вообще имела привычку тут же влюбляться в мужчин, с которыми ложилась в постель, и считала, что она заложена в неё от природы. Но то, что в этот раз все было серьезно и навсегда, казалось ей немного странным.

Почему именно Гриффин?

Он ведь на редкость странный человек. Она знала запах его одеколона и еще тысячу подобных мелочей. К примеру, то, что его кошмарные часы марки «Ролекс» были водонепроницаемыми, антиударными и первоначально предназначались для инженеров атомных станций. Но Сэлли не

понимала Гриффина. Его внутренний мир оставался для нее загадкой.

Гертруда, подобно ненормальной крестной фее из «Золушки», вломилась в ее жизнь и сказала: «Верь мне. Он — то, что надо. Через неделю ты даже представить себе не сможешь, как жила до сих пор».

И вот прошла неделя, потом еще одна, а ничего не изменилось. Даже запуталось еще больше. Настоящая любовь оказалась совершенно не похожа на ту, о которой мечтала Сэлли.

Меньше чем через полчаса из леса, как бы прогуливаясь, вышла Молли Герхард. Сэлли доверяла Шпионке Молли даже меньше, чем Джимми Ирландцу. Молли умела снимать защиту: она казалась такой милой, такой спокойной и понимающей. С ней было так приятно поговорить. Хотелось подружиться с ней, доверить свои тайны, разделить сокровенные мысли.

— Ну, как делишки? — спросила Молли. Она набрала несколько килограммов с тех пор, как они с Сэлли виделись в последний раз, но это лишь помогало ей выглядеть уютно и дружелюбно. — Я тут наткнулась на Джимми, он в расстроенных чувствах. Вы с ним поссорились?

— Так, — сказала Сэлли, — только не надо при-

творяться, что ты просто проходила мимо!

Молли усмехнулась.

— Разве с тобой притворишься. Джимми просто-напросто подумал, что тебе будет легче поговорить со мной, чем с ним.

— Между нами, девочками?

— Он иногда бывает на редкость туп, — сказала Молли. — Гриффин, правда, не лучше. Вообще-то я не должна так говорить о своем боссе.

— Нет, если только ты не собираешься залезть в душу к его девушке.

— Нам действительно нужно кое-что обсудить, — упорствовала Молли. — Давай вернемся в поселок. Я заварю тебе чаю.

— Я собиралась подняться выше по течению и... — начала Сэлли, но внезапно почувствовала, что ей больше никуда не хочется. — Ну ладно.

Насколько поняла Сэлли, никто не озаботился, чтобы дать поселку хоть какое-то имя. Это была горстка коттеджей с тростниковыми крышами, оснащенных всеми удобствами и приборами, назначения которых она так и не поняла. Сэлли видывала мотели побольше.

— Иногда здесь проводятся совещания, — объяснил ей Гриффин.

— Как случилось, что я никогда не слышала об

этом месте? — спросила Сэлли.

— Оно для управленцев — администраторов, политиков и так далее. Не для палеонтологов.

— Почему?

— Если честно, вы ничего не решаете.

Дальше по реке возвышался Терминал-Сити, на вид — огромный утес из чистого золота. Когда Сэлли увидела его впервые, она подумала, что это две подводные горы, фантастическим образом выброшенные на сушу и разделенные узкой перемычкой неба и реки. Цвет, решила Сэлли, отражает заходящее солнце. Позже ей показалось, что здание имитирует естественную возвышенность, пострадавшую от эрозии, что-то вроде скульптур Урсулы ван Ридингсвард[37], только из желтого кирпича.

Но это действительно было золото.

— Знаешь что, — перебила ее мысли Молли Герхард, — тут можно прекрасно провести медовый месяц.

Сэлли фыркнула.

— Не то сказала? — тихо поинтересовалась Молли.

— Вон мой коттедж, — вместо ответа произнес-

---

[37] notes: 37

Урсула ван Ридингсвард (род. в 1942 г.) — американский скульптор немецкого происхождения, известна работами по дереву

ла Сэлли. — Заходи, я приготовлю чай.

* * *

Едва она успела поставить чайник на плиту, как снаружи раздались знакомые звуки. Сэлли метнулась к холодильнику.

— Посмотри-ка на это, — предложила она Молли и поспешила к задней двери коттеджа, держа в обеих руках по кочану капусты. Что-то большое продиралось сквозь кусты, Сэлли положила кочаны на землю и слегка подтолкнула. Молли остановилась за ее спиной.

Ждать пришлось недолго, из подлеска на лужайку неуклюже выбрался глиптодон. Это было симпатичное животное, затянутое в панцирь, как черепаха, и большое, как «фольксваген». Панцирь состоял из чешуек и походил на перевернутую миску. На голове — будто две сросшиеся ермолки.

— Какой уродец, — сказал Молли.

— Да ты что? Он — прелесть!

Глиптодон медленно приблизился к капусте, тщательно обнюхал ее и, видимо, одобрил. Схрумкал сначала один кочан, потом другой и убрел обратно в лес. Эти угрюмые существа, глиптодоны, напоминали Сэлли анкилозавров.

И немного Гриффина.

Вода закипела, Сэлли налила две чашки и отнесла их на кухонный стол.

— Ну, — сказала она, — как идут переговоры?

Молли выглядела расстроенной.

— Всё говорят. И никак не могут договориться.

— Не удивлена.

— Да? — Молли наклонилась вперед. — Ты что-то поняла?

— Ничего такого, чего не поняла бы ты, если б хорошенько задумалась.

— И что же это?

Сэлли ничего не ответила, прихлебывая чай. Молли изменила тактику.

— Послушай. Мы теряем время. Наше рабочее расписание делится на определенные периоды, в каждый из которых есть определенный доступ. Мы сейчас в эре приоритета D, и доступ, в течение которого мы здесь можем находиться, составляет восемь дней. Улавливаешь, о чем я?

— Ненавижу бюрократический жаргон. Объясни по-человечески.

— Хорошо. Мы здесь уже шесть дней. Еще два — и Старикан найдет нас и вернет обратно. Пойдем со мной в Терминал-Сити. Помоги нам найти решение.

— Решение не там.

— А где? Здесь?

— Да, — сказала Сэлли. — Ты когда-нибудь рассматривала здешние водоросли?

— Те штуки, что болтаются в воде? Нет.

— А я — да. Это абсолютно новая биологическая форма. Хочешь — верь, хочешь — нет, они произошли от ламинарий. Забудь о глиптодонах. Водоросли куда важней.

— Не понимаю.

— Объясняю. Основная разница между мезозоем и кайнозоем — не отсутствие динозавров, а наличие травы. Трава изменила все. Ее способность к невероятно быстрому восстановлению привела к распространению крупных травоядных, таких как бизоны и буйволы. За ними появились большие хищники: львы, тигры. Теоретически занять пустующие после исчезновения крупных динозавров ниши должны были птицы. Как удалось млекопитающим их обскакать? Ответ один: трава. Трава сменила правила игры, и динозавры не смогли вернуться.

— Хорошо, это понятно. А где тут связь с нашей проблемой?

— Водоросли — это нечто новое. Они меняют правила. Я хочу посмотреть, что они сделали с

местной экосистемой.

— На мой взгляд, местная экосистема до жути скучна, — сказала Молли. — Тучи каких-то серых птиц, несколько ящериц... Не понимаю, что тебе до них, когда вокруг столько невероятных млекопитающих? Ты ведь никогда раньше таких не видела, правда? Мне казалось, ты должна быть в восхищении.

— Я и была. Сначала. Но они оторваны от жизни. Это как прийти в зоопарк: ты видишь слона, нескольких кенгуру, пруд с пингвинами и гадаешь, какая экосистема смогла произвести именно таких животных. Ты ничего не знаешь об их поведении, понятия не имеешь, каковы они в реальной жизни, на воле. Я хочу увидеть телезой. Мне надо побродить по округе и проникнуться здешней природой.

Она не сказала Молли, хотя для нее самой было очевидным, что здешнее время не может быть родным для Неизменных. Окружающую природу не испортила технологическая цивилизация. Пусть Неизменные достигли уровня, при котором смогли восстановить вымершую фауну и флору, реанимировать тонкие нити, связывавшие их воедино, невозможно устранить последствия физического воздействия: срытые горы, ис-

траченные ископаемые, шахты, вбурившиеся глубоко в землю.

Это не под силу даже им.

— Хорошо, — согласилась Молли, — если ты хочешь посмотреть, кто тебе мешает?

Сэлли молча подняла подбородок, чтобы ошейник стал более заметен.

Пораженная Молли протянула руку и коснулась пальцев Сэлли.

— О, Сэлли, ты ведь не думаешь...

— Думаю.

Ящик для перевозки животных был унизителен сам по себе, но она и представить себе не могла, что, когда вылезет из него в Терминал-Сити, то ее возьмут на поводок. Мышление Неизменных оказалось на редкость узким. Они обвили шею Сэлли ошейником и отдали Гриффину контроллер. Он спрятал его в карман.

— Обещаю тебе, — сказал он, как только Неизменный отошел достаточно далеко, — никогда его не использовать.

Она протянула раскрытую ладонь.

— Положи его сюда, и я буду в этом совершенно уверена.

Гриффин выглядел смущенным.

— Не могу. Они ведь тут же узнают.

— Тебе что, это нравится? — возмутилась Сэлли. — Ты наслаждаешься!

— Конечно, нет.

Переругиваясь, они прошли сквозь транспортные ворота и попали в поселок.

Они помирились той ночью, спали вместе и даже занимались любовью. Но подозрения остались, и сутки спустя полная невеселых размышлений Сэлли отправилась прогуляться.

Млекопитающие выглядели удивительно, приходилось признать. Терминал-Сити, который она сначала приняла за конечный пункт, а впоследствии определила как зону карантина или передержки для дальнейшей пересылки животных куда-то еще, оказался набит чудесами. Взять хотя бы кинтоцериев — примитивных копытных, напоминающих оленя, с парой рожек возле глаз и еще одной — на носу. Сэлли не могла удержаться от смеха, завидев такую красоту. Прямо изобретение доктора Сьюсса[38].

Но как только она пыталась удалиться от реки, что-то тянуло ее обратно. Сэлли становилось скучно, она чувствовала себя уставшей или рас-

---

[38] notes: 38

Доктор Сьюсс (настоящее имя — Теодор Гизель). Написал 44 книги для детей, в том числе знаменитый букварь, по которому учились читать большинство американцев

терянной, и ощущения постепенно нарастали. Заметив это, она начала наблюдать за животными, пытаясь понять, как ошейники удерживают их в строго определенном ареале.

И обнаружила, что, как только звери достигают границ своей территории, они тоже что-то чувствуют и поворачивают обратно. Раз или два она замечала, как возбужденное животное неслось в поисках партнера. Но никогда наружу зоны. Только внутрь.

«Не изводи себя, Сэлли, — сказала Молли Герхард. — Слово чести, Гриффин не использует контроллер. Честно говоря, я его недолюбливаю. Но могу поклясться, что этого даже он бы не сделал».

Сэлли была романтична. Да и неудивительно. Любой человек, который тратит свою жизнь и ум на то, чтобы практически бесплатно выковыривать из скал ископаемые только потому, что эти камешки когда-то были костями зверя, подохшего миллионы лет назад, не может не быть романтиком. Профессия обязывает. Именно поэтому многие палеонтологи такие странные.

Ей очень хотелось поверить Молли Герхард.

Но для этого потребовалось бы выключить собственные мозги.

Поэтому, избавившись от гостьи, Сэлли вернулась к ручью и пошла вдоль берега, пока не почувствовала такую усталость, что казалось, сейчас упадет. Она как раз дошла до маленькой лощины с заросшими папоротником краями и мшистой, окруженной деревцами серединой, которой она пару раз уже почти достигала — но никак не могла сделать последний шаг.

Сэлли вытащила из кармана ручку Джимми и швырнула ее вперед, на мягкую подушку мха. Она вспыхнула, яркая и золотистая, в солнечном свете.

Это казалось совершенно естественным — подойти и поднять упавший предмет. И все же Сэлли не сделала ни шагу. «Подойди и возьми ручку, — скомандовала она себе. — Джимми известется, если ты ее потеряешь, она ему дорога. Шагни и подними».

Она не двинулась с места. Просто не хотела. Не важно, насколько ценна эта штука. Сэлли не имела ни малейшего желания ее подбирать.

Вот так она выяснила, что Гриффин и в самом деле ее контролирует.

По дороге в коттедж Сэлли прихватила из дровяного сарая топор. Она вошла в спальню, которую делила с Гриффином, и превратила кровать в

груду щепок. Потом вытащила наружу матрас и все, что осталось от деревянной рамы, сложила в кучу, облила растительным маслом и подожгла.

Она не знала, на кого злилась больше — на Гриффина или на себя. Гриффин лгал ей и предал ее. С другой стороны, Гертруда сделала из нее обычную шлюху. Мужчина, который боялся слов и поступков Сэлли настолько, что вынужден контролировать ее с помощью хитроумного устройства, не смог бы стать смыслом ее жизни. Она бы никогда не полюбила такого человека.

Сэлли его даже не уважала.

Будь здесь этот ублюдок, она бы прошлась топором по нему. Это настолько типично для Гриффина — когда приходит час расплаты, его нигде нельзя найти.

Так же, как и Гертруду.

Кипя, Сэлли вернулась в спальню, чтобы собрать свои нехитрые пожитки в дорожную сумку. Потом нужно содрать с шеи эту жуть. Наверняка где-то здесь есть кусачки или что-то в этом роде. Она...

Сэлли остановилась.

На туалетном столике лежал конверт. Странно, что она не заметила раньше. Сэлли взяла его и увидела какие-то слова, написанные ее собствен-

ной рукой.

Конверт был адресован Г. К. Сэлли.

14
ИНФРАЗВУК

Холмы затерянной экспедиции: мезозойская эра, меловой период, сенонская эпоха, маастрихтский век. 65 млн. лет до н. э.

Медленно, как во сне, огромные создания бродили в лунном свете.

Онейрозавры — последние и крупнейшие из суперзауроподов, заключительный всплеск расцвета титанозавров. По всем статьям животные должны были принадлежать не позднему мелу, но юрскому периоду, когда гигантские зауроподы распространились повсеместно. Увидеть одного значило не поверить в его существование. Увидеть, как сейчас посчастливилось Лейстеру, пятерых, бредущих через долину у реки и поедающих все, что попадется им на глаза, значило испытать радость, которую он будет вспоминать всю оставшуюся жизнь.

В отличие от остальных животных долины онейрозавры никогда не спали. Они просто не могли себе этого позволить. Гигантские существа питались не переставая, монотонно двигая малю-

сенькими головами из стороны в сторону, пока вся растительность в пределах их досягаемости не съедалась подчистую. Тогда они делали тяжеловесный шаг, и весь процесс повторялся заново. Им необходимо было жевать день и ночь, чтобы просто оставаться в живых.

Жизнь, может быть, не слишком интересная, но онейрозавров, судя по всему, она вполне устраивала. А кроме того, такое существование длилось веками. Лейстер слышал россказни об отдельных особях, возраст которых превышал пять сотен лет.

Несмотря на всю красоту неторопливых гигантов, Лейстер понимал, что Лай-Цзу привела его сюда отнюдь не любоваться ими. В отличие от него девушка была прагматиком, ее не интересовала эстетическая сторона дела.

— И что я должен увидеть? — спросил он.

— Не увидеть. Услышать. Почувствовать. — Что?

— Ш-ш-ш. Погоди.

Она обхватила руками свой увеличившийся живот и замерла, глядя на долину. Крутой обрыв уступал по красоте вида только Лысому холму, выгодно отличаясь отсутствием хищников. Порыв ветра растрепал челку Лай-Цзу, и она под-

няла подбородок, как бы приветствуя его.

Лейстер пожалел, что не умеет рисовать. Ему бы хотелось запечатлеть, как Лай-Цзу стоит сейчас на фоне серой ночной долины, перерезанной пополам извилистой ленточкой реки Стикс. В беременной женщине есть что-то героическое, она несет в себе все страхи и надежды новой жизни. Это дело серьезное, как ни крути.

Через некоторое время Лай-Цзу поморщилась и произнесла:

— Маленький бандит распрыгался не на шутку.

— Ты уже выбрала имя?

— Из английских мне нравится Эмили, если будет девочка, и Натаниэль — если мальчик. А из китайских... Тихо! Слушай!

Сначала Лейстер ничего не расслышал. Он повернулся к Лай-Цзу, чтобы сообщить об этом. Но ее неподвижность и напряженный наклон головы сказали Лейстеру, что она слышит что-то, ему недоступное. Что бы это ни было, оно, должно быть, едва различимо.

Лейстер застыл, полностью сосредоточившись, попытавшись обострить все чувства.

Он ждал.

Постепенно палеонтолог почувствовал низкий,

тяжелый рокот, неподвластный слуху отзвук, испускаемый, казалось, самыми глубокими трубами земного органа. Лейстер скорее не слышал, а ощущал его в грудной клетке и самой глубине желудка. Звук такой глубокий, что он боялся, что просто его придумал.

— Мне кажется... я слышу. Что-то. Но что?

Лай-Цзу дрожала от волнения.

— Инфразвук.

— Что?

— Я не хотела говорить, пока не убедилась до конца. Они говорят друг с другом с помощью инфразвука — звуковых волн такой низкой частоты, что ни ты, ни я не можем их услышать.

— Господи, — сказал Лейстер. — Ты имеешь в виду, они общаются друг с другом?

— То ли друг с другом, то ли с онейрозаврами из соседней долины — кто знает! Инфразвук распространяется на километры. Они могут беседовать с родней, которая пасется далеко за линией горизонта. Слоны, например, используют инфразвук, чтобы говорить друг с другом на огромном расстоянии.

— Как ты это выяснила?

— Если честно, выяснила не я, а детеныш. Маленький пловец затихает каждый раз, когда

онейрозавры ведут беседу. Этот прыгун дрыгается, дрыгается и вдруг останавливается, как бы прислушиваясь. Через какое-то время я уловила связь. Каждый раз, когда он ведет себя таким образом, рядом оказывается либо онейрозавр либо тираннозавр.

— Тираннозавры тоже?..

— Я думаю, да.

Лейстер хохотнул от радости.

— Это же замечательно! Ты сделала невероятное открытие!

Он схватил ее руку и лихорадочно поцеловал. Если бы не юный наследник, Лейстер закружил бы Лай-Цзу в воздухе.

— Это... Это очень важно!

— Знаю, — самодовольно сказала Лай-Цзу. Лейстер понял, что она счастлива не меньше, чем он, только не хочет этого показать.

Какое-то время они согласно молчали, следя за онейрозаврами, проедающими себе путь вверх по долине. Мутный свет луны пробивался сквозь рваные клочья облаков. Утром будет дождь, и все зазеленеет вновь. Когда другие травоядные вернутся, для них опять найдется достаточно еды.

— Как замечательно все складывается, — произнес наконец Лейстер. — Онейрозавры вырав-

нивают и удобряют долину как раз к моменту интенсивного роста травы. А потом уходят, не дожидаясь, пока им не хватит пищи.

— Стада должны скоро вернуться.

— Да.

— Между прочим, странно, что первыми из мест миграции возвращаются тираннозавры. Преследуемые почти по пятам онейрозаврами. Как будто одни приводят других.

Лейстер помолчал.

— Ты же это не всерьез?

— Не знаю. И те, и другие используют инфразвук. Вполне возможно, что существует не только внутривидовая, но и межвидовая коммуникация. Нам обязательно нужно это проверить.

— А как мы это проверим? Ты можешь соорудить какой-нибудь прибор?

— Легко. У нас же есть пара магнитофонов. Все, что нужно, — это прокрутить запись задом наперед на большой скорости, чтобы сделать инфразвук слышимым.

— Но тебе придется отрывать время от ремонта маячка времени.

Лай-Цзу удивленно взглянула на Лейстера.

— О, Ричард, — сказала она как о чем-то давно всем известном, — я думала, ты сам сообразил. Я

уже сто лет к нему не притрагивалась.

К своему удивлению, Лейстер понял, что она права. Палеонтолог знал, что Лай-Цзу оставила надежду когда-либо вернуться в свое время. Он знал это уже несколько месяцев.

Настало время идти домой. Они осторожно прокладывали себе путь, сперва спускаясь с пологой стороны обрыва, а потом пробираясь через лес. Неровно мерцал свет одного из двух уцелевших фонарей. С тех пор, как две недели назад Чак потерял третий, фонари внесли в список вещей, не разрешенных к выносу из лагеря. Но положение Лай-Цзу позволило нарушить правило. Лейстер освещал ей путь, идя на полшага впереди и чуть сбоку.

— Я скучаю по Джамалу и Далджит, — сказала Лай-Цзу.

— Они звонят каждый день.

— Это все-таки не то.

В конце дождливого сезона Далджит и Джамал покинули лагерь, чтобы на полпути встретить возвращающиеся из мест миграции стада, попытаться пересчитать животных и понаблюдать за их поведением. Они даже хотели сопровождать их с самого начала миграции и вернуться обратно весной. Однако на общем совете, обсудив все

«за» и «против», решили, что в лагере просто не хватит ресурсов для снаряжения такой экспедиции. Пришлось найти компромисс.

Стикс был притоком реки Иден, которая текла через Далекие горы (напоминающие скорее холмы) к Водяному ущелью. Там, на возвышении, как раз над миграционными тропами, и разбили лагерь Джамал и Далджит.

Две недели они ждали, когда появятся стада. Наконец с огромным волнением сообщили, что мимо них прошло около пятидесяти онейрозавров. Преследуемые тираннозаврами, они разбились на небольшие группы. Потом все опять затихло.

В просвете между деревьями показалась Дымная лощина. В хижине горел свет.

— Странно, — пробормотал Лейстер. — Они что, до сих пор не ложились?

Он и Лай-Цзу ускользнули из дома на закате, объяснив только, что вернутся поздно.

— Далджит и Джамал будут звонить, забыл? Сегодня ночью можно связаться с ними через спутник. Если днем эти двое обнаружили что-нибудь интересное, они смогут рассказать нам об этом только сейчас.

— Знаешь, этот спутник был бы намного по-

лезней, если бы почаще оказывался в пределах досягаемости. Почему нельзя запустить его на геостационарную орбиту?

— По двум очевидным причинам. Во-первых, для того, чтобы вывести его на такую высокую орбиту, понадобилось бы гораздо больше топлива. Во-вторых, геостационарная орбита совершенно не подходит для картографического спутника.

— А почему геостационарная орбита находится так высоко? Гораздо удобней было бы сделать ее пониже.

— Потому что... Да ты дурака валяешь!

— Только сейчас сообразила?

Поддразнивая друг друга, они ввалились в хижину и увидели, что остальные столпились вокруг Чака, говорящего по телефону. Его лицо было непривычно напряженным.

— Это Далджит, — сказал он. — У Джамала травма.

К счастью, травма Джамала оказалась не более чем сломанной ногой. К несчастью, она не оставила им с Далджит никаких шансов вернуться домой самостоятельно. И это в момент, когда их запасы съестного подошли к концу, а мигрирующие динозавры как раз появились на горизонте.

После горячих споров сошлись на том, что они

не могут позволить себе отпустить больше трех спасателей. Споря еще горячей, выбрали этих троих. Ими стали Лейстер как лучший знаток местности, Тамара как самый искусный охотник и Чак, потому что его выбрали первые двое.

— Почему я? — недоверчиво спросил Чак. Последнее время он несколько упал духом, потерять фонарь — дело серьезное.

— Потому что ты не дашь нам закиснуть, — сказал Тамара. Лейстер угрюмо кивнул.

На лице Чака расцвела довольная ухмылка.

Утром они собрали рюкзаки, поровну разделив поклажу — маленькую палатку, три спальных мешка, моток веревки, ножи, топорик, вяленое крокодилье мясо и пеммикан из гадрозавра, аптечку, самодельную солнечную батарею, средство от насекомых, фотоаппарат «Лейка», мобильный телефон, заряжающийся от солнца, карту и компас, пьезозажи-галку, чтобы разводить костер, крючки и леску, моток проволоки, темные очки, рулон изоленты на случай, если у кого-то развалится обувь, смену одежды, зубные щетки, полотенце, две ручки, блокнот, три бутылки воды и котелок — ее кипятить. Они три раза проверили все по списку, убедились, что ничего не забыли, и развернули карту, чтобы наметить маршрут.

— Далджит и Джамал спускались вниз по течению Стикса в долину Идена, — сказала Джиллиан. — Но сейчас, когда мигрируют стада, этот путь недоступен. Вам придется идти напрямую, по суше. — Она провела линию от Дымной лощины до Водяного ущелья. — Тут где-то миль двадцать пять.

— Всего ничего! — фыркнул Чак.

— Но больше все равно ничего не придумаешь, — рассудительно отозвалась Тамара.

— Трудно нам придется? — спросил Лейстер.

— Все время вверх-вниз, там небольшие холмы, несколько горушек. Наверняка должны быть речки, но поскольку местность покрыта лесом, спутник не смог их сфотографировать. У вас телефон со встроенной системой позиционирования. Поэтому, как только спутник покажется на горизонте, вы будете в состоянии сориентироваться по карте.

— Мы все не очень-то сведущи в лесных походах, — добавил Нильс. — Столько времени провели в долине реки, что привыкли к здешним трудностям. Но духи холмов — не духи долины. Помните об этом, ребята.

— Обязательно, — ответил Лейстер. — Вперед.

На вершине Лысого холма Лейстер достал ком-

пас, и они двинулись на юго-запад. Каждый нес в руке по одному копью, второе приторочили к рюкзаку. Все копья (кроме Тамариного Урода) имели наконечники из кости тираннозавра. Кроме этого, на левом боку Лейстера висел в специальном чехле топор. Он старательно держал компас подальше от него.

Лес сомкнулся за их спинами, и прощальные крики друзей затихли вдали.

Поход начался.

Первые несколько часов они почти не разговаривали, попытавшись стартовать по возможности быстро. Но чем дольше длилось молчание, тем больше мыслей приходило в голову Лейстера. А чем больше их приходило, тем сильнее росло желание поделиться с друзьями. В конце концов он не выдержал:

— Если тираннозавры и анатотитаны действительно общаются друг с другом — я повторяю: «если», — то что они друг другу говорят?

— Спасайся, Дороти, — проревел Чак голосом тираннозавра. — Я сожру тебя и твою собачонку!

Тамара фыркнула, пытаясь подавить смех, и сказала:

— Помните, как в прошлом году Хозяин рыскал по периметру долины, когда титанозавры съели

все вокруг и ушли? А пару дней спустя стада буквально хлынули со всех сторон?

— Ну?

— Что, если таким образом он метил территорию, как это делают хищные птицы? Утверждал свое право на долину и на все, что в ней находится. А затем, возможно, вызвал стада, сообщив им, что местность готова.

— А зачем им приходить? — спросил Лейстер, который на самом деле думал примерно так же. — Что их привлекает?

— Прекрасная, полная сочной травы долина и обещание, что, если другой тираннозавр сунет сюда свой нос, Хозяин вышибет его одним пинком. Мы же видели несколько раз, как он это делает.

— И заметьте, — продолжил Чак, — это же целый пакет услуг! Вкусное угощение, приятная компания и минимум хищников. Будь я гадром, я бы кинулся туда, не мешкая.

Они проходили сквозь участок старого-престарого леса. Стволы деревьев стояли далеко друг от друга, а землю между ними устилал мягкий, заглушающий шаги ковер из сосновых игл. Здесь путники могли тихонько разговаривать, ничего не боясь.

— Насколько мы можем предположить, — рассуждала Тамара, делая ударение на последнем слове, — существует несколько видов инфразвукового общения. К примеру, когда численность стада становится слишком велика, тираннозавры могут отсекать и отсылать прочь небольшие группы. Мы видели что-то подобное в прошлом году.

— А как они узнают о перенаселении? — живо спросил Лейстер.

— Опять инфразвук, — ответила Тамара. — Когда травоядных становится слишком много и они разговаривают без умолку, это нервирует тираннозавров.

— Только одно средство может избавить их от головной боли, — подхватил Чак, — выгнать к чертовой матери парочку-другую самых болтливых.

— Не забывайте, — сказала Тамара, — что подобные действия совсем не обязательно должны быть разумными. Муравьи, например, имеют очень сложное социальное поведение, а мозги у них мелковаты даже по меркам динозавров.

— Хорошо, а тираннозаврам какая выгода?

— Доступные жертвы. Стада слишком велики, чтобы держаться вместе, компактными группа-

ми. Им приходится разбредаться в поисках пищи. Старина Рекси может выбрать любого по своему усмотрению.

Они подошли к опушке. Впереди заблистали лучи солнца, пробивающиеся сквозь невысокую поросль. Лейстер кивнул.

— Помню, доктор Сэлли однажды назвала тираннозавров фермерами. Не это ли она имела в виду?

— Я тоже был на той лекции, — отозвался Чак. — Помнишь, она сказала, что горы танцуют под музыку зауроподов? Спорим, тут она тоже оказалась права?

— А вот это — ерунда.

— Согласна.

— Сначала послушайте! Вы ведь знаете, что континентальный дрейф не бесшумен? Огромные тектонические плато сдвигаются на пару дюймов в год, испуская длинные, протяжные звуковые волны — тот самый инфразвук. Теперь, если два онеирозавра могут слышать друг друга на расстоянии сотен миль, почему бы им не услышать и звуки движущихся гор? И выходит, их миграции могут подчиняться определенному принципу, они могут использовать эти звуки для ориентации на местности, каждый год уходя и

возвращаясь обратно. И это еще не все! Таким образом можно объяснить, почему вымерли наземные динозавры. Проводились исследования кратера Чикксулуб, и выяснилось, что астероид ударил в Землю, как в гонг. Последствия удара в виде инфразвуковых колебаний могли отзываться эхом в течение долгих лет.

— И что? — спросила Тамара.

— То, что, и так испытав огромный стресс от изменений в среде обитания, крупные динозавры вдобавок еще и оглохли. Оказались не в состоянии мигрировать. Не в состоянии разговаривать друг с другом. Они и все их окружение попали в крайне невыгодное положение. Представьте себе муравьев, потерявших способность мыслить коллективно! Примерно это и произошло с динозаврами.

Какое-то время стояла тишина. Затем Тамара сказала:

— Чак, ты превзошел самого себя.

— Безумие заразно, — заметил Лейстер. Чак заметно приуныл.

— Я имею в виду ваши идеи насчет континентального дрейфа и музыки, — продолжал Лейстер. — Но в свое время безумным казалось и

изучение мутаций ламаркианы[39].

Лицо Чака просветлело.

— Пока мы все не проверим, это не более чем остроумная гипотеза.

— Так давайте проверим!

— Как? Я не представляю. Этого ведь еще не случилось! Какой эксперимент ты можешь... — Он резко замолчал, задумавшись. Если бы они попытались каким-то образом заглушить естественный инфразвуковой фон Земли, а потом пустили фальшивый сигнал, можно было бы посмотреть, не свернет ли мигрирующее стадо в неверную сторону. Но тут нужны приборы, которые Лай-Цзу никак не сможет сварганить из остатков экспедиционного оборудования и мотка проволоки. Если бы они знали, какая часть мозга заведует инфразвуковым общением, и удалили бы ее хирургическим путем... Но это такая же фантазия, как и первое предположение. Если

---

[39] notes: 39

Одним из трех первооткрывателей законов Менделя был голландский профессор Гуго де Фриз. Он длительное время изучал энотеру — растение из семейства кипрейных. Среди многих видов де Фриз выбрал энотеру ламаркиану. Исследователь обнаружил, что среди совершенно одинаковых растений изредка возникали новые формы. Они настолько отличались по морфологическим признакам от соседних растений, что ботаники вполне могли отнести их к новому виду. Изменения оказались стойкими и передавались по наследству. Де Фриз назвал их мутациями

бы они...

Лейстер шел, механически переставляя ноги, изобретая и отвергая идею за идеей, пока не пришел к заключению, что имеющимися у них средствами они не смогут проверить теорию Чака. Проблему такой сложности можно решить только в одном, совершенно невероятном случае — если их спасут.

Он гадал — возможно ли возвращение. Оно казалось нереальным. Но все-таки возможным. В таком случае в той давней, ознакомительной лекции Сэлли просто скормила им их собственные предположения, выдав за свои. Лейстер грустно усмехнулся. Это так типично для нее!

Он поднял глаза и встретился взглядом с Тамарой. Чак оторвался и шел шагах в двадцати впереди.

— Я вспоминал ту лекцию доктора Сэлли, — объяснил Лейстер.

— Ты все еще к ней неравнодушен? — спросила Тамара тихо, чтобы не услышал Чак. Лейстер не удивился легкости, с какой она проникла в его мысли (может быть, даже глубже, чем он сам). Тамара была проницательной девушкой, да и секретов друг от друга они почти не держали.

— Нет, тогда все произошло случайно. И я давно

об этом забыл.

— Понятно, — дружелюбно сказала Тамара.

— Эй, смотрите! — крикнул Чак. — Впереди просвет! Там поляна!

Поляна заросла цветами и низеньким, по колено, кустарником. Чак, насвистывая, шел впереди, за ним следовал Лейстер, замыкала шеренгу Тамара — копье в одной руке, компас — в другой.

Из-под земли с шумом вырвались две птицы.

Самец — они поняли это по оранжевым отметинам на крыльях — попытался вцепиться Тамаре в голову. Она отшатнулась, бестолково размахивая копьем. Птица, испугавшись, отлетела и кинулась на Чака.

Самка в это время набросилась прямо на Лейстера — челюсти на изготовку. Цепляясь когтями, она мгновенно вскарабкалась по его штанам и рубашке. Прежде чем Лейстер успел что-то понять, зубастый клюв впился прямо ему в лицо.

— Снимите ее с меня! — завопил он.

Это был один из видов археоптериксов, величиной примерно с ворону. Повиснет такое на груди — не обрадуешься. Лейстер пытался стряхнуть злобную тварь, но она только крепче вцепилась когтями в ткань и продолжала долбить его клювом.

— Снимите ее с меня! Снимите!

Не видя ничего вокруг, он кинулся в лес. Чак тоже побежал, спотыкаясь и отмахиваясь шапкой. Самец метался между ним и Тамарой, пытаясь угодить клювом в глаза. Тамара рванулась, продираясь сквозь кусты, к краю поляны и скрылась в лесу.

Когда Лейстер оказался в чаще, птица ослабила хватку и поднялась в воздух. Испустив через плечо несколько злобных проклятий, она полетела к своим птенцам.

Лейстер, постанывая, выпрямился. Оглядевшись, он увидел смущенные лица друзей. Чак растерянно улыбался.

— Ну что ж, — подытожила Тамара, — на этот раз мы не покрыли себя славой.

— Данный эпизод не войдет в автобиографию, — предложил Чак, — согласны?

— Полностью.

У Лейстера оказались искусаны обе руки и правая щека, ранки болели, как порезы от бритвы.

— Предлагаю обойти эту полянку стороной. Зубастые птицы редко гнездятся одни. На поляне могли быть десятки других пар.

— Давайте перебинтую ваши раны, — сказала Тамара, доставая бутылку воды и промывая боль-

шую царапину на лбу Чака. — Пока запах крови не привлек кого-нибудь посерьезнее.

Лейстер согласно кивнул. С того места, где он стоял, все еще виднелась поляна, ярко освещенная солнцем и обрамленная деревьями. Просто картинка викторианской эпохи, изображающая райские кущи. И так же, как в рай, они не могли вернуться туда. Сколько могут весить эти птицы? Граммов двести — двести пятьдесят, не больше. Смешно, особенно если учесть, что они находятся в мире, населенном хищниками весом более восьми тонн. Но Лейстер не засмеялся. Он вдруг почувствовал, что их путешествие окажется отнюдь не таким безопасным, как это казалось дома.

15
АДАПТАЦИЯ

Терминал-Сити: телезойская эра, эогнотский период, афразийская эпоха, орогенианский век. 50 млн. лет н. э.

На расстоянии Терминал-Сити выглядел великолепно. Однажды, во время тура по библейским местам, Молли Герхард побывала в Петре, «городе лишь вполовину моложе времени»[40]. Тогда она решила, что ничто не может быть прекрасней вырубленных в скалах фасадов с колоннами и изящных крыш, вытесанных из камня.

Она ошибалась.

Вид холодного Эджина, текущего по расселине между золотыми зданиями Терминал-Сити, освещенными ярким полуденным солнцем, наполнял ее тем же ликующим восторгом, какой испытывает ребенок, впервые увидевший воздушный шар. У нее просто перехватывало дыхание. Когда Молли закрывала глаза, река и горы исчезали,

---

[40] notes: 40

Цитата из поэмы английского поэта и священника XIX века Дина Бергена (Dean Burgen) «Петра»

но здания оставались, навеки запечатлевшись в ее памяти.

Это снаружи. А внутри...

Внутри Терминал-Сити выглядел как плохо освещенный пакгауз. Похожие на средневековых монахов Неизменные скользили по извилистым коридорам настолько неслышно, что Молли вздрогнула, когда один внезапно вырос из темноты. Указатели на стенах лабиринта отсутствовали. Неизменные и так знали, куда идти.

Однако находить выход было частью ее работы. Молли мысленно представила себе схему основных коридоров и повела доктора Сэлли туда, куда та попросила, заметив про себя, что Гертруда в еще худшем настроении, чем час назад.

— Зачем мы туда идем? — спросила Молли.

— Потому что я прошу.

— А почему ты просишь?

— Потому что хочу кое-что показать.

— Что именно?

— Придем — сама увидишь, — коротко ответила Сэлли. Что-то невидимое наполняло ее энергией и вело прямо к цели, причем Молли не сомневалась: это «что-то» напрямую связано с Гриффином.

Но по причине или без, Сэлли была зла, как

мегера. Указав рукой на серые, голые стены, она возобновила давно начатый ею монолог:

— Вот это я понимаю. Все здесь так же просто, как в осином гнезде, и настолько же функционально. Ничего, кроме самого необходимого. Внутренность именно такая, какой она должна быть. Что меня смущает, так это почему снаружи все сделано из золота.

Последнее слово она произнесла с отвращением, будто общепризнанная красота металла ранила ее эстетическое чувство.

— Я думаю, что...

— А ты не думай.

Сэлли ускорила шаги, она почти бежала, слегка касаясь стены пальцем. На неискушенный взгляд Молли стены были бетонными. Но нет, Сэлли сказала, что они из прессованного коралла, выращенного скорее всего искусственно, специально для этих целей. Они миновали несколько открытых дверных проемов, в которых мелькали то заросшая папоротником лужайка, то сводчатый подвал, заставленный вагонами метро и садовыми гномами, то бесконечный ряд офисных шкафов, набитых аккуратно уложенными салатными вилками. Про вилки Молли знала точно, потому что Сэлли заскочила в комнату и сунула

нос в несколько ящиков.

Никогда в своей жизни Молли не попадала в более странное место. Не столько город, сколько частный музей какого-то безумного коллекционера.

— Я думаю, — повторила она с нажимом, — что золото просто-напросто наиболее функционально.

Ее отец был инженером-электриком, и она унаследовала от него склонность к логическому мышлению.

— Золото — прекрасный проводник. Река, протекающая через город, несет огромный статический заряд. Может быть, сооружение в целом является своего рода электрическим генератором. Если это действительно так, они получают всю необходимую им энергию «не отходя от кассы».

— А ты не так тупа, как прикидываешься, — нелюбезно отозвалась Сэлли.

Молли прикусила язык. Сэлли явно что-то знала, и следовало выяснить, что именно.

Мимо прошествовали пять Неизменных, не удостоив их ни словом, ни взглядом. Один нес огромный красный гриб в глиняном горшке. Другой тащил обломок этрусской скульптуры. Еще двое неуклюже буксировали красно-белый

мотоцикл. Последний держал в руках граммофон из красного дерева и меди. Ничего из того, что видели две женщины, не принадлежало к их будущему. Здания были оборудованы системами, не допускающими подобных просчетов.

Когда Неизменные прошли, Сэлли громко втянула носом воздух.

— Чуешь что-нибудь?

— Нет, ничего.

— Вот и я ничего.

— Ну все, дорогая, — сказала Молли, — хватит. Ты выиграла, ты умная и все такое прочее. Кончай играть в молчанку. Почему ты не можешь просто объяснить мне, в чем дело?

Ей нестерпимо хотелось хорошенько треснуть Сэлли.

— Все данные перед тобой, — самодовольно ответила та. — Сделать выводы смог бы даже студент.

Коридор вильнул и раздвоился. С трудом подавив желание прихлопнуть Сэлли на месте, Молли Герхард выбрала широкий, ведущий вниз проход.

Чем глубже они спускались, тем больше Неизменных, неотличимых друг от друга как рабочие пчелы, попадалось им навстречу. Они были одеты

в балахоны, похожие на те, что носят буддистские монахи. Только не оранжевые, а белые. В тусклом коридоре казалось, что ткань светится.

— Они безумно похожи на людей, правда? — внезапно спросила Сэлли.

— Ну... да. Конечно.

На самом деле Молли думала, что они прекрасны и безлики, как ангелы. Это Гриффин, будучи католиком[41], придумал такое сравнение. Молли же исповедовала баптизм[42]. Неизменные пугали ее. Отсутствие в них подозрительности или хотя бы простого любопытства раздражало. Они казались наполненными спокойствием и предопределенностью.

— Я имею в виду, Неизменные должны быть млекопитающими, так? Они явно сродни людям. — Молли заколебалась. — Разве нет?

— Как ты думаешь, сколько их здесь? — вместо ответа спросила Сэлли.

— Здесь, в городе? Что-нибудь около сотни тысяч? Или двух сотен?

---

[41] notes: 41

Католицизм — одно из основных направлений в христианстве. Разделение христианской церкви на католическую и православную произошло в 1054 г

[42] notes: 42

Баптизм — одно из наиболее крупных течений протестантизма, основанное в Европе в начале XVII в

— По-моему, — уже открыто насмехаясь, ответила Сэлли, — ответ лежит на поверхности.

Они дошли до участка, где коридор делился на пять ответвлений. Место показалось Молли незнакомым. Она остановилась, пытаясь решить, куда двигаться дальше. Два коридора были слишком узкими, третий вел вниз. Молли прислушалась к четвертому: тишина. В пятом послышались шаги. То что нужно.

— Значит, ты не станешь объяснять? — спросила Молли, когда они спускались. — Тебе приятней морочить мне голову и смеяться, когда я пытаюсь расшифровать твои намеки?

— Ага.

— Начинаю понимать, почему столько людей находят тебя совершенно невозможной.

Сэлли резко остановилась.

— Невозможной? — спросила она. — Что ты имеешь в виду?

Из темноты появился очередной Неизменный, ведя на поводу животное — несомненно, хищное, ростом с крупную лошадь и длиной около пятнадцати футов. У зверя была черная пасть, отвратительная, похожая на гиенью, морда, длинная челюсть, острейшие зубы и тупые поросячьи глазки. Огромная голова повернулась,

когда Молли проходила мимо, и та в страхе прижалась к стене. На секунду она представила себя тем, чем видит ее этот громадный хищник: куском мяса. Для него Молли лишь маленькая — на два глотка — обезьянка, легкая закуска, которую он с удовольствием съел бы, если бы не контролирующий его ошейник.

Когда животное прошло, в воздухе повисло сильное зловоние.

— Господи! — воскликнула Молли. — Что это было?

— Эндрюзархус, — нетерпеливо сказала Сэлли. — Поздний эоцен, обитал в Монголии. Самое большое хищное млекопитающее. Он бы мог поедать львов на завтрак.

Сэлли поглядела зверю вслед.

— Правда хорошенький?

— Сомневаюсь. По-моему, он отвратительный.

Заметив, что настроение Сэлли улучшилось, Молли возобновила расспросы:

— Что ты хочешь увидеть? Это как-то связано с Неизменными?

— О да! — Все тот же высокомерный взгляд. — Не скрою, мне понадобилось время, но теперь я их вычислила. Я знаю, кто они такие. И ты узнаешь через несколько минут, если будешь послушной

девочкой, идет?

Коридор неожиданно кончился. Они стояли в пещере.

— Мы что, уже пришли?

Они находились в самом сердце Терминал-Сити.

Здесь, глубоко под руслом реки, таился ряд бесконечных дверей. Каждая из них вела в какой-нибудь из выходов временного туннеля, скрывала свое время, свою эпоху. Казалось, здесь собралась вся энергия огромного города-здания, пульсируя так глубоко и низко, что ее биению вторил весь мир. Открываясь и закрываясь, грохотали в темноте ворота туннелей. Шум стоял оглушающий.

Сэлли глубоко вдохнула.

— Уже совсем близко.

Все, что появлялось в этом темном помещении из гранита и стали, пахло по-своему. Бензин и смазочное масло. Креозот и соляной раствор. Шерсть и навоз. Сэлли нюхала их, продвигаясь от двери к двери. Из всего, что проходило через каждую, только Неизменные не имели запаха.

Это о чем-то говорило. Но вот о чем?

Они подошли к дальней стене зала. Ближайший временной туннель находился в нескольких

шагах, но проход к нему заблокировал Неизменный. Он смотрел на них с готовностью, но без малейшего интереса.

Кругом было полно туннелей, но охранялся лишь этот. Для Молли, всю жизнь занимавшейся толкованием людских поступков, это выглядело более серьезным предупреждением, чем любое проявление силы. Само присутствие охраны говорило о том, что они вряд ли попадут в туннель.

— Ну, вот мы и пришли, — сказала она. — Что ты хотела мне показать?

— Это.

Сэлли коснулась шеи, и в тот же миг что-то упало в руки Молли Герхард. Перерезанный ошейник. Молли подняла глаза в момент, когда Сэлли, махнув кусочком бумаги, проскочила мимо Неизменного.

— Эй, эй! — закричала Молли и рванулась следом. Путь ей тут же преградил Неизменный.

— У вас нет права доступа.

— Она тоже не имеет права сюда проходить! Остановите ее!

— У вас нет права доступа.

— И у нее нет! То, что она вам показала, — или фальшивка, или украдено!

Молли хотела проскочить мимо охранника,

потом вспомнила, с какой легкостью два Неизменных тащили между собой тяжелый мотоцикл, и поняла, что лучше не пробовать.

— У вас нет права доступа.

— Вы меня не слушаете!

— У вас нет права доступа.

Сэлли рванула железную дверь ближайшего временного туннеля, шагнула внутрь и повернулась лицом к входу.

— Подожди! — крикнула Молли. — Куда ты собралась?

— В одно интересное местечко.

Сэлли помахала кончиками пальцев.

— Приветик.

Дверь захлопнулась.

— Черт, — сказала Молли Герхард.

Что бы ни выкинула Сэлли, отдуваться за нее придется Гриффину.

Гриффин стоял перед своим коттеджем, глядя на то, что осталось от костра. В центре валялись искореженные пружины, в которых Молли узнала останки матраса. Рядом, сморщив нос, переминался с ноги на ногу Джимми. Гриффин даже не поднял глаз при ее появлении.

— Она ушла, — сказал он.

— Я знаю, — ответила Молли. — Я довела ее до

временного туннеля.

Гриффин зарычал себе под нос.

— Может быть, она вернется, — предположил Джимми. — Женщины переменчивы.

— Она не вернется. Знаю я, как это бывает, два развода пережил.

Гриффин прикрывал рукой запястье. Медленно, с видимым усилием он разжал ладонь и посмотрел на часы. Судя по всему, без особого толку.

— Ну? — спросил он.

Молли, не уверенная в том, что Гриффин хочет услышать, предпочла промолчать.

— Куда она ушла? Почему именно туда? Что она знает, чего не знаем мы?

— Я не поняла...

Джимми сощурился на солнце.

— Давайте зайдем куда-нибудь, — предложил он. — Здесь слишком жарко.

Они пошли в паб. Это не настоящий паб, заметил Джимми, скорее слепок с американского подражания пабам. Молли было все равно. По крайней мере здесь чисто.

Гриффин, сгорбившись, сел у барной стойки. Похоже, ему стоило пропустить стаканчик. Молли слышала, что у него возникали проблемы с выпивкой, хотя за все годы совместной работы

никогда не видела Гриффина с рюмкой в руке.

Сама она села за стол, Джимми встал у окна.

Молли подумала, как обрадовалась бы Сэлли, узнав, что после своего ухода она занимает их мысли гораздо больше, чем раньше. Гертруда Сэлли входила в число людей, дискредитирующих свои собственные идеи силой, с которой они их навязывают. Теперь, когда ее не было рядом, они могли спокойно обсудить ее предположения и, возможно, прийти к выводу, что она права.

— Сэлли — ключ ко всему, — сказал Молли.

— Как это? — холодно поинтересовался Джимми.

— Она обо всем догадалась. Что происходит. Почему тормозят переговоры. Обо всем.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Она еще умней, чем о ней говорят.

Гриффин вздохнул, встряхнулся, выпрямился. «Тик-так», — подумала Молли. Он напомнил ей включившийся механизм. По этой причине она и ушла с работы — ей не нравилось, что система делала с людьми, как она ожесточала и ломала их душу. Между тем Гриффин взял разговор в свои руки.

— Мы забежали вперед. Давайте-ка вспомним

порядок событий.

Гриффин начал первым, поведав о том, как он после очередного тура бесплодных переговоров вернулся в коттедж, чтобы обнаружить исчезновение Сэлли и своего специального допуска. Затем Молли рассказала, как сопровождала Сэлли к временному туннелю.

— Я не могла предположить, что она выкинет, — смущенно объяснила Молли. — Я и не догадывалась, как дьявольски она хитра.

— Куда она отправилась? — спросил Гриффин.

— Не имею понятия. Видимо, в будущее. С вашим пропуском она могла поехать куда угодно. Если бы Сэлли вернулась в кайнозой или мезозой, Старикан был бы уже здесь. А поскольку его нет...

Молли пожала плечами.

— Как далеко в будущее?

— Не знаю.

— Ты можешь найти туннель, которым она воспользовалась? — спросил Джимми.

Молли закрыла глаза, вспоминая.

— Да.

— Тогда мы можем догнать ее.

— Что? Как?

— Ну, у нас есть свои способы. Честно говоря,

о некоторых из них я не имею права даже догадываться...

— Нет, — сердито оборвал Гриффин своего адъютанта. Затем снова обратился к Молли: — Почему Сэлли отправилась в будущее? Что она хотела там найти?

— Трудно сказать. Но всю дорогу она толковала о конце линии. Об истинных хозяевах путешествий во времени в миллионах и миллионах лет от Терминал-Сити.

— Она так сказала?

— Не впрямую. Старалась не проговориться, но это было нелегко. Намекала то так, то этак.

— Это правда, — подтвердил Джимми. — Идеи у нее бьют через край.

— Через некоторое время я бросила попытки добиться прямого ответа и просто стала анализировать ее оговорки. Мне кажется, я нашла в них кое-какой смысл.

— И какой же? — насторожился Гриффин.

— Она постоянно переводила разговор на то, как здесь тихо. Как все неиспорченно влиянием разумных существ. Говорила, что собирается уйти подальше, посмотреть дикую природу, но не отреагировала на сообщение о том, что в здешней экосистеме абсолютно нет крупных животных.

Мне кажется, Сэлли считала, что они вымерли после какого-то серьезного события, и не хотела, чтобы мы тоже об этом догадались.

— Она и мне намекала на тишину, — вспомнил Джимми. — Но я не придал этому значения.

Молли подумала, что она с самого начала была невысокого мнения об умственных способностях Джимми. Непонятно, зачем Гриффин взял его сюда.

— Это имеет огромное значение, — ответила она. — Это значит, что у животных просто не было времени адаптироваться к новым условиям.

— Не понял, — сказал Джимми.

— Эволюция, — пояснил Гриффин, — не похожа на стрелочку из учебника, где на одном конце выползающая из воды рыба, а на другом — белый мужчина в деловом костюме. Она развивается по всем направлениям, где есть возможность занять пустующую нишу. В обычных условиях таких ниш просто не существует. Пустынная мышь, забредая в поля, встречает там мышей полевых. Она не может собирать зернышки так же быстро и прятаться от сов и лис так же ловко, как они. Ей остается лишь вернуться в пустыню или умереть. Но после крупных катаклизмов пустующие ниши, свободные от хищников и конкурентов,

оказываются повсюду. Поэтому представители одного и того же вида могут эволюционировать в разных направлениях, стараясь заполнить их. Они увеличиваются, они уменьшаются, они учатся лазить по деревьям. Глазом моргнуть не успеешь, а уж кругом мыши размером с зайца, мыши размером с бегемота, мыши-бизоны, а также саблезубые мыши и мыши-медведи, чтобы охотиться на всех остальных. Это достаточно быстрый процесс, требуется всего-навсего около десятка миллионов лет, чтобы ниши заполнились заново. Поэтому тот факт, что здесь они пустуют, дает возможность утверждать, что Земля пережила какой-то катаклизм, и это время не может быть родным временем Неизменных.

Он нахмурился.

— Я бы и сам это заметил, не будь я так занят переговорами.

— В общем, — сказала Молли, — вы согласны.

— И что из этого? — спросил Джимми.

— То, что Терминал-Сити — всего-навсего карантинная станция для животных, пересылаемых затем куда-то еще, а также склад различных предметов, которыми пользуются лишь иногда.

— Погоди. Если Неизменные — наши потомки, как же они могли не пережить каких-то там

событий?

— Сэлли предполагает, что они не наши потомки.

— Но они выглядят как люди!

— Она тоже так говорила. И еще о том, что они не пахнут. Сэлли так часто к этому возвращалась, что я задала себе вопрос, какой же живой организм не имеет запаха.

Молли помолчала, ожидая, что Джимми задаст вопрос.

— Ну? — спросил вместо него Гриффин.

— Искусственный. Неизменные пришли к нам с приборами для странствий по времени в одной руке и правилами пользования — в другой. Естественно, мы решили, что они и есть их изобретатели.

— Елки-палки! — воскликнул вдруг Джимми. — Поглядите-ка на эту образину!

Молли обернулась и посмотрела в окно. Нелепый длинномордый хищник медленно шествовал вдоль берега реки.

— Я видела такого в Терминал-Сити! Он меня до смерти напугал.

— Это всего-навсего эндрюзархус, — раздраженно сказал Гриффин. — Потому и большой! Кто-то же должен быть большим, и нечего из-за этого

такой шум поднимать! Сядь, Джимми. На стул, спиной к окну.

Джимми покорно повиновался.

— Продолжай, — обратился Гриффин к Молли.

— Да, собственно, все. Во всяком случае, идея Сэлли объясняет, почему все Неизменные одного роста, вида и размера и так нам симпатичны. Они просто сконструированы для этой работы — контактов с нами. А еще понятно, почему переговоры зашли в тупик. Мы не с теми разговариваем. Это не наши спонсоры, это их слуги, роботы.

Некоторое время стояла тишина. Затем Гриффин сказал:

— Нам надо поговорить с Неизменными.

Дверь открылась.

Вошел Неизменный.

— Я нужен вам, — сказал он. — Я здесь.

— Да, — ответил Гриффин. — Только толку в тебе...

Неизменный молчал, глядя на них вежливо и бесстрастно. Молли вспомнила, как Гриффин однажды сказал ей, что одно из главных орудий в переговорах — утомление. Крепкая задница, объяснил он, для чиновника не менее важна, чем для шахматиста. Множество соглашений заключили функционеры, не боявшиеся пережевывать одно

и то же в семнадцатый раз. Но даже Гриффин не мог пересидеть Неизменных, а тем более вызвать у них интерес или испуг. Они не выказывали никаких эмоций.

— Мы говорили о вас, — сказал Гриффин, — и предположили, что это не ваше настоящее время.

— Я здесь. Время всегда настоящее.

Гриффин ухмыльнулся. Он боец, подумала Молли, а это его поле битвы. Как бы огорошен он ни был пять минут назад, возможность победить все-таки вернула его боевой дух.

— Хорошо, мы предположили, что вы — искусственная конструкция. Это правда?

— Да.

— И каким же образом вас создали?

— Я был выращен из генетического материала человека, измененного в соответствии с поставленными передо мной задачами.

— Кто вас сделал?

— Я не уполномочен сообщать вам об этом.

— Тогда мы должны поговорить с вашими хозяевами.

— Это не в моей компетенции.

— А в чьей?

— Я не уполномочен обсуждать подобные во-

просы.

«Тик-так», — опять подумала Молли. Неизменный оказался всего лишь машиной, не больше. И не меньше. Они могли проторчать тут сколько угодно и все равно ничего бы не добились.

К несчастью, Гриффин действительно оказался бойцом. Понадобилось три часа бесплодных переговоров, чтобы он наконец сдался.

— Вы можете хоть что-нибудь решить? — наконец спросил он. — Есть у вас хоть какие-нибудь полномочия? Имеете вы право в особых обстоятельствах переместить нас в будущее?

— Нет.

— Тогда вали отсюда, — с отвращением сказал Гриффин.

Неизменный двинулся к выходу. Внезапно Молли вспомнила еще один из намеков Сэлли.

— Скажите-ка, — поспешно обратилась она к Неизменному, — сколько вас здесь?

Он остановился.

— Я один.

— Нет, нет, не здесь, в пабе, а в Терминал-Сити? И во всем здешнем мире? И в любом мире любой эры?

— Один, — ответил Неизменный. — Я единственный. Я выполняю все задания, все поруче-

ния, все функции, все, что должно быть сделано. Только я. Один.

Когда Неизменный вышел, Молли сказала:

— Вот так.

— Что меня бесит, — отозвался Гриффин, — так это то, что в Пентагоне наверняка знали обо всем с самого начала, но не сочли нужным поделиться с нами.

Джимми почесал голову.

— Разрешите мне действовать. Он ведь только один.

— Да. Один-единственный индивидуум, прокрученный сквозь время тысячу, миллион, сколько угодно раз, чтобы выполнить всю необходимую работу.

— Как та старая идея, что существует только одна субатомная частица, которая движется от одного края времени до другого и обратно, формируя вселенную?

— Да.

Джимми встал, со скрежетом отодвинув стул.

— Тогда я знаю, что делать. Соберите все, что вам понадобится. Мы отправляемся.

Уже стоя в самом центре Терминал-Сити и глядя на безучастного стража, Гриффин мягко спросил:

— Что у тебя за план, Джимми? Надеюсь, мы не должны проходить мимо него? Хотя без моего специального допуска это все равно невозможно.

По спине Молли пробежал холодок. Без допуска они не сумеют приблизиться ни к одному временному туннелю, даже если захотят попасть домой.

— Как же быть? — прошептала она.

— Не извольте беспокоиться, — сказал Джимми. — Смотрите лучше, как такие проблемы решаются в Белфасте.

Не торопясь, но и не очень медленно он приблизился к стоящему на часах охраннику.

— Простите, можно вас на минутку? Я только хотел...

Джимми поравнялся с Неизменным. И в ту же секунду стремительно выбросил из кармана руку, которая скрылась за спиной существа и мгновенно вернулась обратно.

Крови почти не было. Только алое пятно на балахоне в том месте, где из спины Неизменного торчала ручка ножа.

Он упал — молча и тихо.

Неизменный был мертв.

— Если он только один, — откомментировал Джимми, — то должен когда-нибудь умереть. И если он умер сейчас, то это легкая смерть.

Вперед!

Он первым двинулся к туннелю.

16
ПРИНЦИП ПОПУТЧИКА

Холмы затерянной экспедиции: мезозойская эра, меловой период, сенонская эпоха, маастрихтский век. 65 млн. лет до н. э.

На закате они поставили палатку в рощице, под сенью сикомор, и уснули почти мгновенно.

Утром Чак, посвистывая, полез наружу. Внезапно свист оборвался. Голова Чака снова появилась в палатке, он прошептал:

— Не делайте резких движений и не кричите. Возьмите вещи и вон отсюда. Быстро!

— Я надеюсь, это не одна из твоих... — начала Тамара, вылезая из палатки с копьем в руке и в наполовину застегнутой рубашке. — О черт!

Стадо гейстозавров медленно заходило в рощу. Сосчитать их при неярком утреннем свете было трудновато, но с первого взгляда было понятно, что здесь не меньше сорока штук. Животные не спеша щипали листья с нижних ветвей сикомор.

Гейстозавры обладали очень белой, какой-то смертельно бледной кожей, испещренной черными пятнами, вокруг глаз — широкие черные

круги. Казалось, это должно производить комичное впечатление, но на самом деле такая окраска вкупе с абсолютной тишиной, окружающей животных (гейстозавры были немы от природы), придавали им жутковатую торжественность — как будто огромные привидения явились сюда из запредельных земель.

Путешественники не рискнули даже отползти в сторону. Любое крупное животное потенциально опасно, и хотя гейстозавр не более агрессивен, чем, например, буйвол или як, он, несомненно, намного больше. Спугни одного — и все понесутся не разбирая дороги.

Залезать на деревья тоже не было смысла. Так можно спастись от цератопса, но не от гадрозавра. Встав на задние ноги, гейстозавр дотянулся бы почти до верхних ветвей, а те, в свою очередь, потряс бы так сильно, что никто бы не удержался.

Вот они и сидели несколько часов, скорчившись среди корней сикомор и стараясь стать как можно более незаметными, пока нереальные черно-белые гиганты прокладывали себе путь сквозь рощу: бледные звери среди бледных стволов.

— При других обстоятельствах, — еле слышно пробормотал Чак, — я бы наслаждался зрелищем. У нас билеты в первом ряду.

— Я не могу определить социальную структуру группы, — прошептал в ответ Лейстер. — Обычно взрослые особи меньших размеров подчиняются тем, кто крупнее. Но тут...

— Не будете ли так вы любезны заткнуться? — прошипела Тамара. — Или хотите их спугнуть?

И тут зазвонил телефон.

Динозавры все как один испуганно подняли головы. Потянулись бесконечные, леденящие душу секунды. Животные не двигались. Телефон продолжал звонить: чужой непонятный звук, не похожий ни на один, слышанный ими ранее.

Гейстозавры испугались.

Они сорвались с места разом, как стая голубей. В следующий миг животные оказались повсюду — ужасающе огромные и страшные. Сперва на четыре ноги упали детеныши и понеслись во все стороны, за ними последовали взрослые, гоня молодняк впереди себя.

Мечась в ужасе, один из гейстозавров пнул палатку, взлетевшую на добрых шесть футов в воздух. Когда она упала на землю, роща была пуста.

Телефон продолжал звонить.

Лейстер с трудом поднялся на трясущиеся ноги, все мышцы свело судорогой. Он открыл рюкзак и

достал трубку. Ему понадобилась минута, чтобы ее развернуть.

— Да?

— Привет, это я, Далджит. Нам только что звонила Лай-Цзу, она соорудила аппарат для прослушивания инфразвука и... А вы, кстати, где?

— Мы прошли меньше, чем собирались. Попытаемся наверстать сегодня днем. Как Джамал?

— У меня всего-навсего сломана нога! — прокричал Джамал на заднем плане.

— Боюсь, началось воспаление, — сказала Далджит. — Вы не забыли антибиотики?

— Нет, конечно.

Лекарства заканчивались, о чем Лейстер предпочел умолчать.

— А тут у нас Чак выдвинул теорию.

— Неужели? И какую?

— Встретимся — он вам все уши прожужжит. Ты лучше расскажи поподробнее про инфразвук.

Пока Лейстер слушал, Чак и Тамара собирали разлетевшиеся вещи.

— Нам повезло, — сказала Тамара, — кроме подпорки от палатки, ничего не сломалось. Надо будет заменить ее подходящей палкой.

— Слава Богу, — отозвался Лейстер.

Медленно, но верно они расставались с веща-

ми, привезенными из родного времени. Сначала вышел из строя душ, затем электронные игры и музыкальный центр — в них попросту сели батарейки. Вскоре потерялся нож, затем расческа и другие вещи, без которых изгнанники испытывали серьезные неудобства. Когда сломался один из фотоаппаратов, Патрик неделю ходил чернее тучи.

Шаг за шагом теряли они связь с веком машин и все глубже соскальзывали в век каменный. Это пугало не только своей неизбежностью, но и отсутствием у них, детей цивилизации, умения выживать в примитивных условиях. Ник потратил большую часть сезона дождей на то, чтобы сделать лук, и потерпел полное фиаско. Он не смог даже ровно обстругать палки для стрел.

— Пойдем, — сказал Лейстер, застегивая рюкзак. — По дороге расскажу вам про инфразвук.

Лай-Цзу, как и обещала, смонтировала из двух магнитофонов свое устройство. При первом же использовании исследователи обнаружили, что долина полна недоступных человеческому уху разговоров. Большинство записей были невероятно интересными.

— Они поют! — рассказывала Далджит Лейстеру. — Нет, не так, как киты. Намного ниже и

глубже. Это что-то уникальное! Лай-Цзу включила нам запись по телефону. Джамал говорит, что ее надо размножить — фирмы звукозаписи наверняка заинтересуются.

— Это шутка! — донесся голос Джамала.

— А вот и нет, ты не шутил. И еще Лай-Цзу, к счастью, использовала два записывающих устройства. Если поставить одно около тираннозавра, а другое — около кого-нибудь из травоядных, можно записать обоих, прокрутить две записи одновременно и посмотреть, похоже ли это на межвидовое общение.

— И когда они это сделают?

— Ну, об этом, наверное, рано говорить...

— Не мучай его, Далджит, — сказал Джамал.

— Ладно, ладно, уже сделали. Очень похоже.

Когда Лейстер закончил пересказывать разговор с Далджит, Тамара воскликнула:

— Здорово!

— Да ладно! — кукольным голосом пропищал Чак. — Как вы можете так восхищаться тем, что мы и так подозревали, а не моей теорией? Признайте же наконец, она включает в себя все: вымирание динозавров, континентальный дрейф, инфразвук и так далее.

— Да, но это всего-навсего и-де-я! Не обижайся,

Чак, но идею может предложить любой. То, что сделали дома ребята, гораздо ценнее. Они доказали факт! Понимаешь, открыт секрет, который природа хранила бы вечно, если бы не Лай-Цзу. Это как заглянуть в глаза Богу.

— Я согласен с Тамарой, — поддержал Лейстер. — Луи Агассис[43] как-то написал, что установленный факт так же свят, как и моральный принцип.

Чак пожал плечами.

— В любом случае они установили, что различные виды динозавров общаются между собой при помощи инфразвука. Я расцениваю это как первый шаг к доказательству моей идеи.

— Стоп, стоп, стоп! — воскликнул Лейстер. — Так в науке не делается! Сначала ты собираешь данные, потом анализируешь их и лишь после этого выступаешь с гипотезой и планом ее доказательства.

— Ага, а потом другие ученые вылезают с идиотской критикой и заставляют тебя доказывать все снова и снова, — сказала Тамара. — Я даже имена могу назвать, если ты хочешь. Твоя система, Лейстер, хороша в теории. А в жизни все по-другому.

---

[43] notes: 43
Агассис Жан Луи (1807 — 1873) — швейцарский естествоиспытатель

— Когда я вырасту, обязательно поеду в Теорию, — задумчиво произнес Чак. — Там все всегда хорошо.

— Иногда вы, ребята, заставляете меня сомневаться, могу ли я вообще чему-нибудь научить. Вы не можете доказать гипотезу, вы можете только проверять ее снова и снова. Если по прошествии времени она выдержит все попытки опровержения, вы можете утверждать, что данная гипотеза устойчива и требуется огромная масса данных, чтобы ее поколебать. Например, теория о том, что микробы разносят болезни. Казалось бы, она неоспорима. Миллионы людей каждый день подтверждают ее своими жизнями. Однако она не доказана; это лишь самое подходящее объяснение того, что мы знаем.

— Прекрасно! Учитывая то, что знаем мы, я утверждаю, что моя теория — самое подходящее объяснение гибели динозавров.

— Она слишком громоздка. Возможно, есть объяснение попроще.

Споря, но не забывая настороженно поглядывать по сторонам, они преодолели очередные пять миль пути через лес.

Путники шли полузаросшей тропой, протоптанной когда-то гадрозаврами. Внезапно лес

расступился, они оказались на краю освещенной солнцем поляны. Судя по всему, здесь недавно паслись стада, съевшие подчистую всю растительность. Теперь поляну покрывала свежая, едва проклюнувшаяся поросль, на нежно-зеленых молодых побегах распустились белые цветы. Невдалеке бежал ручеек. На противоположном его берегу стояло несколько цветущих магнолий, наполняя воздух благоуханием.

Неожиданно послышалось птичье стрекотание. Они переждали несколько секунд, затем сделали осторожный шаг вперед. За ним другой.

Все было спокойно.

Лейстер устало стянул рюкзак и, бросив его на землю, предложил:

— Давайте устроим привал.

— Предложение принимается, — отозвалась Тамара.

— Все «за», воздержавшихся нет, — подытожил Чак и плюхнулся на траву.

Они составили рюкзаки вместе и сели, привалившись к ним и разбросав ноги. Лейстер закатал брюки и проверил — нет ли на ногах клещей. Чак стянул ботинок.

— Ну-ка дай посмотреть! — скомандовала Тамара. — Да у тебя подметка практически отлетела!

Что же ты молчишь?

— Не хотел терять времени на починку. Идти ведь совсем немного осталось.

Лейстер уже доставал из своего рюкзака моток изоленты.

— А это на что?

Ботинок был уже чиненный, но старая лента отклеилась. Лейстер намотал новый слой там, где подошва соединялась с верхом.

— Вот. Какое-то время продержится. Чак покачал головой.

— Нам придется заняться изготовлением обуви.

— Легко сказать, — ответил Лейстер. — Мы не можем дубить кожу, потому что не нашли ничего хотя бы отдаленно похожего на дуб. Или другое растение, содержащее танин.

Некоторое время стояла тишина, потом Тамара лениво сказала:

— Эй, Чак!

— А?

— Ты всерьез веришь, что от метеорита Земля загудела, как гонг?

— А что тут такого? Земля продолжает вибрировать от двух до трех недель после каждого крупного землетрясения, а тут сила удара пре-

восходила землетрясение во много раз. Конечно, большая часть этой силы преобразовалась в тепло и другие формы энергии, но даже если десятая доля процента перешла в вибрацию, этого достаточно, чтобы заставить Землю звенеть на протяжении сотен лет.

— О!

— Единственный вопрос — как повышение температуры повлияло на состояние земной коры? Если она стала более вязкой, то могла несколько погасить волны вибрации. Но я так не думаю. Хотя готов выслушать любые предположения, если они подтверждаются данными.

Лейстер улыбнулся. Чак — неглупый паренек и станет хорошим ученым, как только перестанет делать скоропалительные выводы.

Вздохнув, он поднялся на ноги.

— Дети мои, нам пора.

Лейстер уточнил направление по компасу и направился в сторону магнолий. Тамара и Чак последовали за ним. Они перешли ручей вброд и вошли в лес.

— Будьте начеку, — сказал Чак. — Что-то больно мирно все выглядит.

Он едва успел договорить.

Дромеозавры кинулись на них со всех сторон.

Небольшие, ростом с собаку, они, как и собаки, атаковали стаей. Хищников покрывали желто-зеленые перья, очень короткие, за исключением оперения на ногах самок, согревавшего яйца при насиживании. Перья, мелкие зубы на острых, как у гончих, мордах и огромные когти на задних лапах делали их похожими на каких-то сатанинских волнистых попугайчиков.

Дроми предпочитали охотиться из засады.

Как по сигналу, одни выскочили из придорожных кустов, а другие свалились путникам на головы с верхушек деревьев. Воздух наполнился телами зверей и лепестками магнолий.

Чак коротко вскрикнул.

Лейстер рванулся к нему и увидел, как друг падает, накрытый шевелящейся грудой дромеозавров.

Уронив компас, Лейстер схватился за топор и с криком ринулся в жуткую кучу малу.

За ним неслась Тамара, в руке копье, в глазах — смерть, оглашая воздух боевым кличем. В отличие от Лейстера она сообразила скинуть рюкзак.

Дромеозавры дрогнули.

Их хватало, чтобы загрызть и Лейстера, и Тамару. Но ящеры не умели отбиваться, они привыкли лишь атаковать. Ситуация явно превосходила

все виденное ими ранее, и хищники бросились наутек, чтобы вернуться под защиту деревьев.

Пока дромеозавры скрывали Чака, Тамара не решалась метнуть копье. Она метнула его теперь, вслед убегающим животным, за ним второе. Первое в цель не попало, зато запасное поразило свою жертву прямо в грудь. На краю поданы один из дромеозавров обернулся, прострекотав что-то добывающее, и был тут же сшиблен ловко пущенным Тамарой камнем. Лес наполнился неясными, удирающими в смятении тенями. В запале Тамара влетела вслед за ними под деревья, но уже никого не обнаружила. Она вернулась на поляну..

— Чак?

Чак лежал лицом вниз под сенью магнолий. Лейстер опустился рядом на колени и попытался прощупать пульс, уже понимая, что не ощутит ничего. Нападавших было семь или восемь, и каждый успел нанести несколько укусов, прежде чем хищников удалось спугнуть. У Чака оказались изранены ноги, руки и лицо, порвано горло.

— Он умер, — тихо проговорил Лейстер.

— О черт! — Тамара отвернулась и зарыдала. — Черт, черт, черт!

Лейстер попытался перевернуть Чака, но что-то начало медленно вываливаться из его живота. Палеонтолог вспомнил, как дроми вцепляются в свою жертву передними конечностями, а задними полосуют ее, используя невероятного размера когти. Чаку вскрыли брюшную полость от паха до грудной клетки.

Он вернул тело в первоначальное положение и поднялся на ноги.

Тамара была в шоке. Лейстер обнял ее, она уткнулась лицом в его плечо, сотрясаясь от рыданий. У палеонтолога не нашлось слез. Только жгучая, безжалостная боль. Жизнь среди дикой природы, где смерть таится за каждым кустом, закалила его. Прежний Лейстер почувствовал бы вину за то, что выжил, за то, что Чак погиб, а он стоит тут — цел и невредим. Теперешний понимал, что это пустая трата времени и эмоций. Дромеозавры выбрали Чака, потому что он шел последним. Будь Лейстер помедлительней или случись у Тамары месячные, все сложилось бы по-другому.

На тренировках по выживанию это называлось «принцип попутчика». Ты не должен быть быстрее хищника, ты должен лишь обогнать того, кто рядом. Этот принцип действует среди зебр

и антилоп. Теперь к нему должны привыкнуть и люди.

Лейстер открыл рюкзак Чака, чтобы разделить его вещи. Преодолевая скованность, обыскал его карманы в поисках вещей, которые бы им пригодились. Затем снял с тела ремень и ботинки. Пока они не научатся выделывать кожу, нужно дорожить даже разбитой обувью.

— Я нашла компас, — сказала Тамара. Лейстер озадаченно потряс головой, и она пояснила: — Ты уронил его. Я подобрала.

Она протянула ему компас и снова заплакала.

— В ручье полно камней. Нужно сложить над Чаком курган, — тихо сказал Лейстер. — Не обязательно красивый, главное — оградить тело от хищников.

Тамара вытерла глаза.

— Может, наоборот, оставить все как есть? Неплохое погребение для палеонтолога — стать пищей для динозавров.

— Это подошло бы нам с тобой. Но Чак — геолог. Он заслужил свои камни.

Лейстер не знал, сколько миль они с Тамарой отшагали до наступления ночи. Меньше, чем планировали утром. Больше, чем можно было ожидать в сложившихся обстоятельствах. Шли

молча, без эмоций, без устали. Позднее палеонтолог даже не мог вспомнить — остерегались ли они хищников.

Перед тем как остановиться на ночлег, Лейстер позвонил Далджит и Джамалу. Он не ощущал ни сил, ни желания с ними разговаривать, но делать было нечего.

— Послушай, — устало заговорил он с Далджит, — мы тут маленько подзадержались, будем чуть позже, чем планировали. Не волнуйтесь.

— Что случилось? — озабоченно спросила Далджит. — Надеюсь, вы не потеряли антибиотики?

— Антибиотики при нас. Я тебе потом все расскажу, хорошо? Сейчас просто будьте в курсе, что мы опоздаем, и не беспокойтесь.

— Понятно, но вы все-таки поторопитесь. У Джамала лихорадка, температура растет.

— Все, что мне нужно — это велосипед, — пробурчал в отдалении Джамал. — Неужели я прошу слишком многого?

— Да замолчи ты со своим велосипедом! Ну ладно, я прощаюсь. Поцелуй от меня Тамару и Чака, о'кей?

Лейстер вздрогнул.

— Обязательно.

Он спрятал телефон и вернулся к костру, от

которого отходил подальше, чтобы случайно не выронить аппарат в огонь.

— Ты не сказал? — спросила Тамара.

— Не смог.

Лейстер сел рядом с ней.

— Успеем, когда придем. У нее и так достаточно поводов для волнения.

Они долго сидели молча, глядя, как пламя медленно пожирает дрова и превращается в угли. Потом Тамара произнесла:

— Я ложусь.

— Ложись, конечно, — ответил Лейстер. — А я посижу подумаю.

Он вслушивался в ночные звуки. Тихое попискивание летучих мышей и размеренный стрекот сверчков, тоскливый плач ночной птицы и завывание какого-то хищника. Звуки сплетались, смешивались, голоса динозавров и млекопитающих сливались в единый хор. Обычно эта ночная симфония успокаивала его.

Но не сегодня.

В скелете трицератопса более трех сотен костей. Брось их перед Лейстером бесформенной кучей, и за день он разберет их по порядку, от самой большой до самой мелкой. Лягут один за другим шестьдесят три позвонка, в одно це-

лое превратится мозаика черепа. Разобраться с задними ногами будет, конечно, потруднее. Но он отсортирует кости стоп на две кучки по двадцать четыре в каждой, начав с первой по пятую костей плюсны, расположив фаланги по формуле 2—3—4—5—0 под ними, и накрыв все щиколоткой, состоящей из таранной, пяточной и трех предплюсневых костей. Передние ноги, напротив, очень просты: пять пястных костей, четырнадцать фаланг, расположенных по формуле 2—3—4—3—2 и три запястных. Умение расположить кости в нужном порядке с первого взгляда считалось среди палеонтологов довольно редким. Лейстер обладал им в полной мере.

Еще он имел полное представление о метаболизме трицератопса, хитростях его поведения, темперамента, питания, борьбы за место под солнцем, размножения и выращивания потомства, а также об истории эволюции и примерном ареале распространения. И это был только один из множества динозавров (не говоря уже об остальных представителях фауны), которого Лейстер изучил до мельчайших деталей. Он знал все, что было в человеческих силах, о жизни и смерти животных.

Кроме, пожалуй, главного: почему все его

знания совершенно бесполезны здесь? Кости и без него спокойно стояли на своих местах при рождении каждого маленького трицератопса. Биохимические процессы регулировали сами себя. Животные вполне успешно жили, размножались и умирали без всякого вмешательства ученых.

Чак только что был здесь, и вот его нет.

Это невозможно.

Лейстер не мог этого осознать.

В лесу царила темнота. Лейстер почувствовал себя невероятно маленьким, крошечной частичкой жизни, непреодолимо двигающейся навстречу смерти.

При всех своих знаниях он ничего не знал. Несмотря на все, что Лейстер выучил, он ничего не понимал. Он торчал в центре вселенной без всякой цели и смысла. Ответов не было здесь, не было там, не было нигде.

Лейстер уставился в темноту. Ему хотелось уйти туда и никогда не возвращаться.

Горе оказалось так велико, что Лейстеру чудилось: сама ночь плачет вместе с ним. И черный лес, и беззвездное небо тряслись, подавляя беззвучные рыдания. И вдруг он осознал: плачет Тамара.

Она не смогла заснуть.

Да и кто бы смог после всего, что случилось? Даже если бы все стряслось не у нее на глазах, даже если бы они не были так близки, смерть Чака автоматически уменьшала их популяцию до десяти человек. Это было ни с чем не сравнимой катастрофой, причиной для глубочайшего горя. Лейстер почувствовал, что должен войти в палатку и утешить Тамару.

Его душа взбунтовалась от одной только мысли об этом. «Я не могу! — ожесточенно думал он. — Во мне самом нет ни капли утешения. Нет ничего, кроме тоски и жалости к себе». Лейстер решил, что он окончательно обессилел, что еще одна капля человеческого горя сокрушит его, раздавит, превратит в нечто бесформенное.

Тамара плакала.

Ну и пусть! Возможно, это эгоистично, но он не собирается снова брать самый тяжкий груз на себя. Он просто не в состоянии! Чего она хочет от него? Слезы катились по щекам Лейстера, и палеонтолог презирал себя за эти слезы.

Каким же слабаком он оказался! Из всех людей, когда-либо живших на Земле, он последний, к кому можно обратиться за помощью!

Тамара продолжала плакать.

«Ты должен войти», — говорил он себе. Но Лейстер не мог войти.

Наконец он поднялся и все же вошел в палатку.

17
ТИПОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Материк Пангея: телезоиская эра, мезогнойский период, хронианская эпоха, эпиметианский век. 250 млн. лет н. э.

Джимми первым вынырнул из временного туннеля, быстро огляделся и махнул рукой остальным. Они выскочили на траву вслед за ним.

Стояла ночь.

Вокруг росли деревья с низкими, изогнутыми ветвями. В детстве Джимми называл такие лазильными. Где-то внизу плескалось озерцо, его черные воды отражали звездное небо.

Поляну окружал десяток неярко освещенных ворот. Туннель находился в центре.

Легкий ветерок морщил поверхность озера. Молли передернула плечами и спросила:

— Куда теперь?

Джимми показал на ворота, подле которых маячили в ожидании две неясные фигуры одинакового роста и сложения. Он не произнес ни слова, необходимость действовать всегда вселяла в него уверенность и спокойствие, и Бойли не

хотел портить этот настрой разговорами.

Фигуры приблизились.

— Привет, Гриффин, — сказала Сэлли.

— Привет, Гриффин, — сказала Гертруда. Шрам-полумесяц иронически изогнулся в углу ее рта.

Они обменялись взглядами, в которых Джимми прочитал злость, вызов, высокомерие, уязвленное самолюбие и удивление.

Молли, знавшая историю шрама, обратилась к младшей из встречающих:

— Скажи мне, что это просто ты из твоего собственного будущего... — Сэлли начала отрицательно мотать головой, — ... а не та женщина, которая втравила нас в эту историю.

— Она... — начала Сэлли.

— Я есть я и несу полную ответственность за все случившееся.

— Но это невозможно!

— Только для средних умов, — усмехнулась Гертруда.

— Мы объясним, — подтвердила Сэлли.

— Мне сказали, что две размежевавшиеся линии никогда не встретятся, — резко сказала Молли. — Как вы можете существовать вдвоем в одной реальности?

Наблюдая за Молли, Джимми не мог не отме-

тить, как виртуозно она работает. Герхард не боялась казаться глупой и откровенно напрашивалась на объяснения. Она адресовала все вопросы старшей женщине — Гертруде, игнорируя младшую — Сэлли. Это рвало и без того тонкие нити симпатии между двумя вариантами и рождало трещину, которую Молли впоследствии надеялась расширить.

— В ваших временных рамках это правда, — согласилась Гертруда. — Но здесь, по эту сторону Терминал-Сити, все иначе. Вы же были там, внутри, и просто обязаны это понимать. Любой человек, имеющий хоть какие-то мозги, способен сообразить, что основная задача Терминал-Сити — примирять результаты отклоняющихся линий с объективной реальностью.

Сэлли кинула на Гертруду короткий взгляд и вновь отвела глаза.

— Для чего? — спросил Гриффин.

— Хотя бы для того, чтобы мы все здесь встретились, — ответила Гертруда. — Пойдемте ко мне, и я все вам объясню.

Она шагнула к ближайшим воротам и исчезла. Немного поколебавшись, Сэлли двинулась за ней.

Остальным пришлось последовать за странной

парой.

Гертруда жила в башне, в центре покрытого лесом круглого острова, плавающего по Внутреннему морю. Теплый бриз проникал сквозь открытые окна, принося соленый запах невидимого моря. Серебряный месяц низко висел в небе. И море, и месяц не были видны из временного туннеля, поэтому Джимми Бойли понял, что ворота перенесли их на порядочное расстояние.

— Где конкретно мы находимся? — спросила Молли. Гертруда щелкнула пальцами, и в руке ее появилась карта.

— Это возрожденная Пангея. Континентальный дрейф опять соединил все земли в один огромный материк. Он омывается Мировым океаном и имеет свое собственное внутреннее море.

Она постучала пальцем по линии экватора, пересекающей синюю каплю.

— Мы вот тут. В серединке. Я живу в центре мира. «Разумеется, — подумал Джимми. — Где же еще?» Остальные бродили по комнате, разглядывая вещи, открывая ящики, в общем, демонстрируя любопытство, которое Гертруда полностью игнорировала. Джимми отметил, что он вряд ли бы допустил такую вольность у себя дома.

— У тебя здесь совсем мало книг, — заметил

Гриффин.

— Все мои.

— Она имеет в виду, что сама их написала, — пояснила Сэлли.

— Конечно. Что еще я могу иметь в виду?

— Это кто такие? — спросила Молли.

Одна из стен была полностью стеклянной. Другая, напротив нее, представляла собой террариум с землей, сплошь изрытой норками и туннелями. По норам шныряли бледно-розовые лысые зверьки величиной с мышь.

— Голые кротовые птицы, — ответила Гертруда. — Они потеряли оперение, но приобрели общественную социальную структуру. Замечательный пример параллельной эволюции. Поведенчески они почти идентичны голым кротовым крысам, но их ближайший общий предок был скорее всего существом домезозойским и походил на ящерицу.

Молли Герхард с плохо скрытым отвращением глядела на бледных зверьков, карабкающихся друг на друга, копающихся в земле крохотными зубами и похожими на иголки когтями.

— Зачем ты их здесь держишь?

— Но они же необычайно интересны!

— Они — интересны?

Гертруда фыркнула.

— Кровеносная система всегда была терра инкогнита палеонтологии, — начала она. — Огромное количество ученых буквально сходило с ума, пытаясь установить, были ли динозавры холоднокровными или же теплокровными, путаясь в мешанине терминов. Впоследствии стало понятно, что кровеносная система совсем не так проста, как кажется. Температура тела может быть как постоянной, так и переменной, регулироваться изнутри или снаружи, уровень метаболизма может быть низким и высоким. Поддержание постоянной температуры тела называется гомеотермией. Вариативная температура, обычно сходная с температурой внешней среды — пойкилотермией. Температура, регулируемая изнутри, называется эндотермией, снаружи — эктотермией. Животное, уровень метаболизма которого в состоянии отдыха остается высоким, называется тахиметаболиком, низким — брадиметаболиком. Это понятно? Прекрасно. Итак, теплокровные животные в большинстве своем гомеотермики, эндотермики и тахиметаболики, в то время как хладнокровные — пойкилотермики, эктотермики и брадиметаболики. Но голые кротовые птицы оказываются

гомеотермиками, эктотермиками и тахиметаболиками. Они что, холоднокровные? Существуют некоторые виды насекомых, температура тела которых в неподвижности равна температуре окружающей среды, но в полете поднимается гораздо выше. Они пойкилотермики, эндотермики и брадиметаболики. Теплокровные или холоднокровные? А звери, впадающие в спячку? Гомеотермики, эктотермики, брадиметаболики? И тепло– и холоднокровные одновременно? Если бы вы сами начали изучать механизм этой системы, вы бы поняли, что я невероятно упрощаю. На самом деле все еще запутанней. Вот я и решила навести здесь порядок.

Во время этой импровизированной лекции Джимми с удовольствием наблюдал, как Сэлли понуро и молчаливо стоит в дальнем углу. Ей удалось высказаться только раз, да и то никто не услышал. Изредка она бросала быстрые взгляды на Гриффина и тут же вновь отводила глаза.

Неудивительно. Впервые Сэлли удостоилась возможности увидеть себя со стороны, и, судя по всему, увиденное ей не понравилось. Единственное, чего не мог понять Джимми, — почему так разговорчива Гертруда.

Гриффин слушал ее молча, не поднимая голо-

вы, просматривая книгу за книгой.

— Кожаные обложки, — проговорил он, когда Гертруда наконец замолкла. — Серебряное тиснение. Они хорошо к тебе относятся. И остров... Здесь что, все живут в башнях?

— Некоторые. Большинство — нет.

— Выходит, тебя вроде как премировали? И кто же, разреши спросить? — нелюбезно поинтересовалась Молли.

— Наши спонсоры. Я тоже кое-что для них делаю.

— Что именно?

— Вы уже поняли, мне даровано право изменить собственное прошлое. Иначе мы бы сейчас не разговаривали. То, что я живу здесь, отнюдь не премия, а скорее цена, которую приходится платить за это разрешение. Правда, не слишком высокая. Мне позволено заниматься любимыми делами — в основном исследованиями, — а в ответ я разрешаю исследовать себя, когда у них возникают какие-либо вопросы по поводу человеческой расы.

— Да, но в чем состоит твоя работа? — упорствовала Молли.

— Я — типовой экземпляр Homo sapiens.

Лицо Джимми вытянулось. Заметив это, Гриф-

фин объяснил:

— Когда Линней создавал свою систему классификации, он просто описывал основные черты каждого вида, создавая о нем некое абстрактное представление. Но, как обычно, начались недоразумения. Иногда, руководствуясь таким описанием, представителя одного вида принимали за представителя совершенно другого. Поэтому сейчас описание вида делается с конкретного животного, называемого типовым экземпляром. Он тщательно выбирается и сохраняется, а когда возникают какие-то вопросы, исследуется вновь.

— Я что-то не...

— Доктор Сэлли — образец человеческого существа. Та линейка, по которой мы все измеряемся.

— Подождите, — сказал Джимми. От его хорошего настроения не осталось и следа. — Вы имеете в виду, что моя принадлежность к человеческому роду измеряется тем, насколько близко я напоминаю *ее?*

– А что вам не нравится? — осведомилась Гертруда. На этот вопрос надо было либо отвечать весь день, либо не отвечать вовсе.

— Возможно, ты наконец объяснишь нам, зачем мы здесь? — предложил Гриффин.

— Давайте выпьем, — ответила Гертруда, — и

я все расскажу.

Она налила им по бокалу прозрачной бодрящей жидкости. Минуту назад Джимми казалось, что Гриффин и Молли выглядят уставшими и измученными. Но, глотнув напитка, они приободрились на глазах. Сам он чувствовал, что готов горы свернуть, и не мог отогнать мысль, что бутылочка такого пойла оказалась бы неплохим сувениром там, дома.

— Я была руководителем экспедиции Основного Проекта. Ее первого варианта, — сказала Гертруда. — Может быть, это прозвучит ужасно, но, несмотря на смерти, я чувствовала себя счастливой. У меня были динозавры. Со мной был Лейстер. У меня было все. Если бы я не отпугнула Лейстера, я бы осталась в мезозое навсегда.

— А чем ты его отпугнула? — заинтересовалась Молли.

— Я сваляла дурака.

Гертруда готовила к запуску спутник, когда взорвалась бомба. На деревьях чирикали птички, и она удивилась, как знакомо и вместе с тем необычно звучит их песенка. Похожая на песни птиц ее времени и все же другая. Да и остальные звуки казались пока что чужими, хотя не менее приятными, чем привычные, оставшиеся в ше-

стидесяти пяти миллионах лет отсюда. Музыка всегда музыка. Впервые она возникла среди маленьких пернатых, но не летающих динозавров. Онейрозавры, к примеру, пели очень неплохо.

И тут раздался взрыв.

Она побежала туда, где висело облако дыма и слышались крики, чтобы увидеть три разбросанных по земле тела: Чака, Далджит и Тамары. Двое были мертвы. Далджит потеряла большую часть руки.

Лейстер стоял около нее на коленях, пытаясь наложить повязку.

Гертруда кинулась к аптечке. Она набрала в шприц морфия, нашла вену на уцелевшей руке девушки и вколола ей обезболивающее.

Остальные обалдело топтались вокруг, осматривая тела, спрашивая друг у друга — что же им теперь делать. Гертруда оглянулась на них и заорала:

— Не стойте, как истуканы! Натяните палатку, приготовьте койку для Далджит, уберите тела!.. Кто-нибудь пусть проверит, что из вещей пострадало. Господи ты боже мой, мне что — одной все делать? Я же разорвусь!

Студенты разбрелись выполнять распоряжения. Помогая Лейстеру остановить хлещущую из

раны кровь, Гертруда испытала некоторое облегчение. Работа — вот что лучше всего поможет им прийти в себя. Работа поможет им выжить.

Раны Далджит оказались слишком тяжелыми, чтобы вылечить их в полевых условиях. Она умерла той же ночью.

Ее похоронили рядом с двумя другими, сведя церемонию до минимума. Могилы вырыли на большом расстоянии от лагеря, чтобы не приманивать хищников и не портить настроения.

Затем, дабы отвлечь членов экспедиции от грустных мыслей, Гертруда распорядилась построить из бревен небольшие хижины. Некоторое недовольство вызвал тот факт, что их с Лейстером домик получился больше, чем у остальных. Но к тому времени они были почти что семьей — то есть спали вместе с момента катастрофы — и, конечно, нуждались в просторном жилье.

Занять всех делом оказалось нетрудно: для того чтобы выжить, приходилось много работать. Сложнее было найти цель этой жизни для всех и для каждого. Большую часть оборудования уничтожило взрывом, тот план исследований, который они подготовили дома, пришлось отменить. По предложению Гертруды Лейстер соорудил на Лысом холме площадку для наблю-

дений за тираннозаврами. Наблюдения вели только они двое как самые квалифицированные. Иногда кому-нибудь из студентов дозволялось присоединиться к ним в награду за хорошую работу.

Джамал пришел туда однажды утром. Гертруда наблюдала за самыми мелкими детенышами из выводка тираннозавров, Борисом и Беллой, устроившими комичную потасовку. Они покусывали друг друга за морды, пока один из них не споткнулся, и динозаврики покатились по земле, пиная друг друга ногами, как котята.

— Как рыбалка? — спросила Гертруда, не опуская бинокля.

Смотреть на юных тираннозавров было сплошным удовольствием. Они оказались на редкость любопытны, их внимание привлекала любая мелочь: сверкающий камешек, незнакомая ящерица, сломанные наручные часы, свисающие с ветки именно там, где, по расчету Гертруды, детеныши бы их легко нашли. Любая новинка тут же становилась игрушкой. Зверьки с интересом рассматривали ее блестящими глазками, а потом норовили лягнуть, если находка лежала на земле, или стукнуть головой, если она находилась повыше. Рано или поздно они пытались ее съесть

и теряли большую часть зубов в этих попытках.

Взрослые были совсем другими — спокойными, даже равнодушными, реагирующими на все новое с неудовольствием и подозрением. Их поведение и характер давно устоялись, они избегали всяческих экспериментов.

— Послушай, — начал Джамал. — Нам не очень нравится, как идут дела.

Гертруда опустила бинокль.

— Мы живы. Еды хватает. Что вам может не нравиться?

— Ты считаешь нормальным, что мы делаем всю грязную работу, а вы двое прогуливаетесь вокруг и занимаетесь исключительно наблюдениями?

— Вы всего-навсего выпускники. Чего же вы ожидали?

— Мы пашем как проклятые! Вам бы тоже не мешало к нам присоединиться.

Больше всего Гертруду взбесила несправедливость обвинений. Они с Лейстером работали едва ли не вдвое больше остальных. Но она сумела подавить гнев и ответила:

— Мы с Лейстером — единственные опытные исследователи!

— А на что они нужны, ваши исследования? Ма-

ячок не работает, мы никогда не вернемся домой. Кого мы осчастливим нашими открытиями?

— Мы — ученые. Если бросить наблюдения, то для чего мы здесь вообще?

— Боюсь, что не знаю, — мрачно ответил Джамал. Он повернулся и пошел прочь.

Ночью она пересказала Лейстеру разговор с Джамалом. Лейстер, бледный и вымотанный, задумался.

— Не знаю... Возможно, в его словах есть какой-то резон.

— Нет! Он просто амбициозный маленький самец, рвущийся к лидерству! Все, что ему нужно, это власть и двойная порция пищи. Примитивные, животные желания.

— Да, но, возможно, мы должны...

Гертруда закрыла ему рот поцелуем. Они занялись любовью. В эту ночь Лейстер был не на высоте и почти сразу же провалился в тяжелый, не приносящий отдыха сон. Но он на самом деле любил ее, она не могла ошибиться.

Неделю спустя Джамал демонстративно покинул лагерь, уведя с собой половину группы. Остались Лай-Цзу, Джиллиан и Патрик. Кати, Мэтью и Нильс ушли с Джамалом, забрав с собой столько съестных припасов, сколько смогли

унести.

Раскол удвоил количество работы, возложенной на каждого. В обоих лагерях необходимо было готовить, мыть посуду. Изготавливать необходимые предметы тоже приходилось в двух экземплярах. Пришлось бросить начатое строительство коптильни, хотя это здорово бы сократило время, затрачиваемое на ежедневную охоту, дав возможность надолго сохранять добытое однажды мясо.

И конечно, они перестали наблюдать за тираннозаврами: в сложившихся обстоятельствах наука — слишком дорогое удовольствие.

Диссиденты не ушли далеко. Время от времени они появлялись, смущенные и злые, чтобы попросить инструменты, о которых, уходя, не подумали.

— Топоры останутся здесь, — заявила Гертруда, когда они пришли в первый раз. Ей казалось, что, чем хуже придется беглецам, тем скорее они приползут домой. — Это не частная собственность, они куплены специально для экспедиции на общественные деньги.

Однако Лейстер, не желая обострять ситуацию, перебил ее:

— Конечно, берите. И не только топор, а все, что

нужно. Мы же с вами не враги, мы все в одной связке.

Он все еще хотел решить дело миром. Лейстер становился проблемой сам по себе. Он был слишком незлобив для этого мира.

Дела шли все хуже и хуже. Джиллиан ушла к Джамалу. Затем, через два месяца после раскола, погиб Нильс. Повстанцы отказались раскрыть обстоятельства смерти, Гертруда так никогда и не узнала, что случилось. Но на похороны собрались все.

Это была странная встреча. Две группы стояли на расстоянии друг от друга, стараясь не смешиваться. Когда Гертруде удалось отвести Кати в сторону, чтобы предложить ей вернуться, девушка ударилась в слезы.

— Джамалу это не понравится, — говорила она, мотая головой. — Ты не знаешь, какой он бывает, когда злится!

Во втором лагере явно процветал культ личности: власть захватил насаждающий покорность и страх харизматический лидер, чье слово — закон. Лейстер не слушал Гертруду, но она была уверена, что Джамал удерживает остальных против их воли, психологически подавляя.

Пять месяцев спустя они уже еле держались

на ногах. Все страшно похудели, особенно плохо выглядел Лейстер. Он не шутил, не улыбался и иногда не разговаривал по нескольку дней. Гертруда просто не могла видеть его в таком состоянии.

Еще через месяц Патрика растерзала стая небольших тероподов, напавших на него, когда он пытался выкопать черепашьи яйца. Парень остался бы в живых, если бы имелась возможность снарядить кого-нибудь ему в пару с копьем и мешком камней для защиты.

Той ночью Гертруда не сомкнула глаз. Она решила действовать.

Диссиденты построили деревянный туалет на большом расстоянии от лагеря, чтобы избежать мух и запаха. Ранним утром следующего дня Гертруда притаилась около дорожки, ведущей к туалету. Сначала туда-обратно прошла Кати, затем Мэтью. Джамал был третьим.

При виде Гертруды лицо его потемнело.

— Чего ты хочешь?

— Я принесла вам лопату.

Она ударила Джамала изо всех сил, тот не успел ничего понять. Он даже не успел увернуться, лезвие лопаты врезалось ему в плечо и, отскочив, в голову. Джамал пошатнулся. Не давая ему

опомниться, Гертруда стукнула его опять, на этот раз под колени.

Юноша упал.

— Не надо, подожди, — взмолился он, лежа на земле и загораживаясь рукой. — Не делай этого!

— Будь ты проклят! — закричала Гертруда. — Ты испортил все, к чему прикасался! Ты, мерзкий, грязный сукин сын!

Слезы лились из ее глаз так, что она едва могла видеть, уголок рта кровоточил: в ярости взмахивая лопатой, Гертруда поранилась кольцом.

— Умри, ты, подонок!

Гертруда подняла лопату, целясь Джамалу в горло. Ночью ей казалось, что сделать это будет трудно, но сейчас, переполненная гневом, она сознавала, что никогда в жизни не делала ничего более простого.

— Джамал! — радостно закричал кто-то поблизости. Голос донесся из-за спины Гертруды, из нового лагеря.

Это был Лейстер. Махая руками, он бежал по дорожке.

— Мы спасены! — кричал он. — Они здесь! Мы...

При виде Гертруды, стоящей над Джамалом с лопатой в руках, он резко затормозил.

Гертруда замолчала.

— И как же ты попала сюда? —спросила Молли Герхард.

— Я сопоставила пару-тройку слухов и поняла, что за путешествиями во времени должны стоять обитатели далекого будущего. Поэтому я стащила специальный допуск Гриффина...

— Как?

— Это было нетрудно. — Она бросила на Гриффина быстрый взгляд. — Итак, я взяла его допуск и запустила туннель настолько далеко, насколько смогла. А потом договорилась со здешним народом.

— А какой он, здешний народ? Как они выглядят?

— Все в свое время. Их легче показать, чем описать. Подождите пару часов, и я вас представлю.

— Одного не понимаю, — сказал Гриффин, наклонившись вперед. — Тебе-то это зачем? Изменив свое прошлое, ты тем самым отсекла его от себя навсегда. Зачем?

Гертруда подняла голову и посмотрела на Гриффина, скосив глаза на нос. «Как птица, — подумал Джимми. — Совсем как птица».

— Мне нужен Лейстер, — ответила она. — Потеряв его в одном варианте, я решила получить

его в другом.

Она повернулась к Сэлли, которая попыталась отвести глаза.

— Я сделала это для тебя, — гордо сказала Гертруда. — Все это я сделала для тебя.

Сэлли уставилась на свои колени и ничего не ответила.

За круглым лесом вставало солнце. По приглашению Гертруды все вышли на балкон.

Круглый лес — кольцо зелени с озером посередине — находился примерно в миле от башни. Доносящиеся оттуда запахи отличались от тех, которые знал Джимми, как запах дубовой рощи отличается от запаха соснового бора. В ветвях чирикали птицы, а меж корней резвилась рыба. За деревьями поблескивали многочисленные прудики и лужицы, и когда птички, порхающие над ними, ныряли, охотясь на мальков, вверх взлетали серебряные струйки воды.

— Как красиво, — сказала Молли Герхард. Гертруда кивнула и ответила без тени иронии:

— Добро пожаловать.

Джимми припомнил разговоры Сэлли о водных растениях и изменении окружающей среды и решил, что леса — как раз потомки тех водорослей.

— Такие леса покрывают всю сушу на конти-

ненте, — рассказывала Гертруда, — и могут расти даже в глубокой воде. Правда, океанского дна их корни достигнуть не могут. Ветки переплетаются и служат защитой для лесных обитателей, скрывая множество интереснейших видов.

Гриффин и Сэлли незаметно отошли в сторону и тихонько заговорили. Джимми, притворяясь полностью поглощенным рассказом Гертруды, подвинулся и встал так, чтобы беспрепятственно подслушивать их беседу.

— Давно ты здесь, — спросил Гриффин, — с ней?

— Месяц.

— Нелегко пришлось?

Сэлли придвинулась к нему и сердито прошептала:

— Ты не представляешь! Это самое самонадеянное, высокомерное и... И эгоистичное существо на свете!

Гриффин грустно улыбнулся:

— Ты еще Старикана не видела.

— О Господи, — вздохнула Сэлли. — Мне так стыдно.

— Ты не должна стыдиться того, что не делала. Это все Гертруда, — твердо ответил Гриффин.

— А я все равно стыжусь! Все равно! Ведь она

— это тоже я!

Внезапно Сэлли расплакалась. Гриффин успокаивающе обнял ее, она не противилась.

— Смешно, — всхлипнула Сэлли. — Я ведь поклялась, что ты больше никогда до меня не дотронешься, и вот сама бросилась тебе на шею.

— Да, — ответил Гриффин. — Смешно.

— Я не могу сдержать ни одного обещания даже для спасения собственной жизни!

Джимми отодвинулся. Больше ничего интересного подслушать не удастся.

Гертруда между тем все говорила.

— Вы когда-нибудь замечали, что станции расположены строго в конце эпох? — спросила она. — Как раз перед очередным глобальным вымиранием? Вы никогда не думали о том, что станция в Вашингтоне — не исключение?

— Научно выражаясь, — ответил Джимми, — наше родное время находится как раз в середине одного из величайших процессов вымирания в истории планеты.

Джимми достаточно долго крутился около ученых, чтобы нахвататься разной премудрости.

— Возможно, — согласилась Гертруда. — Взгляните вокруг. Мы вымерли. Я имею в виду человечество. И вымерли уже давным-давно.

— Почему? — прошептала Молли. — Почему мы вымерли?

— Оставляю вопрос без ответа, как задачку для студентов первых курсов, — высокомерно отозвалась Гертруда.

На лице ее застыло странное выражение — триумфальное и тоскливое одновременно. «Она одинока, — подумал Джимми. — Старушка так долго жила здесь совершенно одна, что почти разучилась общаться с людьми. И все-таки иногда она скучает по ним».

Джимми почувствовал сострадание, но не более. Ему не хотелось ничего делать для Гертруды. Он прибыл сюда не для этого.

Зазвенел сигнал.

— Что это? — спросила Молли.

— Пришло время познакомиться с нашими спонсорами, — ответила Гертруда.

Ворота располагались в маленьком помещении в самом центре башни. Дверца отворилась, и появился Неизменный.

— Мы пришли, — объявил он, — чтобы пригласить вас на совещание. Не вас, — сказал он Гертруде. — Идемте, — кивнул он всем остальным.

18
ВЫСОКАЯ КОМИССИЯ

Холмы затерянной экспедиции: мезозойская эра, меловой период, сенонская эпоха, маастрихтский век. 65 млн. лет до н. э.

Плот медленно и мирно плыл по течению Идена. Даже водившиеся здесь во множестве крокодилы не обращали на него ни малейшего внимания. А так как период миграции еще не закончился и река протекала среди мест более оживленных, чем покинутая ими долина Счастья, Лейстер увидел еще несколько редких динозавров. Попадались животные, которых он и не мечтал встретить. И это привело его в прекрасное расположение духа.

Джамал все еще испытывал слабость после перенесенной лихорадки, но пока они строили плот, сломанная нога начала срастаться, и парень не мог дождаться момента, когда можно будет избавиться от лубка. Время от времени он начинал настаивать, что все уже прошло и эту штуку надо снять немедленно, но Далджит пресекала любые попытки бунта.

— После всего, что я пережила, ухаживая за тобой, — говорила она, — я не имею ни малейшего желания повторять представление. Я тебе не Флоренс Найтингейл номер два, ясно?

Они обсуждали и другие способы возвращения домой, но сошлись на путешествии по реке как самом безопасном для Джамала. У Лейстера болело сердце при мысли о том, сколько метров веревки пошло на связывание бревен, но другого выхода не было. Тамара окрестила плот «Джон Остром» в честь человека, который первым признал динозавров предками птиц, и воткнула палку с привязанным на нее пучком пестрых перьев на носу — на счастье.

Путешествие началось рано утром, они погрузили пожитки, отвязали концы и длинными шестами оттолкнули свое судно от берега. То тут, то там в густую коричневую воду ныряли за рыбой речные птицы, суматошно взлетая при приближении плота.

Тамара стояла на корме, правя веслом, а Лейстер сидел на корточках в нескольких шагах от нее, держа лот. Время от времени он измерял глубину. Река была широкой, медленной и илистой, со множеством опасных отмелей. Далджит и Джамал загорали. Обдумывая доклад об инфразвуке,

Лейстер лениво наслаждался скульптурной красотой их обнаженных тел. Внезапно по плоту скользнула тень птеранодона.

Лейстер резко повернулся, но поймал взглядом лишь дальний взмах крыльев животного. Птеранодон исчез за высоким холмом на берегу и, судя по всему, направлялся на «птичий базар», слышный даже с реки. В этот момент палеонтолога и озарило.

«Межвидовое инфразвуковое общение в группах хищников и травоядных позднего Маастрихта».

— Я начинаю оформлять работу, — сообщил Лейстер.

Оформление в силу обстоятельств оставалось мысленным. Среди тающих ресурсов самым редким и ценным была бумага. Все блокноты обобществили и приняли железное правило, что ни на одном из них ничего не напишут без крайней нужды.

В результате Лейстер изрядно натренировал память, оформляя в голове научные работы, затем представляя их на суд общественности и только после учета всех исправлений и дополнений записывая бисерным почерком на крошечных листках бумаги.

— Итак, заглавие? — спросила Тамара. Далджит и Джамал сели и приготовились слушать.

Лейстер ответил.

— Не очень-то цепляет, а? — заметил Джамал.

— А оно и не должно цеплять. Заглавие должно информировать читателя о содержании работы настолько точно, насколько это возможно.

— Да, но...

— Ох, Джамал, опять ты со своей коммерцией! — вздохнула Далджит. — Тебе все неймется получить лицензию на поставку пластиковых игрушек для «Макдоналдса».

Лицо Джамала вспыхнуло.

— Снимаю возражение.

Далджит погладила его по плечу.

— Не обижайся, солнышко, это была шутка. Все видят, что ты теперь не такой.

И без всякого перехода обратилась к Лейстеру:

— Ты не собираешься включить в работу теорию Чака?

— Возможно.

— Напомните мне, — сказал Джамал, — в чем конкретно состоит его теория?

— Чак решил, что, поскольку основные виды динозавров обладают способностью воспринимать инфразвук, они могут слышать звуки,

образующиеся при подвижках гор и континентов. Движение это настолько размеренно и регулярно, что по нему динозавры ориентируются на местности. Получается своего рода звуковой компас: при миграциях животные направляются туда, где Земля звенит нужным образом. Далее он сделал вывод, что, когда метеорит ударил Землю, это вызвало долголетнюю вибрацию, похожую на ту, что сопутствует землетрясениям. Но так как удар был во много раз сильнее любого землетрясения, динозавров поразила своего рода «глухота»: они не слышали звуки, на которые привыкли ориентироваться, не знали, в каком направлении мигрировать. Кроме того, шум от удара получился столь сильным, что животные не могли больше контактировать между собой. Это, в свою очередь, сделало невозможными привычные способы питания и размножения. Их сила стала слабостью, они слишком приспособились к привычным условиям, чтобы выжить после катастрофы. Другие виды, такие как крокодилы и птицы, смогли адаптироваться к новой жизни просто потому, что не настолько специализировались. Они выжили, а динозавры — нет.

Джамал потряс головой.

— Чак был хорошим парнем, но эта теория

полна воды.

— Вовсе нет! — запротестовала Тамара. — Что тебя смущает?

— Ну, во-первых, ее невозможно проверить...

— Это не...

Лейстер отвернулся и засмотрелся на проплывающие мимо покрытые лесом горы. Голоса ребят превратились в невнятное бормотание. Впереди показалось дряхлое, морщинистое дерево, простирающее к воде искореженные временем ветви. Когда плот поравнялся с ним, оттуда попадали ныряльщики — крокодильчики не больше ладони; между передними и задними лапками у них были натянуты радужные мембраны. Они спрыгивали с ветвей, извилисто планировали над водной гладью и с бульканьем скрывались под водой.

Буль. Буль. Буль-буль. Буль. Буль-буль-буль-буль. Буль.

Невероятно щедрый мир, наполненный массой интереснейших созданий, а у Лейстера нет возможности изучить их хотя бы поверхностно. Он вздохнул и вернулся к мыслям об информации, которую необходимо обработать.

То, что некоторые динозавры «разговаривают» друг с другом с помощью инфразвука, — непре-

ложный факт, подкрепленный доказательствами. Не перечисляя поименно все виды, которые они наблюдали и записывали, Лейстер обозначил их словами «основные группы динозавров». Конкретизировать можно позднее, при описании способов взаимодействия, — так будет нагляднее.

Отвратительный секрет научных журналов состоял в том, что они не только не платили авторам за статьи, но сами брали деньги — четко установленную сумму за каждую напечатанную страницу. Серьезные журналы шли еще дальше: чтобы напечататься, автор должен был не только заплатить, но и пройти комиссию, в достаточной мере заинтересовав статьей издателей. Таким образом, из-за отсутствия финансов начинающие ученые откладывали опубликование своих работ на долгие годы.

При всех своих недостатках система имела одно достоинство: придавала статьям краткость. Ирония заключалась в том, что теперь, когда Лейстер мог наплевать на политику научных журналов, сокращать работу его заставляли ресурсы собственной памяти.

Тщательно обдумав текст, Лейстер объявил, что первая часть готова. Остальные внимательно

слушали и вставляли свои комментарии.

— Лучше «полевые наблюдения», чем «наблюдения в поле», — заметила Далджит. — Короче.

— Правильно. Заменю.

— Почему «основные группы динозавров»? — спросил Джамал. — Почему не сказать просто «динозавры»?

— Потому что мы не знаем точно — все ли динозавры ведут себя подобным образом. Точнее, знаем, что некоторые — нет. Птицы.

— Принято.

Зазвонил телефон.

— Да? — сказала Тамара. — Это Джиллиан, — шепнула она остальным. Затем в трубку: — Лейстер оформляет работу. Да, уже. Он считает, что информации достаточно. Что?! Нет! Ну, самое время! Эй, вы! Лай-Цзу рожает!

— Что?

— Ты шутишь?

— Не может быть!

— Они рады и все ее целуют. Когда это началось? Ага. И как она? Молодец.

Какое-то время Тамара молча слушала Джиллиан, потом сказала:

— Хорошо, я спрошу.

Она повернулась к Лейстеру:

— Джиллиан хочет знать, включишь ли ты в доклад теорию Чака.

Плот резко накренился.

— Елки-палки! — вскрикнула Далджит. — Кто у нас правит?

С мели слезали около часа, устали и измазались как черти. Для того чтобы поднять плот и дотолкать его до глубокого места, в воду пришлось влезть всем, кроме Джамала, который нетерпеливо прыгал по палубе на одной ноге.

Грязные, но довольные путешественники прополоскали одежду и развесили ее на плоту сушиться. Далджит настояла на том, чтобы установить по краям плота подпорки от палатки и натянуть на них полотнище — от солнца.

Они заканчивали прения по поводу первой части доклада — самой простой и оставляющей мало возможностей для критики и замечаний, — когда Тамара подняла палец и прошептала:

— Тс-с-с-с!

— Что случилось? — еле слышно спросил Лейстер. Тамара кивнула в сторону левого берега. Stygevinator molari быстро двигался вдоль реки параллельно бежавшему по течению плоту. Время от времени он оглядывал путешественников жадно блестевшими глазами.

Лейстер вздрогнул от неожиданности. Стигевинатор был одним из самых больших хищников. Величиной с молодого тираннозавра, но с повадками и опытом взрослого животного.

— Что он делает? — тихо спросил Джамал.

— Преследует нас, — еле слышно ответил Лейстер. К счастью, большинство тероподов были неважными пловцами.

— И что теперь?

— Сидеть тихонько и стараться не подплывать слишком близко к левому берегу.

Вдруг река резко свернула, и пришлось изо всех сил работать шестами, чтобы не вылететь на землю. За поворотом лес стал гуще, деревья росли прямо у самой воды, оттесняя стигевинатора в глубь суши. К тому времени, как плот вернулся на середину реки, хищник исчез из виду.

Справа пошли термитники — целое царство насекомых. Слева Лейстер заметил мелкое млекопитающее, мелкими зубками и мохнатыми лапами пытавшееся открыть раковину пресноводного моллюска. И тут на зверька набросился неизвестно откуда взявшийся троодон, которого не заметили ни жертва, ни Лейстер. Двумя ударами челюстей он перекусил несчастному позвоночник и, подняв голову, проглотил цели-

ком. Но не успел троодон опустить головы, как из леса вылетел стигевинатор и сомкнул мощные челюсти на теле меньшего хищника, прежде чем тот успел понять — что происходит.

Жизнь в эту жестокую эру держалась лишь на том, что каждое животное производило на свет массу отпрысков. Удивительно, что большей части потомства все-таки удавалось доживать до зрелого возраста. Видимо, межвидовое взаимодействие — тираннозавры в качестве фермеров — оказалось необыкновенно эффективным и привело к появлению крупных популяций травоядных, невозможному в других условиях.

Лейстер вновь и вновь возвращался мыслями к выступлению Сэлли, услышанному им невероятно давно, к тому самому выступлению, где она заявила, что хищники пасут цератопсов. Он не сдержал улыбки: как типично для нее — заразить других их собственными идеями! Во многих смыслах Сэлли не была хорошим ученым: нетерпелива при сборе информации, слишком скора на выводы, склонна судить о любой идее не по существу, а по степени ее остроумия.

Но палеонтология нуждалась в ней, как тесто нуждается в хорошей закваске. Науке необходимы как работяги, так и изобретатели, как

кропотливые детективы, так и нетерпеливые фантазеры.

Сэлли — она как воздушный змей. Для того чтобы взлететь еще выше, ей не хватает лишь прочной связи с землей: крепкой веревки, сплетенной из терпения и логики, да твердой руки, управляющей змеем, чтобы он не спикировал с высоты. Стать этой рукой, вот чего хотелось Лейстеру больше всего на свете.

Рассеянно провожая глазами проплывающие мимо берега, палеонтолог окунулся в раздумья. Даже не заметив, как Джамал забрал у него лот, Лейстер ушел на нос и погрузился в свои мысли. Остальные тактично постарались его не тревожить.

Цикл стартовал с началом весенних миграций, когда орды тираннозавров, сбросивших зимний жирок, хлынули на поля. Первыми были самцы. Самки неторопливо следовали за ними, по дороге восполняя потерю веса, вызванную периодом вынужденного голодания. Они прибывали на место сытыми, готовыми к размножению.

Хозяин Долины (Лейстер с товарищами узнали его по шрамам) вернулся, чтобы заявить свои права на прошлогоднюю территорию. Благодаря опыту предыдущих лет тираннозавр легко полу-

чил ее, встретив в качестве соперников только нескольких юнцов, сбежавших при одном его появлении. Хищник обошел долину по периметру с песней, призванной, с одной стороны, отпугнуть возможных противников, а с другой — пригласить титанозавров на подготовленные для них места.

Титанозавры не заставили себя ждать. Живые машины для поглощения пищи, они медленно шли в долину, ведомые «своим» тираннозавром к самым тучным пастбищам. Титанозавры выедали широкие полосы высокой растительности, сгрызали молодые деревца, давая растениям нижних ярусов возможность разрастись. Самки откладывали сотни яиц, чтобы тут же забыть о них и двинуться дальше в непрерывных поисках пищи.

Наконец титанозавры ушли, давая тираннозаврам возможность позвать на освободившееся место стада гадрозавров и трицератопсов.

Теперь Лейстер четко представлял себе структуру работы, оставалось только вместить ее в как можно меньшее количество слов.

— Биокибернетика... — протянула Далджит. — А разве есть такое слово?

— Теперь есть.

— А что оно означает?

— В принципе, — вмешался Джамал, — слово «кибернетика» можно отнести не только к машинам, но и к живым существам. Зачем изобретать неологизм?

Лейстер покраснел. Уже давно он не ошибался в терминологии.

— Исправлю.

— Что мне интересно, — включилась Тамара, — так это почему ты не упомянул эпизод, описанный Кати и Нильсом. Тот, с троодонами.

Кати и Нильс однажды доложили, что видели небольшую группу троодонов, отгоняющую гадрозавров подальше от кладки яиц титанозавра. Ребята рассказали, как свирепые малыши прогоняли противников в десять раз больше их самих, и сделали вывод, что троодоны таким образом защищали яйца.

— Вывод сомнителен, — заявил Лейстер.

— Не для Кати и Нильса.

— Кроме того, это случилось лишь однажды.

— Зато у них на глазах.

— При описании поведения животных, — рассудительно сказал Джамал, — часто употребляются слова «Возможно, что...». И нет проблем!

— Я ненавижу использовать в научных статьях

предположения.

Наступила резкая тишина.

— Это значит, — спросила Тамара, — что ты не собираешься включать в работу теорию Чака?

— Такого я не говорил. Еще не знаю.

Пока Лейстер обдумывал статью, а Далджит правила, Тамара закинула леску с крючком и поймала полосатую рыбу. Джамал почистил и выпотрошил ее, на обед они ели суши.

За едой обсудили ту часть статьи, над которой сейчас работал Лейстер. Она касалась некоторых сложных моментов.

Стада гадрозавров и трицератопсов постоянно перемещались взад-вперед по долине в поисках корма. Лай-Цзу, разбиравшаяся в ускоренных магнитофонных записях лучше других, установила — когда какое-то из пастбищ истощается, Хозяин или Хозяйка ищут более зеленое место и зовут туда травоядных. Первоначально Лейстер скептически отнесся к ее заявлению, но Лай-Цзу раз за разом демонстрировала способность с помощью записи предсказывать, когда стада покинут использованную территорию и где они появятся. Пришлось признать ее правоту.

Лейстер собирался описать открытие Лай-Цзу как образец «пастушьего» поведения.

— В чем разница между приручением и пастушьим поведением? — спросила Далджит.

— Приручение — процесс, позволяющий хищникам подчинить жертву своей воле.

— И как же они их «приручают»?

— Несколько раз мы наблюдали, как Хозяин Долины с песней приближался к стаду. Животные начинали жаться друг к другу, детеныши оказывались в центре. Хищник обходил их несколько раз, постепенно сужая круги. Они поворачивались к нему головами, смыкаясь все теснее и теснее, давя друг друга. Ближе, теснее, еще теснее, пока одно из животных не вылетало наружу, выдавленное остальными. И всегда это оказывался либо самый старый, либо самый слабый, либо самый больной. Его величество бросался следом, и — оп! Завтрак готов! Ровно тридцать минут от начала до конца. Такая вот охота для ленивых, — улыбнулся Лейстер.

— Хорошо, а пастушье?

— Пастушье поведение — ряд действий, с помощью которых хищники заботятся о стадах. Перегоняют их с места на место, не подпускают других охотников и так далее.

— Ясно. Тебе придется постараться, чтобы все это было четко отражено в работе.

— Поучи свою бабушку суп варить.

На ночь они пристали к песчаному островку, покрытому густой порослью молодых деревьев, часть которых Тамара тут же срубила, чтобы развести огонь. Она уже заваривала чай из собранных на острове трав, когда зазвонил телефон.

— Меня нет! — поспешно предупредил Лейстер. — Я на совещании. Если спросят, когда буду в офисе, скажите, что сегодня не вернусь.

Трубку взяла Далджит. Несколько секунд она молча слушала и вдруг заорала, прикрыв микрофон рукой:

— У нас мальчик!

Остров огласился восторженными воплями. Лейстер выхватил у нее телефон.

— На кого похож? — торопливо поинтересовался он со странным чувством опасения и надежды.

— Какая разница? — ответила Кати. — Мы все влюбились в него с первого взгляда. Отличный парень, увидишь.

— Разницы никакой, просто любопытно. Ты бы сама спросила, если бы торчала здесь.

— Что ж... Судя по цвету кожи, отец либо Чак, либо Джамал.

— Отец либо Джамал, либо Чак, — шепнул Лейстер, прикрыв трубку рукой.

— Я — отец? — переспросил Джамал.

— Возможно, отец, — поправил Лейстер.

— Ты пол-отца! — поддразнила Далджит.

— Я — папаша! — обалдело повторил Джамал. — Я!

Он неуклюже заплясал вокруг Далджит, которая тут же рявкнула:

— Куда ты со своей ногой!

Тамара обняла Джамала и крепко поцеловала.

Лейстер порадовался за друга, чувствуя, правда, некоторую ревность. Мысль о том, что это мог быть и его сын, вызвала у него массу смешанных чувств.

Наутро они отчалили и продолжили путь вниз по реке. День выглядел прекрасным. Лейстер чувствовал подъем и привел статью в форму, близкую к окончательной, уже к полудню. Он даже обдумал заключение.

«Наблюдения показали, что основные группы динозавров позднего маастрихтского века осуществляют как внутривидовое, так и межвидовое общение с помощью инфразвука. Общение между видами представляется особенно важным, так как оно формирует кибернетические системы,

которые, в свою очередь, помогают образованию экосистемы. Отмечены приручение и пастушье поведение. Преимущества данной системы для хищников очевидны. Преимущества для травоядных хотя менее заметны, но тоже весьма существенны. Система является комплексной и обеспечивает максимальную выгоду для всех видов животных».

— Я закончил, — объявил Лейстер. Джамал зааплодировал.

— Давайте послушаем.

— Нет, я хочу устроить первое чтение дома, при всех, иначе получится нечестно.

Раздались стоны.

— Ты же прочел нам то, что сделал вчера, — заметила Далджит.

— Да, но вчера мы были еще далеко. А сегодня... Сколько нам осталось?

Спутник находился очень низко, но они все-таки смогли определить свое местоположение. Далджит и Джамал, переругиваясь и отнимая друг у друга карту, пришли к заключению, что к обеду плот достигнет точки слияния Идена и Стикса.

— Вот и хорошо. При любых обстоятельствах к ночи будем дома. Там и устроите мне судилище.

Все вместе.

Лейстер поднялся.

— Если не ошибаюсь, моя очередь править.

В течение часа места по обе стороны реки приобрели знакомый вид. Берега стали плоскими, высокие леса отодвинулись далеко в глубь суши, плодородную землю покрывали кустарники, папоротники и саговники.

Странники вернулись к своим пастбищам.

Их внимание притупила именно близость дома. Лейстер аккуратно вел плот по течению Идена, старательно обходя мели, когда услышал, как ойкнула Далджит.

Чуть дальше на берегу топталось стадо трицератопсов, издали похожих на огромных миролюбивых буйволов. Только подплыв ближе, люди осознали, как неспокойно ведут себя животные.

Они готовились форсировать реку.

Процедура эта была для трицератопсов непривычной, более того — неприятной. Напуганные, они бродили по берегу, подходя к реке, залезали в воду и сразу же выскакивали на сушу. Животные пытались взвинтить себя до истерического состояния, чтобы затем броситься в реку лавиной громадных тел, круша и сминая все, что попадется им на пути.

Например, плот.

— Может быть, мы успеем проскользнуть мимо, — тихонько предположил Джамал. Далджит прикрыла ему рот ладонью. В таком состоянии животных могла спугнуть любая мелочь.

В полной тишине плот проплывал мимо стада. Река в этом месте текла прямо, течение было быстрым. Легчайших ударов весла хватало, чтобы вести плот нужным курсом.

Картина выглядела бы просто буколически, если бы не охвативший путешественников ужас.

Прошло десять минут. Двадцать. Показался дальний край стада. Опасность почти миновала.

Сзади послышался всплеск.

Далджит втянула воздух сквозь зубы.

Обернувшись, Лейстер увидел белый пенистый бурун там, где первая партия трицератопсов входила в воду. Огромная масса животных, подрагивая, растекалась по берегу. Вот реку заполонил второй поток. Третий.

Напротив плота, там, где стадо почти кончалось, в воду кинулся четвертый.

— Вот черт, — произнесла Тамара.

В мгновение ока они оказались окружены динозаврами. Громадные туловища вздымали волны, которые бросали плот из стороны в сто-

рону. Одно из чудовищ задело правую сторону плота, чуть не сбросив путешественников в воду. Другое едва не врезалось в них слева, но, по счастью, лишь проскребло боком по бревнам. Их зацепил самый конец стада, поэтому поток получился небольшим, особей тридцать, и скоро все животные благополучно прошлепали мимо.

Все, кроме одного.

Самый последний динозавр был до смерти перепуган. Не видя ничего перед собой, он со всех ног бросился в реку и тут же врезался в плот, одна сторона которого резко поднялась.

Плот встал на ребро, покачался и перевернулся.

Все взлетело в воздух. Словно в замедленной съемке Лейстер видел, как в воду дождем посыпались их корзины и рюкзаки, топоры и куски вяленого мяса, одеяла и походная плитка. Далджит ловко нырнула, за ней последовала Тамара с копьем в одной руке и рюкзаком в другой. Затем, отчаянно махая руками и ногами, в воду упал Джамал. Лейстер успел увидеть его побледневшее лицо, когда тот стукнулся головой о край плота, и тут же сам оказался в реке.

Задыхаясь, он рванулся вверх и, когда его ноги коснулись дна, обнаружил, что стоит в воде

всего-навсего по грудь. Кругом плавали бревна; трицератопсы, спеша к берегу, шлепали по дну, перемешивая ногами жидкий ил.

— Джамал! — услышал Лейстер собственный крик.

Никто не ответил.

Лейстер набрал в легкие воздуха и нырнул. С вытянутыми вперед руками он поплыл к тому месту, где в последний раз заметил Джамала, стараясь держать глаза открытыми, но ничего не видя в мутной воде.

Палеонтолог двигался все медленней и медленней, пока не остановился и пробкой не вылетел на поверхность, жадно глотая воздух. Легкие горели, грудная клетка, казалось, сейчас разорвется. Справа и слева от него убегала в бесконечную даль река.

Безнадежно. Нечего и пытаться отыскать Джамала в такой огромной массе воды.

Еще разок, подумал Лейстер. Еще только раз, чтобы быть точно уверенным, что его не спасти.

Он снова нырнул.

Бурая вода опять побежала по обе стороны от его тела. И вдруг перед глазами выросло черное пятно. Руки уперлись во что-то мягкое, и в то же мгновение Лейстер уткнулся лицом в спину

Джамала.

Джамал не шевелился.

Лейстер обхватил руками неподвижное тело друга и рванулся кверху. Почти сразу же ноги его коснулись дна, а голова оказалась в воздухе.

Неожиданно обвисший в его руках Джамал затрясся и закашлял.

Вода хлынула изо рта, он застонал, глотая воздух, и стал отбиваться от Лейстера, чуть не свалив его обратно под воду.

— Все нормально! — закричал Лейстер. — Все хорошо, успокойся! Дай мне вытащить тебя на берег!

Не переставая вздрагивать, Джамал хрипло спросил:

— Все... что?

— Все нормально!

С видимым усилием сдерживая дрожь, Джамал просипел:

— Однако странные у тебя представления о нормальном...

Смеясь и плача, они выползли на берег. Далджит подхватила Джамала с другой стороны, и вдвоем с Лейстером они выволокли его на сушу.

— Со мной все нормально! — слабо протестовал спасенный. — Ты что, не видишь? Лейстер сказал

— все нормально.

Подошла Тамара, держа в руке промокший рюкзак.

— Один я сумела спасти, — сердито и смущенно сказала она. — Остальные утонули. Извините.

Лейстер представил себе, сколько всего ушло под воду: два сотовых телефона, оба топора, вся обувь. Большинство вещей абсолютно незаменимо. Но он не мог осознать потери.

Одной рукой Лейстер все еще обнимал Джамала за плечи. Он поднял вторую, и Тамара, бросив рюкзак, скользнула под нее. Не стесняясь слез, все четверо крепко обнялись.

— Мы легко отделались, — сказал Лейстер. — Мы очень легко отделались.

Он не кривил душой. В это мгновение Лейстер точно знал, что отдал бы все топоры на свете за то, чтобы Джамал остался в живых.

И в это же мгновение он мысленно добавил к заключению статьи слова:

«Возможно, что именно благодаря своей высокой эффективности межвидовое общение послужило причиной вымирания наземных динозавров».

19
ЛАЗАРЬ-ТАКСОН

Карнавальная станция: мезозойская эра, юрский период, верхняя юра (доггер), ааленский век. 177 млн. лет до н. э.

В полутемной комнате в одиночестве сидел Старикан.

В раскинувшимся снаружи мире разворачивался, без сомнения, один из самых интересных периодов мезозойской эры — момент, когда динозавры, почти потерявшие свое место в экосистеме, вдруг снова выбились в лидеры. Но что ему до этого! Он не отрываясь разглядывал видения, возникавшие перед ним в воздухе. Время от времени Старикан получал приборы, действие которых невозможно объяснить с позиций человеческой науки. Вот этот, например, давал возможность подглядывать за любыми интересными событиями. Что-то вроде невероятно усовершенствованного телевизора. По словам подаривших, из всех обитателей Земли только Старикан имел такое чудо.

В полумиллиарде лет отсюда Гриффин и ком-

пания готовились к встрече с таинственными спонсорами. Шагнув в ворота, они перенеслись на ту же самую поляну, с которой начали свое знакомство со здешним миром.

Старикан наклонился вперед, и по мере того как его сознание сливалось с сознаниями тех, за кем он подглядывал, окружающее переставало существовать.

* * *

«Лазильные деревья» Джимми оказались дальше от ворот, чем казалось сначала. Высотой и переплетением линий они напоминали средневековый собор. И чем ближе подходили путники, тем яснее становилось, что эти леса не похожи на все виденные ими ранее.

Неизменный повел компанию под сень ветвей. По извилистым тропинкам они двигались сквозь густеющую чащу. Вокруг раздавались шорохи и приглушенный топот — под деревьями, несомненно, скрывалось множество живых существ.

— Я не могу понять — это естественное или искусственное? — сказала Молли, показывая на сплетающиеся ветки, обвивавшие один из стволов наподобие лестницы. По другому стволу струилась вода, наполняя вырост в форме рако-

вины, находящийся на уровне ее подбородка. Детский фонтанчик для питья? — А может, здесь не различают эти понятия? — продолжала она.

— Что за запах? — спросил Джимми.

Дерево сочилось сладким, приторным ароматом, напоминающим запах детеныша теропода, еще не сбросившего перья, смешанного с человеческим потом кленового сиропа или никогда не чищенных звериных клеток. Его трудно было описать.

Что-то свалилось с дерева прямо возле людей и на короткий момент остановилось на небольшой прогалине.

На первый взгляд существо обладало всеми признаками гуманоида: двуногое, прямоходящее, пара рук, туловище, голова — все на своих местах. Но руки сложены очень странно, туловище наклонено вперед, ноги слишком коротки, а голова украшена клювом.

Существо смерило путников перепуганным взглядом, переступило ногами со шпорами, чирикнуло и исчезло так же внезапно, как и появилось.

— Господи! — вскрикнула Молли.

— Что это за ублюдок? — вздрогнул Джимми.

— Avihomo sapiens, — ответила Сэлли. — Второй

разумный вид на этой планете. Гертруда называет их птицелюдьми.

— Птицы, — бесцветным голосом произнес Гриффин. — Они произошли от птиц?

— Да. Боюсь, мы, млекопитающие, опять сосланы на задворки эволюции.

Неизменный показал рукой на расщелину в одном из стволов.

— Туда, — сказал он.

Гости прошли внутрь раскрывшегося перед ними дерева. Наверху ветки переплетались, образуя высокий потолок. Шары мягкого света висели между ветвями, неярко освещая помещение. А в центре комнаты вокруг стола в ожидании стояли хозяева.

Птицелюдей было трое, гордых и неуклюжих, самый маленький — вдвое ниже человеческого роста. Их тела покрывали черные блестящие перья, вставшие на затылках пушистым крестом. Клювы цвета выбеленной солнцем кости; ярко-красные глаза.

Их руки, худые и суставчатые, напоминали бы лапы богомола, если бы не заканчивались длинными, свисающими книзу кистями. Ничего похожего на крылья. Птицелюди, видимо, потеряли способность летать тысячи лет назад.

Гриффин подумал, что эта жертва оказалась большей, чем та, которую принесли предки человека, реликтовые гоминоиды, спустившись с деревьев ради жизни на земле.

Один из птицелюдей быстро потряс головой и издал низкий щебечущий звук.

— Я буду переводить, — сказал Неизменный.

Лица хозяев оставались бесстрастны, они не проявляли никаких эмоций, только иногда быстро покачивали головами. Тот, что уже говорил, засвиристел снова.

— Он говорит: «Мы знаем, зачем вы здесь. Мы знаем, чего вы хотите».

Гриффин откашлялся.

— И что?

— Он говорит: «Нет».

— Нет? — переспросил Гриффин. — Что значит «нет»? Неизменный и его хозяева долго переговаривались. Затем Неизменный сказал:

— Он говорит: «Нет — значит нет. Нет. Вы не получите того, зачем пришли».

Гриффин в задумчивости вдохнул. Потом заявил:

— По-моему, мы здорово забежали вперед. Давайте обсудим все с самого начала, хорошо?

Старикан удовлетворенно ухмыльнулся и от-

кинулся на спинку стула. Тактика примитивная, но действенная: если не получаешь желаемого, притворись, будто думаешь, что тебя просто не поняли, и повтори все сначала, тщательно, опять проговаривая каждую деталь. Своеобразное испытание скукой, рано или поздно дрогнет даже самый упорный.

Он провел сотни часов своей жизни в спорах с такими же, как он, бюрократами из других организаций в поединках, напоминающих борьбу двух столкнувшихся лбами пахицефалозавров.

Но в данном случае все без толку. Птицелюди устроены по-другому, к человеческой психологии у них иммунитет. Они даже не понимают, как мы мыслим.

Старикан аккуратно перевел время действия на час вперед и снова присоединился к переговорам.

— Он говорит: «Вот что мы сделали. Во времени остался след в виде четырехмерной спирали. Была ли альтернатива? Нет. Иначе мы бы сделали по-другому. Но мы этого не сделали».

— Что, черт побери, это значит? — нетерпеливо спросила Сэлли.

Гриффин сделал успокаивающий жест и обратился к Неизменному:

— Мы не поняли. Они не могут разъяснить поподробней? Один из птицелюдей, самый высокий из трех, раздраженно хлопнул ладонями по столу.

— Она говорит: «Почему мы обсуждаем вес это, если мы не обсуждаем все это?»

Люди обменялись недоуменными взглядами.

— Возможно, — осторожно предположил Гриффин, — вы не допускаете существования такого понятия, как свободная воля?

Птицелюди заговорили между собой, тряся головами с таким энтузиазмом, что было непонятно, как они не калечат друг друга клювами.

— Они говорят: «Свободная, да. Но разве это воля?»

Та часть сознания Старикана, которая не участвовала в процессе наблюдения, почувствовала знакомую, застарелую ярость. Если бы лев заговорил, сказал когда-то Витгенштейн[44], мы бы не поняли его. Воистину так. Старикан вел переговоры с птицелюдьми множество раз, и образ их мышления никогда не совпадал с человеческим. Качество перевода также оставляло желать лучшего.

---

[44] notes: 44

Витгенштейн Людвиг Иосиф Иоганн (1889 — 1950) — австрийский философ и логик, представитель аналитической философии

Неизменный был на редкость прямолинеен и полностью лишен фантазии. Птицелюди выражали свои мысли в совершенно чуждой манере. Все это вместе вело к тому, что понимание между двумя видами разумных существ возникало невероятно редко.

В дверь постучали. В комнату заглянул Джимми.

— Сэр?

Старикан прервал наблюдение.

— Да?

— Вы просили сказать, когда Робо Бой начнет колоться.

— Хорошо. Правда, теперь это почти не имеет значения. Он назвал своих руководителей?

— О да. Он поет, как канарейка, сэр. Как чертов Энрико Карузо. Мы уже уведомили ФБР. Они передали, что с ордером на арест не будет никаких проблем.

— Хоть это радует.

Взмахом руки Старикан выпроводил Джимми из комнаты и перевел время наблюдений еще на час вперед.

Теперь люди сидели на стульях. Наконец-то додумались их попросить. Все, кроме Гриффина, выглядели усталыми и раздраженными, он один

обладал достаточным опытом, чтобы скрывать злость и держаться с достоинством.

— Объясните нам смысл проекта.

Наконец-то они дошли до сути! Старикан покинул обсуждение. То, что сейчас последует, необходимо участникам переговоров, а ему уже давно известно.

Птицелюди подарили человечеству машину времени по одной простой причине: они хотели изучить вид homo sapiens. Подарок повлек за собой создание Неизменного — инструмента, максимально приближенного к человеку, способного адекватно наблюдать и регистрировать его поведение.

Но была и вторая причина.

Птицелюди желали наблюдать людей, занятых типично человеческой деятельностью. Круг наблюдений оказался довольно широк, но, судя по поведению Неизменных, квинтэссенцией человеческих занятий птицелюди считали бюрократию и научные исследования.

Из этих двух, в свою очередь, наиболее интересной им представлялась наука. Поэтому они и создали условия, в которых ученые могли заниматься ею с полной отдачей. Человечеству подарили мезозой.

В свое время эта новость тронула Старикана так же сильно, как когда-то в детстве его поразил тот факт, что дельфины, оказывается, любят людей. На самом деле человек — редкостная сволочь. И очень приятно, что другие виды разумных существ почему-то считают его достойным любви.

Когда некто без всякой задней мысли верит, что смысл твоей жизни — открывать что-то новое, начинаешь смотреть на себя другими глазами.

Хочется оправдать доверие.

Старикан перемотал запись событий и поставил прибор на паузу, чтобы сделать распоряжение. Вернувшись, он увидел, что в комнату для переговоров вошел еще один Неизменный и что-то сказал.

Сэлли и Молли поднялись и вышли вместе с ним.

Это был жест благородства. Обе женщины устали до слез, а переговоры будут продолжаться еще не один час. Поэтому Старикан организовал для них небольшую экскурсию.

— Посмотри! — воскликнула Молли. — Модели плавающих башен. Точно такие же, как та, где живет Гертруда.

— Нет. — Сэлли выловила одну башенку и подняла вверх, чтобы Молли хорошенько рас-

смотрела подводный пузырь, обеспечивающий башне плавучесть, и переплетение корешков, придававшее ей устойчивость. — Это не модели, это ростки.

Неизменный привел их вниз, к переплетению корней странного дерева-дома. Вокруг виднелось множество луж с темной стоячей водой. В воздухе пахло хвоей.

— Ты хочешь сказать, они их *выращивают?*

Из воды, вытянув шею, выскочил птицечеловек. От неожиданности Молли вскрикнула и отшатнулась. Существо выпрыгнуло из лужи, отряхнулось, как утка, и исчезло в одном из коридоров.

Старикан еще немного промотал вперед запись наблюдений. Теперь женщины стояли высоко в кроне дерева-дома. Солнечные зайчики плясали на их лицах, легкий бриз раскачивал ветки.

Молли сморщила нос.

— Могли бы построить что-нибудь получше, с их-то технологиями.

Повсюду располагались гнезда, небрежно сделанные, все в белых пятнах, набитые пищащими детенышами птицелюдей.

— Ты должна посмотреть на это с их точки зрения, — не очень убежденно сказала Сэлли. Потом

пожала плечами. — Я...

Старикан пропустил еще кусок.

Теперь они стояли на площадке чуть выше крон деревьев. Неизменный показывал вдаль, на линию горизонта. Молли, смеясь, повернулась, чтобы посмотреть, и застыла в изумлении и страхе. Сэлли молча стояла позади нее.

Старикан раздраженно переключился на Гриффина и Джимми. Ему нужен результат, а не эмоции.

— Он говорит: «Да, мы можем дать вам оборудование, которое вы просите. Да, вы можете спасти ваших друзей. Нет, не в первоначальной точке контакта. Не через шесть месяцев. Уже записано, что этого не случилось. В следующей точке контакта. Через два года. Но вы этого не захотите».

Гриффин выпрямился. Прошли уже долгие часы с начала переговоров. И он заметно вымотался.

— Что вы имеете в виду? Конечно, нам необходимо оборудование. Спасибо. Мы возьмем его.

Наступила долгая тишина.

— Почему мы этого не захотим? — спросил Джимми.

В ответ раздалось низкое ворчание, его издал один из трех хозяев, Гриффин даже не понял

— который.

— Он говорит: «Вы не захотите, потому что проект закрывается».

— Что?!

— Он говорит: «Линия, в которой мы подарили вам путешествия во времени, подлежит уничтожению».

— Когда?

— Он говорит: «Сразу после окончания переговоров».

Начались восклицания и вопросы, возникла даже небольшая перебранка, не имеющая, впрочем, никакого смысла.

Просто сдаться без спора было чуждо человеческой натуре. Старикан пропустил большую часть и вернулся, снова забравшись в сознание Сэлли.

— А как же Гертруда? Она же из другой временной линии, а мы с ней встретились, и ничего! — услышал он. — Значит, вы умеете сводить эти линии? Зачем же тогда закрывать нашу? Почему бы вам не повторить то же самое, что вы сделали со мной и Гертрудой?

Долгое время говорил один из птицелюдей. Неизменный перевел:

— Она говорит: «Это сделано временно. Даже если бы это было возможно, это было бы невоз-

можно».

— Я не понимаю!

— Она говорит: «Временная линия, которая содержит объекты нашего наблюдения, содержит также и нас самих. Мы знали это с самого начала. Мы знали, что, закончив изучение людей, мы вместе с ними должны раствориться во временной петле. Это цена. Путешествия во времени возможны только при таких условиях».

— Тогда зачем? — воскликнул Джимми. — Зачем вообще весь этот проект?

Говорившая показала клювом сперва на Гриффина, потом на Сэлли.

— Она сказала: «Они понимают».

Один из птицелюдей встал и подошел к дальней стене комнаты. За ним — второй. В углу поблескивал темной водой маленький пруд. Один за другим птицелюди прыгнули туда и исчезли.

Не дожидаясь, пока третья пойдет следом, Гриффин быстро произнес:

— Послушайте!

Та внимательно поглядела на него блестящими глазками.

— Если это не важно... Если уже ничего не важно... Тогда дайте нам прибор для спасения наших

друзей.

Птицечеловек и Неизменный обменялись звуками, похожими на кудахтанье и попискивание.

— Она говорит: «Зачем?»

— Это чисто человеческое. Вы все равно не поймете.

В ответ раздался звук столь пронзительный, что у людей заложило уши.

Наступило долгое молчание. Гриффин решил, что у них снова ничего не вышло, но тут Неизменный заговорил:

— Она сказала: «Это будет сделано».

Пауза.

— «Уже сделано».

Пауза.

— «Великая честь находиться здесь, в присутствии человеческих существ. Как вы прекрасны. Как чудесны ваша смелость и ваше любопытство».

Щелкающий звук.

— Она говорит: «Вы ученые. Я тоже ученый. Всю свою жизнь я пыталась понять млекопитающих».

Чириканье.

— Она говорит: «Вы благородные существа. Без вас мир стал беднее».

Самка птицечеловека разогнула гротескно сложенную конечность и протянула ее через стол. Три пальца на уродливой ладони торчали в разные стороны.

— Она говорит: «Мы можем пожать друг другу руки?»

Старикан с неохотой подавил желание проводить Гриффина и его компанию домой. Он закрыл картину переговоров и распахнул другую. Отворилось окошко в мезозой. Всего в каких-то ста двадцати двух миллионах лет отсюда.

В этот день устраивали праздник урожая, и лагерь наполнял запах жарящегося на вертеле молодого анкилозавра.

Лейстер сидел в хижине и лениво счищал кожуру с болотных клубней. Краем глаза он наблюдал за Натаниэлем, который тряс сделанной для него Патриком погремушкой. Далджит ощипывала маленького пернатого динозавра. Лейстер взглянул на тушку в ее руках и похолодел.

— Это не... Это что за зверь?

— Просто маленький динозавр. С гарниром будет очень вкусно.

— Нет, серьезно, я такого не знаю. Это новый вид? Дай мне посмотреть его зубы.

— Руки прочь от обеда! — засмеялась Кати. Она вынула из чайника отмокающие там пальмовые листья и обернула ими клубни, которые собиралась испечь на углях. — Чисти давай, мне не хватает.

— Ну, девочки. Его же все равно потрошить. Вдруг это что-то интересное?

Далджит отложила тушку.

— Слышите? — напряженно спросила она.

— Я не... — начала Кати.

— Ш-ш-ш!

Снаружи раздавались незнакомые голоса.

— О господи, где моя рубашка! — вскрикнула Далджит.

Кати подхватила ребенка и молча выбежала во двор. Лейстер за ней. Последней, лихорадочно застегиваясь, выскочила Далджит.

Спасатели оказались военными — молодыми, коротко стриженными парнями, явно смущенными ситуацией. Но они привезли с собой журналистку, которая уже бегала с камерой вокруг палеонтологов.

— О чем вы больше всего жалеете? — спросила она. Несколько членов племени, отвыкшие от незнакомых лиц, смущенно попятились. Журналистка сунула микрофон под нос Джама-

лу. — Вы?

— Думаю, больше всего нам не хватало ботаника. При формировании экспедиции предпочтение отдавалось зоологам, в особенности специалистам по позвоночным, и мы дорого заплатили за это. Необходимо было включить в наши ряды специалиста по здешним травам.

— Аминь! — возбужденно воскликнула Кати. — Здесь обязательно должно существовать что-то, содержащее танин. И краски! Не давайте мне говорить о красках, а то я не остановлюсь!

— А вы?

— Я жалею, что у меня так ни разу и не вышел приличный глиняный горшок, — сказала Далджит. — Печь получилась очень хорошей, но я никак не могла подобрать нужную температуру.

— Вы?

— Я жалею, что не захватил с собой запасной маячок времени, — заявил Нильс.

Все захохотали, а он продолжил уже серьезно:

— Если бы я знал, что мы здесь застрянем, я бы взял больше медикаментов. И освоил бы кое-какие ремесла.

— Какие же?

— Например, обработка камня. Вы когда-нибудь пробовали сделать каменный нож? Уверяю

вас, это нелегко.

— Первая вещь, — спросила журналистка, переводя камеру с Натаниэля на Кати, — которую вы собираетесь сделать, как только вернетесь в настоящее?

— Съем стейк!

— Выпью молочный коктейль!

— Чашку чая с лимоном и не буду жалеть сахара!

— Душ! Горячий!

— Точно!

— А я неделю тупо проторчу перед телевизором!

— А я прочитаю абсолютно новую книгу!

— Хочу поговорить с незнакомцем!

Стоя в отделении, Лейстер раздраженно пробормотал:

— А я убью Гриффина за то, что он втравил нас в эту историю. А будет время — так и Робо Боя.

Но его не услышал никто, кроме Старикана. И только Старикан увидел, как полчаса спустя, когда угли уже намокли от дождя, анкилозавра бросили на произвол судьбы, а спасенные и спасатели выстроились в очередь к воротам, чтобы вынырнуть из них в Кристал-Сити, Лейстер придирчиво выбрал тяжелый булыжник и спрятал

его в карман.

Старикан вздохнул и открыл ящик стола. Там лежало восемь распоряжений. Он не торопясь прочитал каждое, а последнее порвал пополам.

Вторая попытка оказалась удачней. Только две смерти. Целиком заслуга Лейстера, он справился со своими обязанностями лучше, чем в первый раз.

Старикан, конечно, сожалел о смерти Лидии и молодого человека. Но что сделано, то сделано. Второй шанс выпадает в жизни так редко, что это можно считать чудом.

Он решил бросить последний взгляд на Гертруду, одинокую и прекрасную. Она была редкой птицей, rara avis, вероятно, самой редкой в своеобразном птичнике его коллег. И Старикану нравилось присматривать за старушкой. Время от времени он навещал ее, чтобы Гертруда не теряла связь с человеческим обществом.

Иногда они играли в шахматы. Он всегда выигрывал.

Лазарь-таксон[45] испарялся из записей палеонтологов, будто вымирая, только для того, чтобы,

[45] notes: 45

Таксон — группа организмов, отнесенных в процессе классификации к определенной категории. В основу названия таксонов кладется обычно название какого-нибудь рода, входящего в этот таксон

возродившись, появиться вновь. Старикану нравилось думать о докторе Гертруде Сэлли как о человеческом варианте лазарь-таксона. Пока она жива, люди не исчезнут до конца.

Старикан отворил окно наблюдения в башню Гертруды. Та работала, сидя за письменным столом. Однажды, когда он вот так подглядывал за ней, она почувствовала его присутствие и, посмотрев прямо в глаза, насмешливо подмигнула. Правда, не сегодня.

Ну и хорошо. Сегодня слишком торжественный день. День, когда все кончается.

Он подписал последнюю бумагу и бросил ее на столик для исходящей почты. Представление окончено. Можно и на пенсию.

Старикан медленно поднялся. Кожаное кресло скрипнуло, будто выражая симпатию. Все тело болело, но это возрастное. Он привык.

Осталось сделать еще только одну вещь.

20
КОНЕЦ ИГРЫ

Кристал-Сити, Виргиния: кайнозойская эра, четвертичный период, эпоха голоцена, современный век. 2012 год н. э.

Если предположить, что эти запутанные события вообще имели хоть какой-нибудь конец, то они закончились в яркий весенний день в Кристал-Сити, в зале отеля «Мариотт». Две сотни палеонтологов прибыли сюда по специальному приглашению, чтобы поглядеть, как военные собирают новую, никем еще не виданную машину и монтируют временной туннель.

— Отойдите, пожалуйста, — взывал один из офицеров. Толпа шевелилась, но не отступала.

— Прошу вас! Джентльмены! Леди!

Офицер явно не привык иметь дело со штатскими, его уговоры не возымели ни малейшего эффекта. Раздраженный, он повернулся к помощнику и сказал сквозь зубы:

— Черт с ними. Включай.

Тот повернул рубильник. Что-то загудело.

На полу лежал только что смонтированный

плоский металлический диск, соединенный проводами со странным оборудованием. Воздух над ним внезапно сморщился и задрожал. Диск наполнился ярким солнечным светом, как будто отворилось окно в другую, более яркую реальность. Ученые заморгали, кое-кто прикрыл глаза руками, стараясь между пальцами разглядеть — что происходит.

— По-моему, там... — начал кто-то, но его заглушили восклицания остальных.

Сквозь сияющий диск уже шли один за другим участники затерянной экспедиции. Первым двигался Лейстер, судорожно прижимавший к себе кипу записей, и Тамара с копьем в руке. За ними Джамал, расплывшийся в широкой улыбке, увидев изумленные лица встречающих. Следом появились взволнованная Лай-Цзу с Натаниэлем на плечах, Патрик, Далджит и все остальные.

Кто-то в зале неуверенно зааплодировал. К нему присоединились остальные.

Пожилой мужчина, совершенно лысый, но с пушистыми седыми усами, подался вперед и с благоговением принял бумаги из рук Лейстера. Поколебавшись, он с восторженной улыбкой поднял их над головой.

Аплодисменты усилились.

Тамара судорожно сжала копье, растерявшаяся, ослепленная вспышками фотоаппаратов. Сколько народу, а от нее, наверное, дурно пахнет! Она поглядела на нарядных людей в зале, потом на своего Урода и с внезапным отвращением сказала:

— Заберите эту штуку.

К ней тут же протянулись десятки рук.

— Если вы не возражаете, мы поместим его в одну из наших экспозиций, — сказала смутно знакомая Тамаре по той, прошлой жизни женщина. Как же ее звали? Линда Дек или что-то в этом роде. Из Смитсоновского музея.

— И... может быть, ваше украшение?

Тамара дотронулась до висевшего на шее трофейного зуба, на котором Патрик вырезал довольно удачную копию фотографии — той самой, где она, ликуя, стоит над поверженным тираннозавром. Тамара сверкнула зубами и низким, угрожающим тоном прорычала:

— Его вы получите только с моего трупа.

Женщина в испуге отшатнулась, Тамара вдруг поняла, какими дикими они все выглядят.

— Да не бойтесь, — как можно более миролюбиво сказала она. — Поставьте меня в душ, дайте три куска мыла, и все будет в порядке.

— Мы зарезервировали вам номер. — Женщина протянула ей ключ. — И всем остальным тоже. Там есть и чистая одежда.

— Спасибо, — отозвалась Тамара. — Держите копье.

Патрик обеими руками держал диски с фотографиями, любовно обернутые мягчайшими кусками кожи троодона. Они были до отказа заполнены снимками и пересняты порой по нескольку раз. Какой-то мужчина в деловом костюме попытался забрать их и рассмеялся, когда Патрик оттолкнул его руки.

— Разве так обращаются со своим издателем?

— Что?

Мужчине удалось наконец завладеть дисками. Взамен он сунул в руки Патрику авторский экземпляр книги, которая, судя по выходным данным, будет издана через несколько месяцев. Тот недоверчиво перелистал страницы. Анкилозавры барахтаются в илистой реке. Тираннозавр подозрительно поднял голову от недоеденной добычи; из пасти ручьем стекает кровь. Птеранодоны низко парят над серебряной гладью озера. Невезучий дромеозавр, растоптанный могучей лапой трицератопса.

Увидев фотографию титанозавров в сумерках,

Патрик поднял голову.

— Отпечаток слишком темный. Не видно деталей.

— Нет, Патрик, это мы с тобой уже обговорили... — Издатель осекся. — Во всяком случае, я с тобой это уже обговорил и не очень хочу повторять все сначала, особенно в воскресенье. Завтра утром ты придешь в офис и проешь мне плешь по поводу оттенков. В конце концов, ты согласишься с моей точкой зрения.

Проигнорировав возмущенный взгляд Патрика, издатель добавил:

— Приглашаю выпить за мой счет. Держу пари, ты уже сто лет не пробовал пива.

Лай-Цзу тревожилась за сына. Он мог испугаться вспышек фотоаппаратов, шума, огромного количества незнакомых людей и машин. Но сидящий у нее на руках Натаниэль с интересом вертел головой, впитывая окружающее любопытными карими глазами. Кто-то вручил им огромную связку воздушных шариков.

Взвизгнув от восторга, мальчик потянулся к ним.

Похоже, новый мир пришелся ему по душе.

Занятая малышом Лай-Цзу не сразу заметила высокого худощавого юношу, который прибли-

зился со словами:

— Привет, мам.

Он заключил огорошенную Лай-Цзу в объятия и поцеловал в лоб.

— Мамочка моя, — ласково сказал он и засмеялся: — А это что — я?

Он подхватил Натаниэля на руки и подбросил в воздух. Оба захохотали.

— Похоже, я был отличным мальчишкой!

Джамал еще переваривал факт возвращения домой, когда к нему подскочила дама с визиткой в руке.

— Мне сказали, что нужно говорить именно с вами, — защебетала она. — Вы с друзьями пережили потрясающие приключения, и я считаю своим долгом предостеречь: скоро вокруг закружатся стервятники. Вам необходим представитель.

— Представитель? — тупо переспросил Джамал.

— Ну да — агент. Вы просто не имеете права уступить вашу удивительную историю первой попавшейся кинокомпании.

Всего лишь минуту назад Джамал размышлял о том, как странно вновь очутиться в мире коммерции, какой трудной и непривычной покажется

им здешняя жизнь. Но слова женщины словно открыли внутренние шлюзы, забытые навыки потоком хлынули в голову.

Первым делом необходимо утвердить Натаниэля в роли полноправного участника экспедиции и обговорить его долю прибыли. В таком случае, даже если все они впоследствии перессорятся, тяжесть воспитания не свалится целиком на Лай-Цзу. Что бы ни стряслось, мальчик должен получить образование.

О ценах следует условиться немедленно, пока не схлынул интерес к экспедиции и всему, что с ней связано.

Джамал взял женщину под руку.

— Обговорим детали?

Кати и Нильс улучили минутку и уединились в дальнем углу зала.

— Похоже на конец целой эпохи, правда? — спросил Нильс.

— Правда. Ты слышал ту женщину, что подошла к Джамалу? Она что-то говорила о фильме по мотивам наших приключений.

— Знаешь, если это кино действительно снимут, я бы предпочел не включать в него некоторые моменты.

— Ты имеешь в виду... — Кати чуть покрас-

нела.

— Да.

Нильс смущенно поковырял пол носком ботинка.

— Я думаю, этому тоже пришел конец. Трудно представить, чтобы мы сняли большую квартиру и...

— Просто невозможно.

— Это как-то неприятно. Вроде тех свингерских клубов, что были популярны в прошлом столетии.

— Согласна.

— Но, знаешь...

Он глубоко вздохнул и наконец посмотрел ей в глаза.

— Если все разбегутся, это ведь не означает, что мы с тобой должны тоже... Что ты и я не можем...

Им потребовалось немало времени и слов, чтобы выяснить все до конца. Хотя многое стало понятно уже давным-давно, еще в мезозое.

Раймонд Бойз, толкаясь в толпе встречающих, неожиданно осознал, что вокруг полно охранников. Он попытался сделать шаг назад и не смог. Его плечо сжала чья-то рука, и голос Ирландца промолвил:

— Потише, сынок.

Робо Бой затравленно огляделся и узнал в стоящей рядом женщине Молли Герхард, постаревшую на несколько десятков лет со времени их последней встречи.

— Добрый день, Робо Бой, — сказала она, смерив его каменным взглядом. — Давненько не виделись.

Джиллиан и Мэтью тихим вежливым голосом отозвал в сторонку офицер охраны. Он подвел их к Тому Наварро.

— Всего лишь на одну секунду, — пообещал тот. — Нужно кое-кого опознать. У нас есть основания предполагать, что в данный момент в зале находится террорист. Тот самый, который заложил бомбу и убил Лидию Пелл. Если вы будете так любезны посмотреть кругом...

Он замолчал, вплотную подведя их к Раймонду Бойзу.

— Господи! — воскликнула Джиллиан. — Это он!

— Это Робо Бой! — подтвердил Мэтью. Краем глаза он заметил женщину с камерой, но не придал этому значения. — Он оставил звуковое сообщение, вес могут подтвердить! Я...

Охранники, казалось, дожидались только кивка. Робо Боя увели, подгоняя пинками и за-

трещинами.

— Это не я! — перепуганным голосом кричал он. — Я ничего не делал!

Робо Бой даже попытался укусить одного из конвоиров и получил сильный удар в живот. Застонав, он согнулся от боли, а охранники быстро поволокли его к дверям. Женщина побежала за ними, сфокусировав камеру на лице задержанного.

— Спасибо, — спокойно сказал Том Наварро. — Вы нам очень помогли.

Эми Чо тяжело навалилась на трость. Нога болела: чтобы иметь возможность поприсутствовать на встрече, Эми отложила давно планируемую операцию. Теперь она жалела об этом. Мученик, как бы он ни заблуждался, должен достойно встречать свою судьбу. Ему надо укрепиться в вере и молиться Господу, оставив страсти Дьяволу.

Раймонд Бойз оказался для нее большим разочарованием.

Ах, ей бы прежние силы! Теперь она способна лишь неловко, болезненно ковылять, не в силах догнать даже неторопливого человека. Тем не менее Эми поспешила наперерез конвоирам.

— Стойте! — потребовала она. — Мне надо сказать ему несколько слов!

Джимми Бойли узнал ее и сделал охранникам знак остановиться. Те повернули свою всхлипывающую жертву лицом к Эми. Женщина с камерой отступила, чтобы снять сцену целиком.

Эми Чо подняла трость с таким видом, будто собиралась ударить Робо Боя.

— Прекрати реветь! Святой Павел был арестован в Антиохии, в Эфесе, в Риме и бог знает где еще, и это лишь укрепило его веру! Он пережил гонения, но принимал свои страдания с радостью! А ты?

Робо Бой тупо смотрел на нее.

Эми яростно трясла тростью.

— Ты убивал, обманывал и оказался слаб в своей вере! Ты должен молиться, юноша! Молить Его о прощении! О спасении! О возрождении твоей истинной веры!

Эми Чо свято верила в спасительную силу веры. С ее точки зрения, Бог не требовал, чтобы вы тщательно изучили все его заповеди и руководствовались ими в каждый конкретный момент вашей жизни. Она легко могла представить крестоносца и мусульманина, вместе возносящихся на небо. Даже если они погибли от рук друг друга.

— Скажи мне, что ты будешь молиться Господу,

будь ты проклят! Скажи, что будешь!

Раймонд Бойз выпрямился в руках своих конвоиров. Он крепко зажмурил глаза, дернул головой, стряхивая слезы, и коротко кивнул.

Эми Чо сделала шаг в сторону, охранники повели арестованного дальше.

Быть может, для него еще не все потеряно, думала она. Господь никогда не оставит нас, как бы низко мы ни пали. И Эми не оставит. Она будет навещать Робо Боя в тюрьме. Объяснит ему кое-что. И покажет, где он свернул не туда.

Арест пойдет мальчику на пользу.

Далджит испытывала странные чувства. Она сознавала, где находится, но это место казалось совершенно незнакомым, даже чужим. Девушка ощутила, что больше не принадлежит современному миру и совсем не рада возвращению. Еще не время, еще слишком рано.

Но величайшее приключение в ее жизни закончено. Она вернулась из страны Нетинебудет, Средиземья и Эльдорадо одновременно. Драконы побеждены, сокровища выкопаны и отправлены домой в товарных вагонах, мечи и разноцветные знамена упакованы в сундуки и спрятаны на чердак. Все, что ждет ее впереди, никогда не будет столь ярким и значительным.

Она не могла скрыть досады.

В мезозое Далджит была счастлива. Да, пришлось пережить много страданий и тяжкой работы. Но труд приносил удовлетворение, и она снова и снова доказывала себе самой и остальным свою необходимость.

Не столь искусная воительница, как Тамара, Далджит все же умела постоять за себя. Научилась ставить силки и капканы. Знала, как поймать рыбу на крючок, копье или даже руками, как освежевать и выпотрошить только что убитого гадрозавра и уйти, взяв столько мяса, сколько она в состоянии унести, не дожидаясь появления хищников. Не пыталась перещеголять Лейстера, но была в состоянии идентифицировать практически любое животное по внешнему виду, голосу, а иногда и по запаху. Узнавала на вкус значительную часть травоядных, а по утерянному зубу определяла не только его прежнего обладателя, но место в челюсти, где находился этот зуб, а также насколько здоров потерявший его динозавр.

Далджит могла построить дом, будучи уверена, что его не разрушит первая же буря. Научилась, не стесняясь, петь песни, чтобы повеселить друзей. Вспомнив сделанную в детстве модель, заново изобрела ткацкий станок, научилась ра-

ботать на нем, а затем научила других.

Более того, Далджит сплавлялась на плоту по Идену. Она жила рядом с величайшими животными, когда-либо топтавшими земную твердь. Далджит ухаживала за умирающей женщиной в последние дни ее жизни и смогла выходить раненого мужчину. Она узнала слезы и смех, труд и любовь, риск и усталость.

Это были простые земные чувства, которые делают жизнь значимой. Что Вашингтон двадцать первого века мог предложить ей взамен?

Сзади подошел Патрик и взял ее за руку.

— Пойдем, — сказал он. — Вон тот несчастный полудурок называет себя моим издателем. Он, видимо, абсолютно не знаком с привычками палеонтологов и наивно предложил купить нам столько пива, сколько мы захотим. В баре, по его словам, есть широкоэкранный телевизор. Сейчас как раз идет бейсбольный матч, играют «Иволги». По-моему, лучше не придумаешь!

Далджит покорно дала себя увести.

— А у них есть корзинки с таким маленьким соленым печеньем? — взволнованно спросила она. — Потому что, если нет, это будет нечестно.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее издатель. — Если и нет, мы запросто можем за ним послать.

Лейстер, заметив Гриффина, который стоял, прислонившись к дальней стене зала, автоматически достал из кармана камень. Но, неуверенно покрутив припасенное оружие, со вздохом положил его обратно. Каков бы ни был взлелеянный им план мести, он испарился в одно мгновение. Это другой мир, все вопросы здесь решаются иначе.

Вокруг толпились люди, трогали его за руки, окликали. Кто-то протянул ему ручку и открытый номер «Сайнс». Однако, только подписав несколько экземпляров, Лейстер осознал, что ставит автографы на первую страницу своей статьи об инфразвуке.

Он почувствовал, что ему нужен воздух.

— Простите, — сказал Лейстер, двинувшись в сторону холла. — Простите, пожалуйста. Простите.

Он всегда ненавидел толпу. Как ему удавалось избегать ее раньше?

— Мне нужно в туалет.

— В конце холла, налево, — любезно подсказал кто-то.

— Спасибо.

Лейстер выскользнул из зала.

В холле тоже толпился народ, правда, не так

много, как в зале. Кругом незнакомые лица. Все, кроме одного. Сэлли.

Он направился прямо к ней, сердце стучало как молот, палеонтолог даже не знал толком, что будет делать, когда подойдет. Сэлли смотрела на него перепуганными, расширенными глазами, как жертва на алтаре смотрит на нож, как женщина смотрит на того, кто вот-вот ее ударит.

Лейстер взял ее за руку и увел за собой.

Ослепнув от страсти, они упали на пол гостиничного номера, едва успев затворить дверь. Все произошло быстро и грубо. Придя в себя, Лейстер обнаружил, что вокруг валяется порванная в клочья одежда, а дверь так и не закрылась до конца. Он толкнул ее ногой и обнаружил, что не снял ботинки.

Они с трудом оторвались друг от друга и попытались собрать раскиданные вещи, которые были не расстегнуты и не развязаны, а сорваны и отброшены как можно дальше.

— Моя бедная блузка, — простонала Сэлли. Извернувшись, она выскользнула из трусиков, которые Лейстер, не в силах ждать, разодрал почти напополам. — Придется послать за новой одеждой.

— Что до меня, — отозвался Лейстер, — то в

таком виде ты меня вполне устраиваешь.

— Чудовище, — ласково сказала Сэлли. — Самец.

Она дотянулась до газеты, которую они отшвырнули, входя в номер, и шлепнула его по голове.

Лейстер поцеловал ее, поцеловал опять, поцеловал в третий раз. Потом отобрал у нее газету, взглянул на первую страницу и расхохотался.

— Что там смешного?

— Дата. Прошло всего пять дней с тех пор, как я попал сюда впервые. На ту самую конференцию, где Гриффин рассказывал про путешествия во времени.

Лейстер встал.

— Ты читала основной доклад. Правда, выглядела постарше.

— Эй, куда это ты собрался?

— Сделать вторую вещь, о которой я мечтал последние два с половиной года.

Пока Лейстер наполнял ванну, Сэлли прикидывалась обиженной, что не помешало ей нырнуть вслед за ним. К концу купания на полу воды набралось больше, чем в ванне. Вытерев друг друга толстыми гостиничными полотенцами, они благополучно добрались до кровати.

Где снова смогли заняться любовью.

— Вот теперь я доволен, — пробормотал Лейстер. — Всю жизнь я ощущал какое-то напряжение. Казалось, я не делаю чего-то, что обязательно должен делать. Теперь... мне кажется, я счастлив.

Сэлли лениво улыбнулась.

— Ты ждал меня, дорогой. Мы с тобой предназначены друг другу от начала времен и вот наконец встретились.

— Симпатичная мысль. Только я не верю в судьбу.

— А я верю. Я ведь пресвитерианка[46]. Они все догматики.

Лейстер с любопытством поглядел на нее.

— Не знал, что ты религиозна.

— Я не стучусь к людям в дома и не предлагаю им брошюры, если ты это имел в виду. Но к вопросам веры я отношусь серьезно. Тебя это смущает?

— Нет, конечно, нет. — Он взял ее руку и перецеловал пальцы один за другим. — В тебе меня ничто не смущает.

---

[46] notes: 46

Пресвитериане — религиозное течение, возникшее в Шотландии и Англии в конце XVII в., одна из ветвей протестантизма.

Сэлли освободила руку.

— Есть кое-что, о чем ты еще не знаешь. Я все не могла тебе сказать, но сейчас, по-моему, самое время.

Лейстер внимательно выслушал рассказ Сэлли о птице-людях и их решении. Договорив, она заметила:

— Ты вроде бы и не удивлен.

— Конечно, нет. Я с самого начала чувствовал, что тут что-то не то. Что-то не сходится. Другие могли дурачить себя по поводу путешествий во времени. Я — нет.

— Тогда почему ты пошел на это? Почему просто не отказался?

— И никогда не увидел бы динозавров?

Лейстер засмеялся.

— Я прожил мою жизнь так, как хотел. Я получил ответы на вопросы, которые считал безответными. А теперь я еще получил и тебя. Чего мне еще... Слушай, а чья это комната? Твоя или моя?

— Твоя.

— Тогда где-то здесь должны быть мои вещи.

Он начал открывать ящики, перерывая стопки одежды.

— И если мои вещи здесь, то здесь должна быть... Ага! Вот она!

В одном из ящиков лежал томик Шекспира. Лейстер лихорадочно перелистал страницы.

— Вот, это из «Бури». Он прочитал вслух:

Окончен праздник. В этом представленье
Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они.
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь – о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.[47]

Лейстер закрыл книгу.

— То же самое могу сказать и я.

---

[47] notes: 47
Перевод М. Донского

Сэлли вновь улыбнулась, уже совсем не лениво.

— У нас полно дел. Ну-ка иди сюда, а то не успеем.

— Сколько нам осталось?

— Немного. Несколько часов личного времени.

— Вполне достаточно.

Гриффин оставался около диска, даже когда все уже разошлись. Он должен был проследить за возвращением спасателей. Как только последний человек покинул мезозой, военные принялись демонтировать оборудование.

Все кончено.

В последний момент он решил не рассказывать вернувшимся палеонтологам о решении птицелюдей. Что ребята могли сделать с оставшимся временем, кроме того, что уже начали делать? Они радовались. Так пусть порадуются.

Щедрые покровители с Пангеи даровали ему последнюю, прощальную поездку в прошлое. Он вышел через центральный вход и сел в поджидавший его лимузин.

Последний раз Гриффин ехал в Пентагон.

Из временного туннеля он попал на станцию, за день до этого закрытую официально. Прошел

пустое здание насквозь и вышел наружу. Стояло яркое, но туманное утро, перекликались друг с другом динозавры. Вдалеке маячили просвечивающие сквозь дымку серые туши апатозавров.

Вот и закончились его обязанности. Он сражался как лев. И проиграл. Гриффин ожидал, что мысль о поражении ляжет на душу тяжким грузом, но, как ни странно, не дождался.

Напротив, внутри поднималась волна радости. Бог свидетель, он любит мезозой! Вот так, здесь и сейчас. Ни на что бы его не променял!

Гриффин вглядывался в мерцающий туман, когда услышал звук шагов. Ему не надо было поворачиваться, чтобы узнать подошедшего.

Старикан остановился позади и положил руку на плечо Гриффина.

— Ты славно поработал, — сказал он. — Никто не сделал бы лучше.

— Спасибо, — отозвался Гриффин. — А теперь скажите мне, что во всем этом можно найти хоть какой-то смысл. Скажите, что я потратил лучшие годы своей жизни на что-то мало-мальски дельное.

Прошло несколько минут. Гриффин подумал, что ответа не последует, но Старикан наконец заговорил:

— Представь себе, что тебя арестовали. Справедливо или несправедливо, не важно. Присудили к пожизненному заключению. Ты заперт в малюсенькой камере с крошечным зарешеченным окном. Из него почти ничего не видно — кусочек неба, вот и все. Но вот однажды на окошко прилетает маленькая птичка с соломинкой в клюве. И ты понимаешь, что она и ее партнер решили построить гнездо над окошком. Ты можешь отреагировать по-разному. Поймать птичек и попытаться их приручить. Дождаться яиц, стянуть их и разнообразить свое меню. Можешь даже убить — нечего порхать на свободе, когда ты взаперти! Все зависит от темперамента.

— А что бы сделали вы?

— Я... Я бы наблюдал за ними. Попытался бы изучить, как они размножаются, что едят, когда отдыхают, как развиваются их птенцы.

— Если вы уверены, что не покинете своей клетки, то за каким чертом вам все это нужно?

— У меня нет ответа на вопрос. Мне просто интересно. Знание лучше неизвестности, — заключил Старикан.

Гриффин обдумал высказывание и согласно кивнул.

— Это правда. Но хватит ли этого?

— Чтобы оправдать твою жизнь? Старикан покачал головой.

— Я не могу говорить за других. Но, с моей точки зрения, жизнь не требует оправданий. Она просто есть. И пока я здесь, на этой Земле, я хочу знать... Просто *знать*. Веришь ли, я и правда считаю, что этого хватит.

— Сколько нам осталось?

Старикан откашлялся.

— Не думаю, что это имеет хоть какое-то значение.

Невидящим взором Гриффин посмотрел на часы. Затем аккуратно снял их с запястья и опустил в карман.

— Наверное, вы правы.

Они помолчали.

— Хороший сегодня денек, правда? — заметил Гриффин.

— Да, — ответил он себе, — замечательный. Если когда и был лучше, мы его не помним.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мезозойская эра Меловой период

Поздний

Века:

Маастрихтский — 65 — 71 млн. лет до н. э. Кампанский — 71 — 83 млн. лет до н. э. Сантонский — 83 — 86 млн. лет до н. э. Коньякский — 86 — 89 млн. лет до н. э. Туронский — 89 — 93 млн. лет до н. э. Сеноманский — 93 — 99 млн. лет до н. э.

Ранний

Века:

Альбский — 99 — 112 млн. лет до н. э. Аптский — 112 — 121 млн. лет до н. э. Барремский — 121 — 127 млн. лет до н. э. Готеривский — 127 — 132 млн. лет до н. э. Валанжинский — 132 — 137 млн. лет до н. э. Берриасский — 137 — 144 млн. лет до н. э.

Юрский период

Поздний Мальм

Века:

Титонский — 144 — 151 млн. лет до н. э. Кимериджский — 151 — 154 млн. лет до н. э. Оксфордский — 154 — 159 млн. лет до н. э.

Средний Доггер

Века:

Келловейский — 159 — 164 млн. лет до н. э. Батский — 164 — 169 млн. лет до н. э. Байосский — 169 — 177 млн. лет до н. э. Ааленский — 177 — 180 млн. лет до н. э.

Ранний Лейас

Века:

Тоарский — 180 — 190 млн. лет до н. э. Плинсбахский — 190 — 195 млн. лет до н. э. Синемюрский — 195 — 202 млн. лет до н. э. Геттангский — 202 — 206 млн. лет до н. э.

Триасский период

Поздний

Века:

Раетийский — 206 — 210 млн. лет до н. э. Норийский — 210 — 221 млн. лет до н. э. Карнийский — 221 — 227 млн. лет до н. э.

Средний

Века:

Ладинский — 227 — 234 млн. лет до н. э.

Анизийский — 234 — 242 млн. лет до н. э.

Ранний

Века:

Оленекский — 242 — 245 млн. лет до н. э.

Индский — 245 — 248 млн. лет до н. э.